

Дмитрий Митюшин

Тень ягуара

Дмитрий Митюшин

Тень ягуара

«Издательские решения»

Митюшин Д.

Тень ягуара / Д. Митюшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838637-4

Сергей — преуспевающий московский бизнесмен. Жизнь удалась. Дорогая машина, хорошая квартира на Кутузе. Рядом родители, невеста. Лучший друг, с кем вместе по девчонкам ходили, на охоту ездили. В один момент всё проваливается в преисподнюю. Почти в прямом смысле... Странной смертью погибают родители. Невеста разбивается в автокатастрофе. Сергея на охоте в сельве порвал ягуар... Каково же узнать, что всё не случайно? Смерть близких людей, нападение хищника. Всё подстроено. А сам Сергей стал чудовищем...

ISBN 978-5-44-838637-4

© Митюшин Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	71
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Тень ягуара

Дмитрий Митюшин

© Дмитрий Митюшин, 2017

ISBN 978-5-4483-8637-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

.

Пролог

Чёрные лапы мягко приминают зелёную траву, лезущую из красной почвы. Сорокаметровые деревья защищают от яркого, тропического солнца, но июнь – самый холодный месяц в Паране. Разноголосый птичий гам наполняет тёплый, сухой и прозрачный воздух. Маленькая пичуга слетела с ветки. Пернатым нет дела до крадущегося в зарослях ягуара. Зверь крупный – килограмм сто десять, метра два длиной, ростом с мастифа, с идеальным, глубоким, антрацитовым цветом шкуры. Обычно чёрными бывают самки. Этот – самец. Под блестящей шерстью перекачиваются сильные мышцы.

Хищник замер, превратившись в изваяние. Нос задвигался, втягивая воздух. Запах человеческого пота и вонь ружейной смазки. Едва шевельнулись треугольные, чуть округлые уши. Клац! Тихо звякнул металл. Ещё раз.

Жёлто-зелёный ара уставился круглым глазом на стелющуюся внизу по земле огромную кошку. Голова набок, гребень вздыблен. Из распахнутого клюва вырвался боевой вопль. Через пару секунд резкий звук отвлёк попугая, и интерес к притаившемуся хищнику моментально пропал.

Мягко и плавно зверь скользит дальше. Мощный торс бесшумно раздвигает высокую траву. Если б ягуар встал на задние лапы, зелёная стена всё равно скрыла бы его с головой. Легко и грациозно для тяжёлого туловища кошка перескакивает через поросшее мхом бревно. Резкий бросок вперёд. Чёрное тело в считанные секунды преодолевает около тридцати шагов. Птичий гвалт глушит тихий шорох зарослей.

Хищник застывает в пяти шагах от тропы, внимательно глядя сквозь просветы в колышущихся от ветерка высоких стеблях. Едва слышный металлический стук. На тропу выходит человек низкого роста. Запах сельвы, костра, людского жилья, но не городских поселений, а лесных вигвамов. Запах живущего в сельве народа, кому джунгли – родной дом, источник жизни. Следом ещё один. Потом ещё. Всего пятеро.

Поблизости, метрах в двухстах, трёхстах слышны звуки и чувствуется тяжёлый дух толпы двуногих. Охота? На него? Возможно. Зверь, отведавший человеческого мяса, с трудом от него отвыкает.

Впереди идущий человек останавливается напротив ягуара. Левая рука поднимается над головой. Колонна замирает. Ружья медленно сползают с плеч, стволы хищно ошестиниваются, грозя смертью. Кошка плавно припадает к земле, застывая, будто высеченная из чёрного гранита. Трое из пятёрки знакомы. Местные. Третий и четвёртый – чужаки.

Охотники тронулись дальше. Ноздри зверя затрепетали. Кто из них? Второй?... нет, третий... тоже нет, четвёртый... Он! Сегодняшняя добыча. У каждого человека неповторимый запах, вместе с присущим большинству людей бензиновой, табачной, алкогольной и оружейной вонью. От замыкающего несёт табаком, ромом и чем-то ещё. До чего же он опустил!

Мышцы застывают в неподвижности. Лишь уши шевелятся словно радары, ловя окружающие звуки. Сердце гонит по венам горячую кровь.

Охотники медленно проходят мимо. Четвёртый замирает. Последний что-то говорит. Добыча оборачивается и испытующе глядит на заросли, где затаилась смерть. Хищник уверен – обнаружить его невозможно. Человек видит лишь колышущуюся зелёную стену. Скорее всего, ощущает чужой взгляд в спину, но не чувствует притаившейся гибели. Двуногие примитивны. Отвыкли пользоваться способностями, данными от природы.

Сухой металлический щелчок. Добыча медленно поднимает ружьё.

Двадцать ударов сердца человек смотрит в глаза смерти. Смотрит, но не видит. Ягуар тянет носом воздух. Вкусный запах свежего парного мяса вперемешку с вонью оружия. Пристальный взгляд вызывает быстро нарастающую ярость. В горле зарождается и тут же гаснет

злобный рык. Человек отворачивается. Охотники трогаются дальше. Хищник плавно и бесшумно скользит следом.

Километров через пять на небольшой полянке двуногие устроили привал. Затрещал костёр. Один из них подошёл к кустам в двадцати шагах от зверя и справил малую нужду.

Ягуар молча наблюдает, шевеля ушами и ноздрями. Намеченная жертва кладёт ружьё и направляется прямо к лёжке. Вот это удача! Человек достаёт нож со странным тёмным лезвием. До него десять шагов. Пора! Сильное тело плавно скользит вперёд.

Добыча замечает опасность и замирает, как вкопанная. Глухой рык. Чёрная молния метнулась к цели. Острые когти нацелены в грудь и... вместо нежной, тёплой плоти рассекают пустоту. Глухой рык негодования, резкий разворот, прыжок. Молниеносный удар лапой по груди. Трещит разрываемая ткань куртки. Когти вспарывают податливые мышцы, рассекают рёбра. Резкий, сладковатый аромат крови будоражит и пьянит. Под тяжестью тела хищника человек падает на спину. Мощные лапы опускаются на грудь. Разинув пасть с белоснежными зубами, ягуар рванулся к вожаемой цели – шее с жилкой, где пульсирует жизнь. Человек, защищаясь, выставляет руку. Ужас в глазах жертвы меркнет вместе с сознанием. Цель близка. Ещё чуть-чуть...

Жгучая боль в боку пронзает тело. Из горла вырывается протяжный вой, силы неожиданно быстро тают. Скорее, прочь отсюда! В спасительные заросли!

Грохот выстрелов. Шелест дробы в стеблях высокой травы и кустарниках. Горячий комочек пробивает ухо. Но разве можно сравнить это со жгучей болью в боку? Мощными точками вытекает кровь, а с ней – жизнь...

Глава 1

– Здоров, Серый, – Андрей Снетко почти вбежал в кабинет, – с прошедшим!

Сергей Исаев пожал протянутую руку.

– Привет. Спасибо.

Андрюха плюхнулся на чёрный кожаный диванчик у стены и ослабил голубой в мелкий белый ромб галстук. Пиджак светло-серого костюма расстёгнут.

– Фу, духота.

Первая неделя лета, действительно, душная. В кабинете шелестит кондиционер, и Сергею комфортно даже в тёмном костюме. А вот Андрей только с улицы. В снетковском «опеле» сдох климат-контроль, и Дронычу, как зовёт друга Сергей, пришлось гнать тачку в сервис.

– В метро ехал? – усмехнулся Исаев.

– Щаз! С тремя «зэ» на конце, – Снетко достал платок и вытер мокрый лоб. – Такси вызвал. Не поверишь, и у него кондей сдох. Прямо непруха какая-то. Окна нараспашку, а толку..., – он расстроенно махнул рукой.

– Зря, на метро быстрее.

– Прикалываешься? Ну-ну...

Андрюха, скорее всего, ночевал у очередной зазнобы, хотя только ночью вернулся из командировки. Женщины легко влюбляются в Дроныча. Ещё бы! Красавец блондин, голубые глаза, волевой подбородок. Крепкая, спортивная фигура, ни грамма лишнего жира. Идеал Отто Скорцени.

Не то, что Исаев. Тёмные густые волосы слегка прикрывают уши. Задумчивые тёмно-серые глаза. От правого виска вниз ползёт тонкий шрам, что совсем не портит Сергея. Неплохо сложен, но мускулатура, в отличие от Андрюхиной, не столь рельефна.

Друзья ходят в один и тот же фитнес-клуб. Сергей не любит тягать железо, предпочитает айкидо, где уже достиг третьего дана. Увлекается техниками дзэн-буддизма, что позволяет сохранить ледяное спокойствие в любых ситуациях. Зато Дроныч – фанат качалки.

– Как прошло? – Исаев сцепил руки в замок и положил на срочные бумаги, аккуратно разложенные перед ним на огромном столе цвета красного дерева.

До прихода Снетко он как раз ими и занимался.

– Сейчас.

Андрюха, с неохотой покинув диван, вышел в отдельную комнатку, что друзья меж собой называют кабинетом релаксации. Там холодильник, стол, бар, диван. Что ещё нужно после тяжёлого трудового дня?

Через пару секунд едва слышно хлопнула дверь холодильника. Снетко появился с пластиковой поллитровкой холодной минералки.

– Нормально, – сделал на ходу несколько больших глотков. – Договорились, что следующая партия «Бурбона»¹ пойдёт со скидкой десять процентов.

– Отлично! – Сергей откинулся в большом кожаном кресле. – Дай и мне глотнуть.

– Ща принесу. С газом? Без? А может чего покрепче? – Андрей подмигнул, возвращаясь в комнатку, – А то смурной какой-то.

– Не, – поморщился Исаев. – Потом. Без газа.

Дроныч вынес ещё одну голубоватую бутылочку.

– Лови.

Сергей едва поймал, пару раз взмахнув руками, будто жонглёр. С хрустом свернул синюю пробку.

¹ Бурбон-Сантос – сорт элитного бразильского кофе (прим. автора)

– Как тебе удалось уговорить Жуанзинью?

Андрей вернулся на диван, провёл ладонью по зачёсанным назад волосам длиной чуть выше плеч.

– Непросто, – он вкусно отпил большой глоток. – Пришлось согласиться на увеличение партии вдвое.

Вчера Дроныч позвонил из Сан-Паулу, доложил общее состояние дел. Теперь нужны подробности, и тот с удовольствием поведал. Андрюха любит рассказывать о собственных достижениях, и неважно каких: в карьере, бизнесе или на любовном фронте. Переговоры с «Трейтиш Корпорэйшн» провёл великолепно. Ничего не скажешь – мастер-переговорщик.

– Кстати, – Андрюха щёлкнул пальцами, – через две недели Жуан приглашает нас к себе. На охоту.

– Сдурел? – Сергей всплеснул руками, на пол соскользнул лист. – Дроныч, у меня через месяц с небольшим свадьба! – он поднял упавший документ. – Забыл?

– И чё? – Снетко округлил нахальные голубые глаза. – Всего-то на недельку. Тебе что, полторы недели мало до свадьбы? Представь. Сельва, охота...

Предложение заманчивое. Но, блин, свадьба! И Ритка вряд ли обрадуется, если он накануне торжества смочется в Бразилию, где, как известно, много диких обезьян.

– Откуда я знаю?! – резко проговорил Сергей, – можно подумать у меня этих свадеб было...

– Ага. А кое-кто в твои тридцать пять, – Дроныч вновь щёлкнул пальцами, эта его привычка иногда раздражает, – уже несколько раз успели жениться и развестись.

Снетко на год младше, но у того за плечами три развода.

– Пусть твоя Вика, – Андрюха кивнул в сторону двери, – свадьбой займётся.

– Да она и так занимается, – Сергей поморщился. – Ей занимаются все, кроме меня. Родители, Ритка, дядя Витя, и даже Вика.

– Ну вот, видишь, – Андрюха развёл руками. – А ты – человек занятой, у тебя дел по горло.

– Дурак ты, Дроныч.

Но всё же, чёрт возьми, так хочется куда-нибудь уехать. Хоть ненадолго. На Оку, порыбачить, или в тайгу, поохотиться. Вот – Бразилия наклёвывается. Вообще великолепно. Но, свадьба? Хотя всего-то дней пять, неделя – максимум.

– На кого охотимся? – поинтересовался Исаев.

Снетко вновь пригладил волосы. Загорелое лицо контрастно выделяется на их фоне.

– Чё? Едем?

– Я ещё ничего не решил. Просто спросил.

– На ягуара.

Сергей вздохнул. Ягуар – зверюга осторожная и опасная. Но искушение велико. Представил, дома в спальне на стене жёлтая с чёрными пятнами шелковистая шкура. М-да. Заманчиво, чёрт возьми, заманчиво... Но, блин, свадьба!

– погоди, – Исаев откинулся в кресле, что-то вспомнив, – если не ошибаюсь, ягуар в Красной книге. Ещё не хватало проблем с местным лесхознадзором или полицией.

– Серый, тебе-то какая разница? – подался вперёд Андрюха, – раз Жуанзинью приглашает, значит, всё устроит.

Жуан да ла Коста, или как они зовут его между собой, Жуанзинью – владелец компании «Трейтиш Корпорэйшн», бизнес-партнёр Сергея Исаева, владельца и гендиректора фирмы «Альфа Лимитед». Да ла Коста – давнишний приятель отца Сергея. Познакомились, когда Григорий Алексеевич Исаев служил в российском консульстве в Бразилии. Как сошлись, и что их связывает, отец не рассказывал. После увольнения из ГРУ вместе с сослуживцем Виктором Ильичом Мартыновым и другими бывшими сотрудниками спецслужб организовали концерн

«Солидарность». Жуанзинью стал бизнес-партнёром «Солидарности». «Альфа» входит в концерн, и специализируется на оптовой продаже элитного бразильского кофе по России. Закупают, разумеется, у да ла Косты.

Сергей пока не женат, но скоро исправит досадную промашку. Невеста, Ритка, единственная и любимая дочь Мартынова. Вибалмошное, но очаровательное создание.

Через два-три года Сергей планирует уйти в концерн на руководящую должность. Одно из условий, поставленных руководством «Солидарности», – женитьба на Маргарите Мартыновой. Зачем, не понятно. Он и так женится на Марго. Свадьба через месяц.

Ну и наконец, этот раздолбай, Андрюха Снетко. Зам Исаева по региональному развитию и международным связям. По совместительству лучший друг. После ухода Сергея в «Солидарность» на правах лучшего друга, скорее всего, станет гендиром «Альфы». Этот вариант с руководством концерна ещё не оговаривался, но проблем быть не должно. Вместе учились с седьмого по десятый класс. Андрей свободно владеет английским, немецким, испанским и португальским. Последним – и в бразильском варианте. Хуже французским и арабским. Талант к языкам у Дроныча с детства.

Затем Сергей поступил в универ, на экономический факультет, а Андрюха – в какой-то областной юридический институт на международно-правовой.

Сергей свободно владеет английским, также понимает «по-бразильски» и может довольно сносно общаться на бытовом уровне. Но Андрюха знает «бразильский» в совершенстве. И отличный переговорщик. Вот сегодня ночью вернулся с переговоров. Убедил Жуанзинью сделать скидку. Из-за этого не пришёл на день рождения, хотя обычно такие мероприятия не пропускает. Праздновали без него. Сейчас последствия днюхи дают о себе знать.

В дверь постучали.

– Да?!

В кабинет вплыла Вика, секретарь Исаева. Длинные, распущенные волосы аккуратно огибают серые, чуть раскосые глаза. Короткий синий юбочный костюм выгодно подчёркивает стройную фигурку.

– Доброе утро, Сергей Григорьевич. Вам почта, – девушка прошла к столу.

Взглянув на Дроныча, улыбнулась.

Исаев поздоровался. На стол легла небольшая стопка бумаг. Нос уловил аромат дорогих духов. Вика чуть пригнулась к шефу. Вырез белой блузки продемонстрировал отсутствие бюстгальтера и красивые холмики. Хм. Пожалуй, даже холмы... Взгляд непроизвольно задержался там, где нужно. Это как в игре – партнёр засветил карты, и хочешь, не хочешь, а взгляд всё равно бросишь. Так и здесь.

Сергей мельком глянул на Андрюху. Тот восхищённо показал большой палец.

– Спасибо, Виктория. Оставьте, я посмотрю.

Вика направилась к двери. Чувствуя или, скорее, наверняка зная, что её разглядывают два мужика, чуть заметнее покачала бёдрами. На пороге обернулась. Очаровательная улыбка адресована всем и никому одновременно. В глазах весёлые искорки. «Скромно» опустив глазки, вышла.

– Хороша... – восхищённо выдохнул Андрюха. – Серый, она к тебе явно не ровно дышит. Тот лишь хмыкнул:

– Ага, если б я не был владельцем фирмы, она на меня даже бы не посмотрела.

– Вах! – деланно возмутился Снетко, – зачём обижаэш такую красавицу, э?

– Ладно, Дроныч, давай, за работу.

Андрей встал с дивана, руки в карманах брюк.

– Ну так как насчёт приглашения Жуанзинью?

– Подумаю.

Дроныч прошёл к выходу, у двери обернулся:

- Серый. Сельва, индейцы, индейки... блин... индианки... ягуары...
- Иди на фиг! Лучше попроси Вику принести кофе с коньяком.
- А сам, блин, попросить не мог! – возмутился Андрюха.

Несмотря на бурный вечер накануне, Сергей решил не пропускать тренировку. Обед в горло не полез, но к вечеру полегчало...

В фитнесе направился в зал айкидо. Андрюха, немного опоздав, – в качалку. Напоследок ехидно заметил, что мужчине нужно тягать железо, а не заниматься танцами и созерцанием пупка.

- Понимал бы чего, – отпарировал Сергей.
- Ну куда уж нам, убогим, до высоких материй, – буркнул Дроныч...

Отрабатывали связки бросков против нескольких нападающих. Сергей справился великолепно.

– Разум должен быть спокоен, как гладь озера в лунную ночь... Ни единой мысли, – раздался голос инструктора. – Лишь так сможете почувствовать любое нарушение гармонии мира и автоматически, а главное, адекватно реагировать на любую атаку, восстанавливая гармонию. И только так можно одержать победу в схватке перед лицом смерти, как при испытании на высший дан.

Сергею нравится эта аллегория – испытание перед лицом смерти. В реальной жизни это вряд ли возможно. Хотя, кто знает? Жизнь – штука хитрая... Бац! Пропустил удар в подбородок.

– Сергей, – снова тренер, – слишком много посторонних мыслей. Не узнаю тебя. В чём дело?

– День рождения. Вчера... был, – хмуро ответил Исаев.

– Понятно, – хмыкнул инструктор и наставительно добавил, – истинный мастер сохраняет ясность ума независимо от количества дурмана, выпитого им, – и улыбнулся. – Особо не нагружайся сегодня. Для печени это также вредно, как и возлияния.

– Хорошо, сэнсей.

С групповым боем закончили. Разбились по парам. Исаеву досталась рыжеволосая хрупкая женщина, лет тридцати. Волосы стянуты сзади в небольшой хвостик. Талия повязана белым поясом. Сергей атакует кулаком в голову и через мгновение оказывается на полу. Однако... Напарница прекрасно владеет техникой.

Его очередь защищаться. Удар ножом сверху. Исаев выполняет приём, напарница летит на пол. Зафиксировать захват Сергей не успевает, женщина выскальзывает змеей, лёгкий пережат, и она вновь в боевой стойке.

- Четвёртый дан? – наобум спросил Сергей.
- Угадали, – лёгкая улыбка тронула тонкие губы.

Красавицей назвать сложно. Невзрачная. Лишь блестящие серые глаза притягивают взгляд.

– Сергей, – он протянул руку.

– Мария, – женщина пожала ладонь и тут же выполнила сихо-нагэ, бросок на четыре стороны.

Исаев оказался на спине.

– Какое коварство! – улыбнулся Сергей и легко поднялся.

Ритуальный поклон. Напарница поклонилась в ответ.

– Никогда не видел вас раньше. Новенькая.

– Да. Недавно из Южной Америки.

Это знак! Само провидение подсказывает, нужно ехать на охоту.

– Как вас туда занесло?

Мария улыбнулась.

– Работала в Аргентине. Переводчиком при отделении фирмы.

Тренер хлопнул в ладоши – команда сменить партнёров.

Андрей качает пресс. Рельефные, не слишком раздутые мышцы красиво перекачиваются. Женщины искоса поглядывают на красавца-блондина. Он знает это и слегка рисуется.

Закончив упражнение, отправился в раздевалку, на ходу подмигнув незнакомой молоденькой девушке. Та зарделась и отвернулась.

Серый уже развязал широкий пояс. Как он там у них называется? Ладно, не суть.

– Танцы закончились? – подмигнул Андрей. – Тебе идёт эта юбка.

– Это – хакама, чудило. Самураи носили её для защиты ног всадника от кустарника, веток и прочей дребедени, – наставительный тон друга иногда раздражает, но сейчас настроение хорошее, так что пусть триндит о своих буддизмах. – Ковбои для той же цели носили кожу. В Японии в те давние времена кожа была дорогим удовольствием, и самураи использовали хакаму из плотной ткани.

– И чё? – стал подначивать Андрей.

Серый снял хакаму, и остался в белой «пижаме».

– Когда самураи потерпели поражение и их упразднили, как класс, – продолжал Исаев. Хлебом не корми, дай поговорит о японской философии, – они всё же отстояли право носить хакаму, чтобы отличаться от простолюдинов. К тому же, в бою хакама скрывает движения ног, что даёт преимущество.

Слова о простолюдинах слегка покорили.

– И зачем это вашему высочеству?

Исаев не ответил.

– Дружище, фигня всё это! – продолжил Снетко. – Сейчас в бою всё решает ствол. Согласись, от пули твоё айкидо не спасёт.

– Дроныч, это – традиция, – последнее слово Серый произнёс по слогам. – А на счёт ствола, – он хмыкнул, – согласен, от пули не убегу. Вот только где он, твой ствол?

– Дома. Сам знаешь.

– Вот именно, дружище, – Исаев приобнял Андрея сбоку за плечи, – ствол у тебя дома. А моё искусство всегда со мной.

– Не приставай, противный, – писклявым голосом, подражая гомикам, прощепетал Снетко, убирая руку друга с плеча.

– Уйди, противный, – в тон ответил тот.

Оба заржали.

– Кстати, о стволах, – Андрей открыл шкаф и потянулся за одеждой, – да ла Коста – наш партнёр. Нехорошо игнорировать его приглашение.

– Да понимаю я, – улыбка исчезла с лица друга, и он тоже протянул руку внутрь шкафа.

– Ну? И?

Серый помолчал несколько секунд, обдумывая, и решился:

– Чёрт с тобой, едем! Вот только ещё б Ритку убедить.

Ритка мурлычет в ванной какую-то песенку. Из-за шелеста душа слов не разобрать. Раскинув руки, Сергей отдыхает на широкой кровати, что ещё помнит следы их «борьбы» – смятые подушки, скомканная простыня. Тонкое одеяло почти целиком сползло на пол...

Затея с охотой Ритке не понравилась. Другого Сергей и не ждал. Она закатила скандал. В ход пошли обычные женские штучки – он думает только о себе и вообще эгоист и прочее, прочее, прочее. Многим мужикам это знакомо. Любые твои заслуги прекрасной половиной умножаются на ноль, зато собственные раздуваются до бесконечности. Правда, больше этим грешат жёны. Невесты такими вещами балуются редко – ведь надо ещё замуж выйти.

Пришлось её крепко схватить, поцеловать и отнести на кровать. Примирение состоялось...

Ритка вышла из ванной, вытирая полотенцем длинные каштановые волосы. На фоне освещённой открытой двери спальни точёный силуэт выглядит соблазнительно. Снова подкралась волна желания. Девушка села на кровать. Лицо озарилось светом полной луны, бесстыже плящущейся в открытое окно. Улыбка приподняла родинку справа над верхней губой, на щеках проступили очаровательные ямочки.

– Серёжка, не обижайся, я пойду. Папа просил, чтоб я сегодня к нему приехала.

Он привлёк девушку к себе:

– Да ради Бога, – и поцеловал мягкие тёплые губы.

Протянул руку к столику, пальцы нащупали кнопку ночника. Щёлк! Приглушённый свет залил комнату.

Ритка провела ладонью Сергею по волосам:

– Знаю, ты любишь охоту, но до свадьбы так мало времени.

Ну вот, опять за своё! У женщин прям какой-то бзик на свадьбе!

– Видишь ли, малыш, я у тебя не отпрашиваюсь. Просто сообщаю, что мне надо уехать. Улыбка исчезла с лица. Получилось грубо, Сергей чуть смутился.

– Ну спасибо! – съязвила Ритка.

– Пойми, котёнок, – он решил смягчить фразу, – Жуан – мой самый важный бизнес-партнёр и, кстати, собирается к нам на свадьбу. Не вежливо игнорировать его приглашение. А свадьбу мы сыграем, обещаю. Организация поручена Виктории.

– Ох уж мне эта твоя Виктория. Ладно, езжай, – она махнула рукой.

Н-да. Уже пытается брать власть в свои руки, хотя семьи ещё нет. Надо заняться воспитанием.

Девушка быстро вошла в чёрную длинную юбку, накинула блузку. Мокрые волосы покрыла косынкой из лёгкой полупрозрачной ткани, завязав сзади, словно бандану. Сергей в костюме Адама проводил невесту до двери. Ткнул выключатель. Прихожую залил свет. Марго обдала жарким пламенем синих глаз и чмокнула в губы:

– Не обижайся. Люблю тебя, – и выскочила за дверь.

Ритка явно расстроена и недовольная, хоть и не подаёт вида.

– Я тебя тоже люблю, малыш, – тихо приговорил Сергей.

Он подмигнул отражению в зеркале и ткнул кнопку выключателя. В прихожей стало темно. Неяркий свет из спальни едва добивает до коридора. Глянул на приоткрытую дверь гостиной. Невнятный внутренний порыв заставил пойти туда. Не зажигая свет, достал из глубины платяного шкафа тряпичный свёрток. Подарок отца. Кресло мягко приняло в драпированные объятия хозяина. Щёлкнул тумблером настенного бра. Гостиная осветилась. Сергей развернул тряпицу. Из старых потёртых кожаных ножен выглядывает рукоятка. Отец привёз из Сирии и подарил на пятинадцатилетие. Сергей медленно потянул за рукоять. В матовом свете

тускло блеснула тёмно-бурая, почти чёрная, воронёная сталь. Ярko вспыхнула серебряная инкрустация – размашистая арабская вязь над и под долом, углублением посередине клинка, которое ещё неверно называют кровостоком. Сверху на обеих сторонах выгоравировано «бисми-Ляхи-р-рахмани-р-рахим». Отец говорил, это – басмала – начало всех сур Корана. В детстве звучало красиво, и Сергей запомнил. Перевод... как же? Ах, да. «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного». Под долом, также с двух сторон, надпись более размашистая, но менее длинная – «Ля-Илляха-иль-Алла». «Нет Бога кроме Бога». Или «Всё есть Бог». Дол с обухом тоже инкрустированы серебром. В задней части рукоятки небольшое отверстие, наверно для верёвки, чтобы не выпустить оружие из руки.

С удовольствием подержал нож в руке. Пальцы удобно охватывают рукоять. Лезвие длинной в две ширины ладони, отточено до остроты бритвы. Повращал нож между пальцами. Подкинул, поймал за лезвие. Ещё раз... за рукоять и снова за лезвие. Балансировка отличная.

Сергей никому не показывал нож, даже Дронычу. А Ритка не оценит. Не любит девочка оружие и страсть жениха к охоте не одобряет. Не нравится, что убивает, как она выражается, безобидных зверюшек. Ага. Медведь-шатун, например, безобидная зверюшка. Ха-ха три раза!

Захотелось взять нож в Бразилию. Надо поручить юридическому отделу оформить провоз через границу. Обычно на охоту ездит с номерным охотничьим ножом, вписанным в охотбилет. С ним и любимым «зауэром» два раза был в Африке. Исаев бросил взгляд на неприметный сейф. Внутри – изготовленный на заказ карабин. Сейчас решил взять подарок отца. Плохо, что насечка серебряная, могут счесть произведением искусства. Хотя вряд ли... рукоятка потёртая, ножны старенькие, вытертые... Ладно, пусть юристы займутся.

Марго выпорхнула из подъезда, на ходу доставая из сумочки ключи. Нажала кнопку сигналки. Красная «мазда б» пискнула, два раза мигнули габариты. Девушка нырнула за руль. От бушевавшей ярости в замок зажигания попала только с третьего раза.

Вырулила на Кутузовский в сторону области. Обычно в начале первого ночи машин на проспекте много. Но сегодня – нет. Вдавила педаль в пол.

– Гад, сволочь! – ярость клокочет и рвётся наружу. – Охота ему важнее, чем я!

«Мазда» летит под сто сорок, ловко обходя немногочисленные попутки. На обочине рядом с полицейской машиной гаишник в светоотражающем жилете махнул жезлом. Марго выругалась и утопила педаль тормоза. Сработала антиблокировка, и «мазда» прижалась к обочине. До гаишника далеко. Ничего, сам подойдёт, не развалится! Бросила взгляд в зеркало. В глазах слёзы.

На крыше патрульной машины замигали синие и красные маячки. Через десяток секунд серый «форд» с синей полосой перегородил «мазде» дорогу. Дверь со стороны пассажирского сидения открылась, и оттуда вылез худощавый гаишник. Марго опустила стекло.

– Добрый вечер. Инспектор дэпээс лейтенант Сизов. Ваши документы.

Рита смахнула непрошеную слезу. Они где-то в сумочке. Порылась и протянула полицейскому два кусочка пластика. Разговаривать совершенно не хочется. Инспектор изучил документы.

– Что ж вы, Маргарита Викторовна, правила дорожного движения игнорируете?

Марго промолчала, только хлопнул нос. По щеке побежала слеза.

– У Вас что-то случилось? – в голосе гаишника послышалось участие.

– Нет, – огрызнулась Рита, смахнув слезу ладошкой, – всё в порядке. Сколько?

Сочувствие сразу улетучилось.

– Вы превысили скорость более чем на шестьдесят километров в час.

– Сколько? – у Марго уже кончается терпение.

– Лишение прав до шести месяцев. Прошу в патрульную машину.

В сумочке запиликало. Марго достала мобильник. Папа. Поинтересовался, где она. Ритка пожаловалась на гаишника и всю ментуру в целом.

– Вас, – протянула трубку лейтенанту.

Тот, казалось, слушал целую вечность. Рита снова смахнула слезу. Гаишник протянул мобилу с документами:

– Счастливого пути, – и, не удержавшись, добавил, – ваши личные проблемы, Маргарита Викторовна, не должны угрожать жизни других участников движения, – и направился к машине.

– Да пошёл ты! – прошипела вслед Марго.

Патрульный «форд» включил маячки и, пересёк двойную сплошную.

Девушка поднесла трубку к уху:

– Прошу, Марго, – голос отца серьёзен, – езжай аккуратней.

– Хорошо, – Рита отключилась.

«Мазда» рванула с места...

Дома, всё ещё злая, Марго закрылась в комнате. Отец постучал. Тишина. Постучал снова и, не дождавшись ответа, вошёл. Дочь в одежде лежит на неразобранной кровати. Неподвижный взгляд устремлён в потолок.

– Что случилось, дочек?

Нет ответа.

– С Серёжкой поругались?

Лёгкий кивок.

– Ну ничего, – погладил дочь по руке. – Милые бранятся, только тешатся.

– Тешатся?! – взорвалась Марго и резко села. – Это он надо мной тешится!

И рассказала всё-всё-всё. Что Сергей ею играет, что она ему не нужна, и охота для него важнее свадьбы, важнее её самой. И вообще, свадьбы не будет! Вот!

Когда дочка, наконец, выговорилась, Виктор Ильич мягко произнёс:

– Уверен, что всё не совсем так, как ты говоришь. А охота? Да пусть съездит. Что такого? Свадьба только через месяц. Успеет.

– И ты туда же! – выпалила Марго, глаза вновь наполнились слезами.

Девушка плюхнулась на кровать и отвернулась к стене.

Виктор Ильич чмокнул дочь в макушку.

Глава 2

За десять дней Ритка приезжала трижды, но не ночевала ни разу. Всё ещё дуется. Андрюха иногда возвращался к теме охоты, описывая прелести сельвы, чтоб Сергей не передумал. Зря он так. Всё решено. И чего Дроныч так печётся? Они ж не первый год знакомы, не раз охотились вместе.

Завтра рейс в Сан-Паулу, оттуда – в Сан-Мигел-ду-Игуасу, где у да ла Косты в родовом имении проживает всё его семейство.

Юристы оформили документы на сирийский нож как на орудие охоты.

Андрюха с утра собирался в «Солидарность». Судя по времени, должен вернуться. Исаев ткнул кнопку селектора.

– Слушаю, Сергей Григорьевич, – раздался голос секретарши.

– Виктория, Андрей Михайлович вернулся?

– Он только что звонил, будет минут через десять, – проворковала та.

– Хорошо, – Сергей отключился.

Убрал бумаги в стол, наиболее важные – в сейф, вмурованный позади в стену. Решил пиджак не надевать, и как был в белой рубашке без галстука, пошёл к выходу.

Виктория в красном деловом костюме великолепна. Подняла серые, чуть раскосые глаза на шефа в ожидании распоряжений.

– Свяжитесь с Андреем Михайловичем, пусть сразу идёт на сто второй.

Девушка на миг опустила глазки и с лёгкой улыбкой снова взглянула на шефа.

– Хорошо, Сергей Григорьевич.

Исаев улыбнулся в ответ. Вот лиса! На выходе из приёмной донеслось мелодичное попискивание клавиш.

Что-то долго нет лифта. Ладно, пешком. С третьего этажа на первый недолго. На лестнице прямо под изображением перечёркнутой сигареты и красной надписью «Не курить» дымят двое рабочих в синих комбинезонах. Не сразу признали шефа и даже не попытались спрятать сигареты.

– Это для кого? – рявкнул Исаев, ярый противник курения, ткнув в рисунок.

Один рабочий закашлялся, второй быстро убрал руку с сигаретой за спину. Пообещав оштрафовать обоих на десять процентов, Сергей сбежал вниз.

Вот и серая стальная дверь с красным номером сто два и табличкой «Склад». Прислонил пластиковую карточку к приёмнику. Замок щёлкнул. Исаев потянул на себя дверь. Навстречу поднялся заведующий складом, грузный мужчина лет пятидесяти с пышными усами.

– Семёныч, покажи вчерашнюю поставку.

Заведующий удивлённо вскинул брови, увидев генерального, и кивнул.

– Пошли.

Меж длинных стеллажей трое парней в синих комбезах перетаскивают мешки. Дверь бокса для въезда грузовиков закрыта. Подошли к бело-зелёным мешкам с красной надписью посередине «Трейтиш Корпорэйшн». Чуть в стороне два мешка приставлены к стеллажу. На каждом название фирмы небрежно подчёркнуто красным.

Сергей глянул на полки, свободных мест хватает.

– Почему не на стеллаже?

Грузчики взялись за мешок. Плотная ткань зацепилась за торчащий внизу перекрытия гвоздь.

– Это я попросил поставить отдельно, – в дверях бокса появился Андрюха.

Хруст раздираемой мешковины отвлёк от появления друга.

– Что творишь?! Аккуратней! – заорал Дроныч и бросился вперёд.

Парень испуганно уронил мешок на бок. В рваной дыре белеет полиэтиленовая упаковка. Гвоздь её порвал, и оттуда тонкой струйкой сыпется белый порошок.

– Это что за хрень? – Сергей присел на корточки.

– Ни хрена себе! – вырвалось у Андрюхи.

Грузчики только присвистнули.

Исаев разрезал мешок возле надписи «Открывать здесь». Сверху слой кофейных зёрен. Сантиметров десять. А вот под ним небольшие мешочки с белым порошком. Вскрыл второй с подчёркнутой надписью. Та же картина. Сантиметров десять зёрна, под ними – белый порошок. Шестеро мужчин остолбенело пялятся на содержимое.

– Ну и что это за хрень? – вновь проговорил Исаев. – Семёныч, эти мешки есть в накладных и декларациях?

– Да, Сергей Григорыч, – наморщил лоб завскладом, – двести двадцать семь мешков по тридцать пять кило.

Исаев сунул руку в карман. Чёрт, мобильник остался в пиджаке.

– Ничего не трогать! – распорядился он, – Семёныч, головой отвечаешь. Андрюха, со мной!

В приёмной Вика хотела что-то сказать, Серый только отмахнулся – не сейчас. Вдвоём ввалились в кабинет Снетко, где бледный Исаев снял трубку радиотелефона и замер.

– Ну и куда собрался звонить? – Андрей присел на край стола.

– В полицию.

Серый набрал ноль-два, палец уже нацелился на кнопку вызова.

– Стой! – Андрей выхватил трубку из рук друга. – Успеешь. Нужно подумать, что будем говорить.

– Ты о чём вообще?! – всплеснул руками Серый. – У меня на складе наркота, а ты предлагаешь никуда не звонить?!

Андрей прищёлкнул пальцами. Указательный назидательно поднят вверх:

– Вот именно. У ТЕБЯ на складе, – поставил трубку на базу. – Вернее, у НАС, – снова щелчок пальцами.

– И? – Серый соображает туго, всё ещё на взводе.

Андрей слегка встряхнул друга за плечи:

– Ты что, действительно не въезжаешь? Шевели извилинами, дружище! Мы не знаем, наркота это или нет. А если наркота, кто будет первым подозреваемым? Угадай с трёх раз, – снова встряхнул Сергея. – Ну?

В тёмно-серых глазах страх, зрачки чуть расширены.

– Я?

– Да. Ты и я.

– С каких хренов? – прошептал он.

– Да с таких, Серый, что им так удобно. Порошок где нашли? – Андрей отпустил друга и подошёл к бару. – У нас на складе. – Открыл ополовиненный «Реми Мартен» и достал пару стопочек. Тёмно-янтарная жидкость наполнила доверху две рюмки. – Вывод железный – наркота наша.

– Ты спятил, Дроныч? – Сергей наблюдает за его манипуляциями.

Андрей взял рюмки, одну протянул Исаеву.

– Я? И не думал. Пей.

Серый залпом опрокинул рюмку в рот. Андрей выпил, смакуя. Судя по тому, как порозвели щёки друга, тот приходит в норму. Разлил ещё по одной. Серёга снова выпил махом. Ну

кто ж так коньяк пьёт? Конечно, в его состоянии лучше водочки грамм этак двести, но водку Андрей не держит.

– Пойми, Серый, – он отпил глоток, и прежде чем проглотить, погонял коньяк во рту, – эта версия для ментов самая удобная. На фига кого-то искать? Для этого надо задницу от стула оторвать. А так два готовых «наркобарона». Вот нас и будут колоть. А мы с тобой, – поднял указательный палец, – будем доказывать, что ни при чём. И хрен что у нас выйдет!

Исаев протянул рюмку:

– Плесни ещё.

Снетко налил на два пальца. Серый потёр шею, другая рука потянулась к рюмке.

– И что делать? Может, позвонить Жуанзинью?

Андрей задумался.

– Нет, не стоит, – помолчал пару секунд, – пока не стоит. – Щелчок пальцами, – а вот в концерн позвони. Объясни ситуацию.

– Точно! – Исаев чуть отхлебнул.

Рюмка опустилась на стол. Серый взял трубку.

– погоди, – остановил Андрей, – абы кому звонить не стоит. В концерне есть некто, – из кармана пиджака извлёк визитницу. Ухоженные пальцы перебрали картонные прямоугольники. – Вот, – протянул найденную карточку.

На белом фоне рядом со стилизованным изображением слившихся в рукопожатии ладоней – логотипом концерна – значится «Помощник президента по общим вопросам». Далее куча телефонов. И всё. Ни имени, ни фамилии.

– И кто этот Некто? – Серый глянул на визитку, выделив слово «некто» будто фамилию.

– Подобные вопросы, – менторским тоном произнёс Снетко, – в компетенции этого Некта. Сейчас, – нажал громкую связь и быстро набрал десять цифр, – объясни, что случилось.

Когда ответил мужской голос с хрипотцой, Серый сбивчиво обрисовал ситуацию. Последовал жёсткий приказ:

– Ничего не трогать. В полицию позвоню сам. Ждать на складе. Буду через тридцать-сорок минут, – Некто отключился.

Андрей посмаковал коньяк, что в ходе всей беседы держал в руках.

– Ну что, пошли? – он кивнул на выход и опустил рюмку на стол.

Концерн прикатил через тридцать пять минут. Чёрный «мерин» эс-класса руководства, «гелендеваген» охраны того же цвета въехали прямо на склад через заранее открытые двери бокса. Второй джип и два патрульных «логана» полиции остались снаружи.

Пока охрана в строгих чёрных костюмах рассыпалась по складу, правая передняя дверь «мерина» открылась. Выскочивший охранник в солнцезащитных очках резво открыл заднюю дверь. Оттуда степенно вылез высокий худошавый мужчина лет тридцати пяти на вид. Пиджак песочного цвета костюма застёгнут на все пуговицы. Совершенно лысый череп блестит от света ламп. Сергей иногда встречал вальяжного господина в концерне, но кто такой, как зовут, не знает. Скорее всего, тот самый Некто, как он окрестил гостя.

Мужчина, заложив руки за спину, подошёл к друзьям. Водянистые глаза впились каждому в лицо, и от ледяного взгляда стало не по себе. Похоже, у Андрюхи те же чувства. Гость безошибочно обратился к Исаеву:

– Где?

Голос с хрипотцой, что и по телефону. Сергей показал на пару мешков у стеллажей.

Некто едва заметно шевельнул головой. Двое охранников взяли мешки и поставили перед шефом. Снова лёгкое движение. Ещё один охранник выскочил со склада. Через полминуты в его сопровождении быстро вошли двое полицейских в форме.

– Мы всё забираем, – кивнул гость на оба мешка, руки по-прежнему за спиной, и, обращаясь к полицейским, добавил, – сопроводите нас до места. О результатах экспертизы сообщим.

Один из полицейских кивнул. Некто бросил на Сергея взгляд, проникающий сквозь зрачки и упирающийся в затылок. Противное ощущение.

– Мы проведём расследование... совместно с полицией. Виновные понесут суровое наказание, – лёгкая улыбка не стыкуется с серьёзными глазами.

– А... если это... не... не наркотики? – в горле пересохло.

Снова жёсткая мимолётная улыбка.

– Тогда наказания не последует.

Неприятный гость развернулся и вальяжно пошёл к машине. Охранники сноровисто погрузили мешки в ближайший «гелендеваген». Через полминуты кавалькада укатила.

– М-да, серьёзный дядька, – криво усмехнулся Дроныч.

– Смешно? – покосился на друга Исаев.

– Это нервное, – отмахнулся Андрюха.

Нужно срочно поговорить с отцом, и вечером Сергей отправился загород.

Дом Исаевых мало чем отличается от других в коттеджном посёлке, в двадцати километрах от кольцевой дороги. Три этажа площадью чуть более двухсот метров. Участок двадцать соток. Посредине дома с первого по второй этаж тянется эркер. Участок огорожен полтораметровым кованым забором. С трассы к посёлку ведёт окружённая живописным хвойным лесом дорога длиной километров в пять.

За рулём чёрного «вольво XC90» Сергей ругал себя, что не смог сохранить спокойствие ума, как предписано адепту дзэн. Долгие занятия медитацией ни к чему не привели. Однако это не так. Он научился останавливать ход мыслей, действовать спонтанно и потому, достаточно часто, эффективно. Просто не ожидал столь подлого удара судьбы. На горизонте реально замаячил срок, любого нормального человека выбьет из колеи.

Подъезжая к дому, достал из бардачка кусок пластика. Радиочастотный ключ. Такой же, как у отца. Кованые ворота, тихо жужжа, медленно распахнулись. Кроссовер припарковался под навесом рядом с чёрным отцовским «гелендевагеном».

В прихожей встретили родители. Отец, Григорий Алексеевич, высокий, крепкий мужчина. Тёмные с проседью волосы зачёсаны назад. Несмотря на шестьдесят три года в хорошей физической форме. Генерал-майор ГРУ в отставке. Прекрасно владеет арабским, пушту и португальским, что и определило места службы – Ангола, Афганистан, Сирия, снова Афганистан и под дембель – Бразилия. На отце синий спортивный костюм. Из-под расстёгнутой до середины груди куртки выглядывает десантная тельняшка.

Мама, Екатерина Львовна, – полная противоположность. Хрупкая, невысокого роста, миниатюрная женщина пятидесяти пяти лет. В фиалковом домашнем халате. Чуть тронутые сединой русые волосы стянуты сзади в тугой пучок. Работала учителем в средней школе. Почти год как на пенсии.

Сергей обнял отца, пожав крепкую руку разведчика, чмокнул в щёку мать. Пиджак убрал в шкаф.

– Через полчаса будем ужинать, – сообщила мама.

Прошли в холл. Мама свернула на кухню, а мужчины – в огромную гостиную. Справа за квадратным столом цвета красного дерева диван, по бокам от него – два кресла с персиковой обивкой. Слева – круглый бежевый столик с тремя креслами. На ведущей в сад двери – тяжёлые оранжевые узорчатые портьеры, гармонирующие с персиковыми обоями.

Григорий Алексеевич пригласил за столик. Сергей опустился в кресло лицом к окну, отец – справа от него.

– Выпьешь?

– Нет, батя, спасибо. Мне ещё домой ехать.

– Не останешься? Мама расстроится. Ты и так у нас редко бываешь.

– Дела, батя...

– Понимаю, – отец вздохнул.

Обсудили новости политики. Сергея так и подмывает рассказать о происшествии в «Альфе», но папа не любит важные разговоры до и во время ужина. Только после.

Вскоре мама позвала в столовую. Сергей едва дождался окончания ужина, и когда с едой закончили, мужчины снова вышли в гостиную. К ним присоединилась Екатерина Львовна. Расселись за тем же круглым столиком. Поговорили о работе. Мама поинтересовалась, как у них с Марго. Так рада, что Серёжка наконец-то женится, и у них с отцом скоро будут внуки. Давно жалуется на пустоту в огромном доме. Не хватает детского крика, веселья.

– Катюш, нам с Серёжкой надо поговорить, – мягко сказал отец.

– Хорошо, – кивнула та.

Жена кадрового разведчика привыкла, что у мужа могут быть дела, её не касающиеся.

Когда мама вышла, Сергей рассказал всё, что произошло на фирме, включая прибытие сотрудников концерна с полицией. Отец помолчал.

– То, что не позвонил в милицию, правильно. Но почему не позвонил мне?

– Извини, батя, – Сергей замялся, – как-то не подумал, растерялся.

– Не подумал, – буркнул отец, – а надо было б! Ты ж всё-таки генеральный директор. Обо всём должен думать. Ладно, это лирика. Кто забрал мешки? Милиция?

– Концерн. Уже полиция, батя, – улыбнулся Сергей.

– Да мне без разницы. Милиция-полиция. Как были ментами, так и остались.

Отец задумался.

– Значит полиция... в форме или в штатском?

– Две патрульные машины. Подошли двое, в форме.

– Обычная пэпээс²?! – в голосе отца явное удивление. – Интересно. А из концерна кто?

Сергей пожал плечами:

– Даже не знаю. Он не представился.

– Как же ты звонил, не зная кому? – приподнял чёрную бровь разведчик.

– Мне Андрюха визитку показал. «Помощник президента по общим вопросам». И всё. Только телефоны. Ни имени, ни фамилии. Мы с Андрюхой окрестили его «Некто».

– Опиши.

Сергей как смог, описал. Отец на пару секунд прикрыл глаза.

– Н-да. Псевдоним «Некто» ему действительно подходит, если, конечно, он тот, о ком я думаю. Вот что, сынок, – он помял подбородок, – решать, конечно, тебе, но ты бы воздержался от поездки в Бразилию. А?

– Но, батя, охота же! И Жуан – мой партнёр. Приглашён на свадьбу. Неправильно не принять его приглашение. Завтра вечером вылетаем.

Отец посмотрел в открытое окно. Несмотря на сетку от комаров, оттуда тянет прохладой с близлежащего озера. В каждой комнате кондиционер, но мама с папой не любят искусствен-

² Пэпээс – ППС, патрульно-постовая служба полиции (прим. автора)

ный холод. Свежая прохлада куда лучше. Почти стемнело. Лишь на западе догорает багряная полоска вечерней зари.

– Значит, не смогу тебя отговорить?

– Бать, ну что тут такого? Всего лишь охота.

Отец поднялся. Грустная улыбка коснулась губ старого разведчика. Подошёл к сыну и потрепал по волосам.

– Конечно, сынок, всего лишь охота. Но будь начеку. Постоянно. И всегда на связи.

– Обещаю, – Сергей, поднявшись с кресла, обнял отца. – Мне пора, бать. Надеюсь, пробки уменьшились.

Отец проводил до прихожей и крикнул, выходя на крыльцо:

– Кать, Серёжка уезжает.

Мама быстро спустилась со второго этажа и расстроенно произнесла:

– Даже не останешься?

– Мамуль, не могу, дела.

Поцеловал мать, крепкая рука отца сжала ладонь.

Полоска зари исчезла.

Григорий Алексеевич приобнял жену, провожая глазами удаляющиеся красные фонари Серёжиной «вольво».

– Совсем взрослый, – вздохнула та.

– Даже слишком.

Вернувшись в дом, чмокнул супругу в макушку и поднялся на второй этаж.

В кабинете прохладно, окно нараспашку. Григорий Алексеевич подошёл к тяжёлому чёрному столу и включил лампу. Современные светильники не нравятся. Другое дело – старая добрая настольная лампа. Мягкий тёплый свет озарил кабинет.

Помощник по общим вопросам, значит. Помощников у президента «Солидарности» немало. По общим вопросам. Если Сергей описал правильно, под описание подходит один. Хоть зрительная память у сына неплохая, но ведь он не разведчик. Дело гнилое, ясно сразу. Концерн продолжает торговать наркотой и оружием. Когда Григорий Алексеевич и другие бывшие сотрудники спецслужб, не только ГРУ, создавали концерн, он понимал – кроме торговли кофе, нефтью, драгметаллами, фирма станет заниматься незаконным бизнесом. Тогда по-другому быть не могло. Оружие и наркота всегда приносили большие бабки. А теперь в это дерьмо вляпали сына. Или Серёжка вляпался случайно? Нет. Таких совпадений не бывает.

И судя по всему, мешки поместили уже здесь. В России. Может, даже в Москве. На таможне сразу бы обратили внимание на странную маркировку. Хотя если товар шёл через их канал...

Григорий Алексеевич бросил взгляд на стену с антикварными часами. Двадцать минут двенадцатого. В Бразилии сейчас начало шестого вечера. Включил ноутбук. Тот пискнул, загружая операционку. Исаев щёлкнул по синей пиктограмме с белой буквой «S». Программа затребовала пароль. Пальцы быстро пробежали по клавишам. Скайп выдал приветствие. Да ла Косты в сети нет. Жаль, придётся звонить по телефону, а ему нужно видеть глаза бразильца.

Взял трубку и набрал личный номер хозяина «Трейгиш Корпорэйшн».

– Алло, – раздался хриплый голос.

– Доброго дня, Жуанзиту! – Григорий Алексеевич придал голосу весёлость. – Исаев беспокоит.

– А-а-а, – обрадовался да ла Коста, – Грегориу, дорогой друг! Добрый день! – и уже португальски продолжил, – или у вас вечер?

– Ночь, – хмыкнул Исаев, переходя на португальский.

– Как Катарина?

– Прекрасно, Жуанзиту, прекрасно!

– Она у тебя всегда была красавицей.

– О да! Как Лили, мальчики, Лаурита?

– Прекрасно, всё прекрасно, дорогой! – да ла Коста засмеялся. – Вот только Мигел меня расстроил. Не хочет участвовать в семейном бизнесе, – на том конце провода слышался вздох.

– Сочувствую, Жуан.

Григорий Алексеевич решил не откладывать дело в долгий ящик. Формальности соблюдены, о семье поговорили, теперь о делах.

– Кстати о бизнесе. Я полагал, в «Альфу» ты поставляешь только кофе.

– Конечно, дорогой! – показалось, да ла Коста едва заметно напрягся. – Только кофе. Всё согласно контракту. А что случилось?

– В последней партии два мешка с неизвестным белым порошком. Не догадываешься, что это?

В трубке воцарилось молчание. Спустя секунд десять раздался озабоченный голос бразильца:

– Ты меня озадачил, Грегу. Кто обнаружил?

– Мой сын.

– Сержиу?

– Другого у меня нет. Вместе с Андреем. Порошок расфасован в небольшие пакеты. Мешки с логотипом твоей фирмы, но помечены особым образом.

Да ла Коста произнёс:

– Я обязательно с этим разберусь и сообщу тебе. Куда делся порошок?

Исаев усмехнулся:

– Почему тебя это так интересует?

– Во всём должен быть порядок, Грегу, – медленно проговорил бразилец. – Во всём! И мне не нравится, когда в моей компании происходит что-то, о чём я не имею ни малейшего понятия.

Григорий Алексеевич колебался. Говорить или не говорить? В любом случае, да ла Коста перезвонит в «Солидарность».

– Концерн забрал.

– Концерн? – голос удивлённый.

Не покидает странное чувство, что да ла Коста в курсе. Старый лис промышляет и оружием, и наркотой, и даже живым товаром.

– Не думал, Жуанзиту, что станешь подставлять моего сына.

– Ни в коем случае! – воскликнул бразилец.

– Он вылетает к тебе завтра вечером.

– За Сержиу не волнуйся, лично встречу. Всё будет в порядке.

– Очень на это надеюсь, Жуан. Очень надеюсь. Счастливо.

– Спокойной ночи, дорогой!

Исаев остался недоволен разговором. Что-то темнит старый лис. Как пить дать, темнит!

Жуан Батиста Трейгиш да ла Коста, пятидесятипятiletний президент и владелец компании «Трейгиш Корпорэйшн» пребывает в серьёзной задумчивости.

Бросил на диван бежевый пиджак из дорогой ткани. Следом полетел бордово-коричневый шёлковый галстук. Выудив из шкафчика любимую трубку, да ла Коста тут же её набил. Попробовал пальцем. Табак слегка пружинит. Отлично. С двух спичек раскурил. Струйки дыма вырвались из ноздрей как из паровоза. Хозяин «Трейгиш Корпорэйшн» подошёл к окну и глянул с двадцать восьмого этажа на улицу. Внизу по Авенида Паулиста, самому главному и знаменитому проспекту Сан-Паулу, течёт река машин. Звук редкого для июня дождя не долетает сквозь качественную изоляцию. Другое дело дома, в родном Сан-Мигел-ду-Игуасу. Какое счастье – сидеть у камина, слушать шум дождя, курить трубку...

Отец да ла Косты, тогда ещё начинающий юрист, влюбился в красавицу Изабеллу Марию Пальярис Трейгиш, единственную дочь одного из владельцев «Трейгиш Корпорэйшн». Как ни странно девушка ответила взаимностью, хоть вокруг вилась стая воздыхателей. Спустя много лет, старший да ла Коста стал совладельцем компании.

После трагической гибели родителей Жуан устранил влияние немногочисленных родственников, убедил акционеров компании продать акции фирмы, изменил устав. В итоге оказался единственным владельцем «Трейгиш Корпорэйшн». Существенную помощь оказал сотрудник русского генерального консульства в Сан-Паулу Григорий Исаев.

Уволившись со службы, Исаев и другие бывшие сотрудники русских спецслужб организовали концерн «Солидарность». Стали торговать элитными сортами бразильского кофе, драгоценными металлами, рудой, нефтью. Не брезговали оружием, наркотиками, живым товаром...

Звонок озадачил Жуана. Люди из концерна попросили отправить в «Альф» пробную партию «другого» товара. И вот звонит Грегу и предъявляет претензии.

Да ла Коста отошёл от окна и сел за стол. Дорогое ортопедическое кресло мягко прогнулось под тяжестью тела. Душистый табак приятно щекочет ноздри. Жуан потыкал в попискивающие клавиши телефона.

– Звонил Исаев, – сказал да ла Коста, даже не поздоровавшись, когда на том конце сняли трубку. – Нет, старший. Страшно недоволен, что его сын обнаружил товар. Это всё осложняет.

Помолчал, выслушав собеседника.

– Хорошо, но на вашу ответственность, – и отключился.

Пальцы пробарабанили по столу лёгкую дробь. Да ла Коста нажал на телефоне кнопку селектора.

– Да, шеф? – отозвался мужской голос.

– Гигу, зайти.

Через пару минут вошёл высокий плечистый мужчина тридцати пяти лет. Гигу, начальник службы безопасности корпорации и дальний родственник да ла Косты. Длинные чёрные волосы схвачены сзади в хвост. Левую щёку пересекает косой шрам.

– Звали, шеф?

– Присядь.

Тот опустился на кожаное кресло справа от шефа. Да ла Коста затаился и выпустил дым вверх.

– Послезавтра прилетают гости из России. Мы отправимся ко мне в имение, на охоту. Гости очень важные, твоя задача – обеспечить охрану здесь. Первоклассную охрану. В Сан-Мигеле меня будет охранять Рик со своими жандармами.

– Понял, шеф.

– Ступай.

Тот кивнул и без лишних вопросов вышел. Да ла Коста набрал международный номер.

– Извини, что так поздно, дорогой. Давай без имён, – остановил Жуан собеседника, когда тот хотел назвать да ла Косту по имени. – Последние события нас весьма насторожили. Попробуй разрулить ситуацию. Если возникнут осложнения, сообщи, ну например, о дожде... Хорошо... До встречи.

Григорий Алексеевич погасил лампу и шагнул из кабинета. В дверях застал звонок. Пришлось вернуться.

– Аллю.

– Григорий Алексеевич? – раздался бесцветный голос с хрипотцой.

Не о нём ли говорил Сергей?

– Слушаю, – Исаев снова включил настольную лампу.

– Настоятельно рекомендуем не предпринимать никаких действий.

– Вы о чём?

– О найденном порошке.

Вопрос глупый, но он его задал:

– А если не послушаю?

В трубке раздался звук, похожий на усмешку.

– Вы же не дурак, генерал. У вас семья...

– Вздумал меня пугать?!

Григорий Алексеевич сжал трубку так, что пальцы побелели, и чуть не хрустнул пластик. Кровь ударила в голову. «Теряю контроль, плохо», – мелькнула мысль.

– Пугать? – собеседник явно удивлён. – Вот уж нет. Вы же знаете НАШИ законы.

Тонкая холодная игла медленно вошла в сердце.

– Если с Сергеем или Катей хоть что-нибудь случится, я уничтожу концерн, – прошипел старый разведчик, прекрасно понимая, что едва ли сможет это сделать.

– Будем считать, договорились.

Раздались короткие гудки. Генерал постоял с трубкой в руке. Боль в груди стихла, но отпускать не хочет. Настенные часы негромким мелодичным блямсом возвестили о наступлении полуночи. Словно очнувшись, Григорий Алексеевич набрал другой номер.

– Мы же договаривались, что Сергей не будет участвовать в торговле «иным» товаром!

– Гриша, успокойся, – отозвался собеседник, – это досадное недоразумение. Поговори с Сергеем, чтоб не поднимал шум.

– Он и не собирается. Но не дай вам Бог... я тебе лично башку оторву.

– Оторвёшь, верю! – жизнерадостно рассмеялся собеседник и уже серьёзно продолжил. –

Гриша, сейчас поздно. Всё будет нормально. Поговори с Сергеем, – и отключился.

– Не дай вам Бог, с-с-суки, – прошипел генерал, потирая грудь.

Холодная игла не отпускает. Никогда не жаловался на сердце, а тут прихватило.

Да ла Коста взглянул на часы. Десять вечера. «Трейгиш Корпорэйшн» уже давно опустела. Надо сделать ещё звонок. Хочется надеяться, на сегодня последний. Набрал номер, абонент недоступен. Набрал другой.

– Жандармерия Сан-Мигел-ду-Игуасу. Дежурный – капрал Кавальейру, – отозвался женский голос.

– Скажи-ка, милая, – да ла Коста подкрутил чёрный с проседью ус, – где ваш капитан?

– Кто его спрашивает? – не слишком любезно отозвалась капрал.

– Да ла Коста.

– Он... он... – дежурная растерялась, – извините, сеньор да ла Коста, не узнала. Он на озере. На выезде.

– Свяжись, пусть мне перезвонит, срочно.

– Хорошо, сеньор. Обязательно.

Жуан отключился. Сейчас девчонка свяжется с Риком по рации, и тот сразу перезвонит. Действительно, через пару минут запиликал мобильник.

– Алло.

– Сеньор, Пенья на связи, – раздался в трубке знакомый голос.

– Здравствуй, Рик. Как дела? Куда тебя понесло на ночь глядя, что весь такой недоступный?

– Мелочи, сеньор. Фермеры выпили и подрались. Ничего страшного. Ждём вас и ваших гостей.

– Хорошо, Рики. Как брат?

На том конце возникла небольшая пауза.

– Замечательно, сеньор. Что-то случилось?

В последнее время при упоминании брата Пенья напрягается. К чему бы это?

– Ничего страшного, Рик. Просто мне бы хотелось, чтобы он познакомился с моими гостями из России. Всё-таки мои деловые партнёры.

– Конечно, сеньор. Как скажите. Всё будет в полном порядке, клянусь Мадонной.

– Отлично, Рикардинью. До встречи.

– До свидания, сеньор.

Жуан нажал кнопку отбоя. Вот и замечательно. Пенья с братом всё подготовят, славная будет охота. Пора домой.

Капитан Рикарду Кайю Кампелу Пенья, командир девятого взвода жандармерии, расквартированного на улице Руа Эвклидеш Кунья родного городка да ла Косты – Сан-Мигела-ду-Игуасу, вернулся в участок в плохом настроении. Разобравшись с драчунами, пригрозил, что в следующий раз не будет с ними возиться, а передаст дело в гражданскую полицию. Конечно, он сблефовал. Дела такого уровня в юрисдикции жандармерии или, иначе, военной полиции. Но припугнуть стоит.

Рикарду, сорокалетний низкорослый мужчина, с чуть раскосыми, как у всех гуарани, тёмно-кариыми, почти чёрными, глазами. Смуглое, слегка бронзового, как у любого индейца, оттенка лицо. Чёрные прямые волосы слегка закрывают уши. Карьерой Рик обязан да ла Косте. Индейцев гуарани неохотно берут на госслужбу, да те и не стремятся.

Пенья вышел из племени, взял португальское имя Рикарду Кайю и двойную фамилию Кампелу Пенья, как у бразильца. Первая – фамилия матери, вторая – отца. Правда, фамилии вымышленные. Мать и отец жили в сельве и носили другие имена. Брат Рика – шаман. Всё племя его уважает и боится. Авторитет шамана даже выше авторитета вождя.

В детстве маленький индеец часто убегал к «бледнолицым», играл с их детьми. Освоил португальский. От него сеньор да ла Коста немного научился языку гуарани. Парнишка оказался смышлёным. Когда вырос, отец сеньора да ла Косты пристроил Рика в местную жандармерию. Позже, когда Жуан набрал силу и влияние, смог способствовать продвижению Пеньи по служебной лестнице. Тот, в свою очередь, помогал да ла Косте в сомнительных делах. В итоге Рикарду возглавил взвод жандармерии в Сан-Мигеле. Дальнейший карьерный рост оказался... не то, чтобы закрыт, но крайне затруднителен, что Пенью не смущает. Полная власть в небольшом городке вполне устраивает. Хотя, не совсем полная. На улице Руа Убальдину ду Амарал размещается отделение гражданской полиции, в чьём ведении раскрытие преступлений.

Бывший начальник пытался копать под капитана, разрабатывая криминальные связи с дала Костой. Но бедолаге не повезло. Вскоре на охоте начальника полиции насмерть порвал ягуар. Ничего не поделаешь. На охоте всё бывает.

Новый начальник, старший инспектор Авелар, не верит в несчастный случай с предшественником и продолжает рыть под Пеню.

Вспомнился недавний неприятный разговор с инспектором. Как раз прошло два дня, как того назначили на должность. Авелар приехал в жандармерию и прямо сказал, что не верит в случайную смерть старшего инспектора Мануэла Мендеша. Пеня резко ответил, что ему плевать, во что верит или не верит начальник полиции. С тех пор пересеклись только раз, когда ловили залётных вымогателей...

Хозяин собирается познакомить брата с русскими партнёрами. Что ж, хорошо. В последнее время капитан начал побаиваться старшего родственника, но сеньору Жуану отказывать не принято.

Настоящие гуарани не признают достижений современной цивилизации. Мобильных телефонов у них нет. Они – дети сельвы, а с братом надо связаться.

В июне темнеет рано. Пеня бросил взгляд на светящийся уличный термометр на мачте напротив. Плюс одиннадцать. Вышел из здания жандармерии, надев по пути форменную куртку. Улица встретила ночной свежестью. Пожелав кутившему на крыльце помощнику дежурного спокойной ночи, сел в «лэнд-крузер» бело-чёрно-оранжевой раскраски и тронулся в сторону сельвы.

Через полчаса на пустынной асфальтированной дороге Рик заглушил двигатель и нехотя покинул тёплый салон. Стало прохладней. Пеня, прислонившись к джипу, закурил. Пощёлкивают быстро остывающие металлические детали. Недавно прошёл небольшой дождь, дорога ещё мокрая. Докурив, щелчком отправил окурок в кювет. Огонёк, описав дугу, исчез. Хоть Рик и гуарани, но уже успел отвыкнуть от сельвы. Конечно, ему там гораздо уютней, чем бледнолицым. Но... отвык.

Рикарду углубился в лес. С листвы на куртку пролилась влага. Вот, наконец, знакомая молодая паранская сосна. На нужной ветке повязал красную ленточку с национальной вышивкой.

Глава 3

Вылетели самым быстрым рейсом – через Мадрид. Чуть меньше восемнадцати часов лёта. Час проторчали в испанской столице и, наконец, рейс в Сан-Паулу самолётом авиакомпании «Иберия». Стюардессы – смуглые испанки, некоторые даже ничего...

В Домодедово проблем с оружием не возникло. У Андрюхи при виде сирийского ножа загорелись глаза.

– И ты мне такую красоту ни разу не показал?!

– Нож как нож, – Сергей пожал плечами.

Почему-то никому неохота показывать клинок, даже Дронычу.

– Батя подарил.

– Ну, Серый... – в голосе друга послышалась обида.

Пока в Мадриде оформлялись на посадку, позвонил отец, и ещё раз попросил быть осторожнее.

В самолёте Андрюха заказал коньяк и стал клеиться к стюардессе с именем «Вероника Франко» на бэйдже. Девушка с вежливой улыбкой игнорировала комплименты. Дроныч отстал.

Сергей попросил виски. Пока потягивал обжигающий коричневый напиток, Андрюха завёл разговор о найденном порошке. Исаев пожалел, что не сообщили в наркоконтроль, но Андрей уверен, в любом случае под статью попали бы они. А так, «герыч» увезли, и Бог с ним.

Исаев напрягся:

– А ты откуда знаешь, что там «герыч»?

Дроныч удивлённо уставился на него.

– Серый, ты чё? Откуда мне знать? Героин, кокаин. Какая, хрен, разница? У нас возникла проблема. Мы её решили? Решили! Расслабься. Впереди прекрасная охота, – и подмигнул...

Благополучно приземлились в аэропорту Гуарульяс.

Да ла Коста встречает лично. Низкорослый, с чуть заметным животиком, Жуанзинью, раскинув руки, шагает навстречу. Чёрные с проседью пышные усы, придающие бразильцу сходство с Будённым, топорщатся. Лицо озаряет широкая улыбка, обнажая крепкие белые зубы. Чёрные с проседью волосы, не столь густые как в молодости, зачёсаны назад. На висках небольшие залысины.

Андрюха направился к Жуану, закинув на одно плечо рюкзак, на другое – карабин в чехле. Сергей поправил рюкзак, любимый «зауэр» и двинулся следом. Старикан ему всегда был симпатичен.

– Сержиу, Андре! рад видеть! – на сносном русском поприветствовал да ла Коста.

Обменялись рукопожатиями. Сзади, шагах в пяти маячат двое. Явно с ним.

Да ла Коста представил спутников. Справа в костюме песочного цвета, как у Жуанзинью, невысокий, сухощавый мужчина лет тридцати на вид. Тёмные длинные волосы схвачены сзади в хвост. Лукас Энрике Монтейру да ла Коста, – старший сын. Работает с отцом в Сан-Паулу. Раньше Сергей с ним не встречался.

Второй – в светло-коричневом костюме. Высокий, смуглокожий, плечистый, с косым шрамом на левой щеке. Чёрные длинные волосы также собраны в хвост. Начальник службы безопасности корпорации Гильерме Роберту Кармона Эстрада, или Гигу, как его зовёт да ла Коста. Безопасника Исаев пару раз встречал.

Неподалёку ещё трое в светлых костюмах. Охрана.

Сели в машины. Да ла Коста, начальник службы безопасности, Сергей с Андреем в белый «мерс» представительского класса. Лукас с личной гвардией в два «лэнд крузера». Охранников оказалось больше трёх.

– Сейчас в гостиницу. Отдохнёте. С утра ко мне на фирму, а вечером вылетаем. Окей?

– Окей, – ответил Снетко.

Сергей лишь кивнул. Из головы не выходит звонок отца. Из-за чего он так переживает? Из-за порошка? Так мешки увёз концерн. Прав Дроныч. Забрали и хрен с ним. Вот только почему не менты забрали? Отец спрашивал, в форме они или нет. Ну, правильно! Опера в форме не ходят. А тут обычные патрульные машины. Попытался вспомнить звания полицейских. Не получилось...

Кортеж свернул на шоссе Елио Шмидт...

Утром покинули отель «Реал Паулиста». Водитель, невысокий негр лет сорока пяти с коротким ёжиком волос в белой полосатой рубашке, чёрных брюках и лакированных туфлях, сообщил, что весь багаж нужно взять с собой. В гостиницу сеньоры больше не вернутся, а сразу отправятся в Сан-Мигел.

Погода солнечная. Электронный термометр на высоком здании показывает плюс двадцать. Выруливают на Авенида Паулиста. Сергей глянул на часы. Десять ноль пять. В Москве в это время обычно не протолкнёшься, здесь же поток бежит шустро.

Миновали госпиталь святой Екатерины. За окном проплывают здания разной этажности, офисные постройки, кафе, закусочные, банки. Иногда попадаются жилые дома.

– Почти приехали, – водитель указал на высотное, этажей пятьдесят, офисное здание метрах в пятистах.

Свернули на подземную стоянку. Припарковавшись, негр вылез из машины и пошёл открывать дверь гостям хозяина. Сергей не стал ждать, пока за ним поухаживают, вылез сам. Шофёр неодобрительно покачал головой и проводил гостей до лифта.

– Двадцать восьмой этаж, сеньоры.

Сергей сунул чаевые и вдвоём с Дронычем вошёл в лифт. Андрюха ткнул на панели кнопки «два» и «восемь», и следом – с двумя стрелками, соприкасающимися носиками. Лифт идёт быстро и совершенно бесшумно.

Вскоре кабина остановилась, мелодично блякнув. Двери беззвучно разъехались. В коридоре гостей уже ждёт начальник службы безопасности «Трейгиш Корпорэйшн». Кажется, Гильерме Эстрада. Сергей не запомнил второго имени и фамилии главного охранника. Черта бразильцев – называть при знакомстве по два имени и фамилии – удивляет. Хотя, в Бразилии, из-за большого числа эмигрантов с происхождением, отличным от португальского или испанского, не так страшно называть при знакомстве человека не всеми именами и фамилиями. Особенно такая вольность в ходу среди молодёжи. А вот в Португалии могут обидеться.

Гильерме коротко поздоровался, не протянув руки, и попросил следовать за ним.

Да ла Коста встретил в кабинете, выйдя из-за стола и пожав руки. В отличие от друзей одет в дорогой светло-серый костюм без галстука. Сели за стол. Секретарша внесла на подносе бутылку чёрного «бакарди» и три рюмки.

– Спасибо, Трис, – улыбнулся Жуанзинью и обратился к гостям. – Может, что ещё, господа?

В глазах весёлые искорки.

Сергей попросил кофе.

Поговорили о делах, выпив по паре рюмок рома. Сергей залакировал кофейком и перевёл разговор на порошок, найденный на складе «Альфы».

– Сержиу, мальчик мой, я уже всё объяснил твоему отцу, – всплеснул руками да ла Коста, – Я не знаю, откуда он взялся! Клянусь Мадонной! Но обязательно узнаю, и очень скоро. Гильерме этим уже занимается.

– Жуан, я не потерплю, если в будущем в моей фирме появятся наркотики, – голос Сергея затвердел.

Дроныч слегка пнул друга под столом, мол, думай, с кем говоришь.

– Ребята, я уже сказал, – да ла Коста поставил локти на стол, кончики пальцев сложились в пирамидку, – мне самому это не нравится. С тобой я торгую только кофе. Причём лучшим в Бразилии. Клянусь Мадонной! Сержиу, Андре, мне тоже не нужны проблемы. Как только что-то узнаю, сразу сообщу. То, что вы не стали обращаться в вашу полицию, – он выделил интонацией слово «вашу», – правильно. У вас везде коррупция. У нас тоже не лучше, кстати. Поэтому, договоримся так: концерн разберётся в Москве, а мой Гигу здесь. Ещё раз повторюсь, что-то узнаю, сразу сообщу. Окей?

– Окей, – хмуро проговорил Исаев.

– Не волнуйся. Всё будет хорошо, – да ла Коста потрепал Сергея по руке, затем посмотрел на часы, – ну что ж, через два часа выезжаем. А пока Гильерме поведёт экскурсию по моим владениям. Андре их уже видел, а тебе будет интересно.

Жуанзинью вызвал начальника службы безопасности. Тот сразу же появился в дверях.

– Гигу, покажи дорогим гостям наши владения. Я завершу срочные дела, и выезжаем.

Тот кивнул.

– Прошу, господа.

Мужчины поднялись из-за стола. Гильерме открыл дверь. В зеркале Сергей заметил, как да ла Коста слегка кивнул. Явно не ему. Исаев искоса взглянул на Гигу. Губы главного охранника тронула лёгкая улыбка.

Из «Трейгиш Корпорэйшн» отбыли в четыре вечера. Путь до аэропорта занял полчаса. Личный самолёт да ла Косты уже готов к вылету.

До аэропорта Катаратас лететь чуть более полутора часов. На лётном поле их уже ждут три машины: белый бронированный «мерс» – для хозяина, такой же, только без бронирования, – для гостей и чёрный «рэндж ровер» с пятью охранниками.

Из аэропорта в Фос-ду-Игуасу ведёт широкая Авенида дас Катаратас. Прямо от трапа кортеж, минуя пункт пропуска и досмотра, сворачивает на проспект. В город заезжать не стали и свернули в обход на Руа Итаборай. На узкой, деревенской улочке, мошёной брусчаткой, кортеж смотрится роскошно. Солнце только село. В сумерках за окном с обеих сторон проносятся поля с редкими лесными насаждениями и небольшими одноэтажными деревянными постройками. По левой стороне мелькают бетонные столбы с проводами. Едут быстро, лишь перед «лежачими полицейскими» приходится сбрасывать скорость. Иногда встречаются аккуратненькие домики с участками, обнесёнными невысокими металлическими или кирпичными заборами.

Вскоре выбрались на двести семьдесят седьмое шоссе, что ведёт напрямик в Сан-Мигел-ду-Игуасу. Проехали освещённый пост дорожной полиции. К капотам чёрно-жёлтых патрульных «тойот» прислонилась двое сотрудников. Очевидно, кортеж здесь знаком. Полицейские помахали первому автомобилю.

Вот и Сан-Мигел. Уже совсем стемнело. Город обогнули по окраине, подъехав к усадьбе.

Особняк окружён трёхметровым забором из кованого железа на полуметровом фундаменте. Верх забора венчают острые пики, полусогнутые вовнутрь и наружу. Между верхушками пик протянута периметровая сигнализация. Местами виднеются видеокамеры. Подступы

к усадьбе хорошо освещены. От забора до особняка не менее четырёхсот метров. На столь огромной площади разбит парк, два сквера, лужайка для игры в гольф, теннисный корт, бассейн. Ворота медленно отворяются вовнутрь. Кортёж устремляется к освещённому особняку и вскоре тормозит перед трёхэтажным, выбеленным известью домом с колоннами.

В залитой светом галерее их уже ждут. Водитель открывает двери. Гости выходят и вместе с присоединившимся к ним хозяином усадьбы поднимаются в галерею.

Мажордом по знаку хозяина представил домочадцев. Сергей попытался с компьютерной точностью запомнить имена, ненавязчиво рассматривая каждого, кого называл мажордом.

Сеньора Лидия Джованна Сегейра Монтейру да ла Коста, хозяйка усадьбы, супруга Жуана. Невысокая полноватая женщина лет пятьдесят на вид. Светлые волосы схвачены сзади в пучок, на округлом лице сияют весёлые серые глаза.

Следующим представили среднего роста пухленького молодого человека лет двадцати двух. Младший сын хозяина – Алфреду Жуан Монтейру да ла Коста. Учится на экономиста-международника в университете в Лондоне. Окончил четвёртый курс. Глаза серые, как у матери. Волосы – отцовские, чёрные и в отличие от старшего брата, оставшегося в Сан-Паулу, короткие.

Наконец, очередь дошла до высокой миловидной девушки, лет шестнадцати, с тонкой талией и широкими бёдрами. Длинные волнистые светлые волосы обрамляют лицо с серыми, как у матери, глазами. Почти копия Лидии Джованны в молодости. Единственная и любимая дочь Жуана – сеньорита Лаура Алешандра Монтейру да ла Коста.

После девушки мажордом представил невысокого плотного мужчину, лет около сорока, с чёрными, слегка раскосыми глазами. Форма цвета хаки сидит, будто сшитая по заказу. Вдоль погон блестят по три четырёхконечные серебристые звезды. Командир взвода жандармерии, капитан военной полиции Рикарду Кайю Кампелу Пенья.

И наконец, молодой, лет двадцати семи, высокий худощавый мужчина в коричневом костюме. Тёмно-русые волосы с пробором посередине аккуратно прикрывают уши. Такого же цвета усы. Начальник городской полиции старший инспектор Бенту Николас Коэлью Авелар.

– Сеньор Сергей Исаев и сеньор Андрей Снетко, мои бизнес-партнёры из России, я зову их Сержиу и Андре, – церемонно представил да ла Коста.

Прошли в гостиную. Мажордом объявил, что ужин будет через полтора часа. Сейчас гостям предложат чай, печенье и фрукты. Вышколенная прислуга разнесла багаж по гостевым комнатам.

Расселись в удобных креслах, и потекла светская беседа на отвлечённые темы. Дочь хозяйки, Лаура, расспрашивает гостей о России, о Москве, чаще обращаясь к Сергею. Андрюха прикладывает усилия, чтоб удержать внимание красавицы на себе. Португальским Дроньч владеет несравненно лучше. Похоже, Лауре нравится лёгкий акцент Исаева, неспешная манера говорить, в отличие от быстрой темпераментной речи бразильцев. Девушка сама старается говорить медленней. Полтора часа пролетели незаметно.

Вскоре всех пригласили в столовую.

– Прошу прощения, сеньор да ла Коста, – подал голос инспектор Авелар, – благодарю за приглашение, но мне необходимо идти. Служба.

– Что ж, жаль конечно, но ничего не поделаешь, – да ла Коста пожал инспектору руку, – заходите, запросто без церемоний. Всегда буду вам рад.

Инспектор поблагодарил и обещал непременно зайти. Пожал гостям руку, сказав, что рад познакомиться.

– Интересный молодой человек, – проговорил да ла Коста, когда инспектор вышел. – Такой юный, а уже начальник полиции. Хоть наш городок и небольшой, но всё же.

Сергей заметил кривую усмешку капитана жандармов. Вражда разных силовых ведомств? Возможно. Батя о таком рассказывал.

В столовой расселись за широким прямоугольным столом. Во главе – сеньор да ла Коста, по правую руку – жена. Вдоль длинного края со стороны да ла Косты – дочь, младший сын Жуана и командир жандармов.

Гости – со стороны Лидии Джованны. Сергей оказался рядом с хозяйкой дома и напротив Лауры.

Подали позолоченные приборы. Андрюха, заметив его удивлённый взгляд, пояснил. На подобных мероприятиях присутствующим раздают серебряные приборы, а хозяину дома и дорогим гостям – позолоченные. И точно. В руках Лауры и Лидии Джованны вилки и ножи из белого металла, у да ла Косты, Дроныча и у него – блестят позолотой.

За столом Жуан стал нахваливать детей. Старшего Сергей видел в Сан-Паулу. Здесь познакомился с младшим. Про среднего Жуанзинью не сказал ни слова.

– А где средний? – шёпотом спросил Исаев у Андрюхи.

– Жуан не любит о нём говорить. Потом расскажу, – прошептал тот.

После второй перемены блюд тему беседы сменили. Заговорили о предстоящей охоте.

– Сер-гей, – девушка чуть запнулась на непривычном имени. Понравилось, что Лаура назвала его по-русски, а не на португальский манер «Сержиу». Вроде бы мелочь, а приятно. – Вы любите охоту?

– Не скажу, что фанат. Но не откажусь, если время позволяет.

Слово «фанат» помог перевести Дроныч.

За окном давно стемнело. Это в Москве в середине июня в девять вечера светло, а тут – начало зимы.

– Тут видели двух или трёх ягуаров, – да ла Коста набил табаком любимую трубку. – Для наших мест многовато.

– Может мало? – удивился Сергей. – Слышал, ягуар в Красной книге.

Бразилец чиркнул спичкой.

– Сержиу, мальчик мой, – Жуан попытлся, раскуривая, – вы же приехали в такую даль не для того, чтобы выяснять, кто в красной книге, кто в синей, – затянулся и выпустил дым. – У нас охота на ягуаров разрешена, а вот у наших соседей, – сделал неопределённый жест куда-то за спину, – в Аргентине, запрещена. Кстати, у меня сюрприз, – он понизил голос, – здесь видели меланиста.

– Кого? – переспросил Андрюха.

Он исправно переводил места, где Сергею не хватает словарного запаса. А сейчас сам не понял.

– Чёрного ягуара, – расплылся в довольной улыбке хозяин дома.

– Ух ты, – восхитился Исаев, – пантера. Самка?

– В том то и дело, что самец. Большая редкость, – да ла Коста вновь пыхнул трубкой. – И довольно крупный. Если повезёт, завалим его, а нет, возьмём обычного, рыжего.

– Сколько нас будет всего? – поинтересовался Сергей.

Да ла Коста подумал, затягиваясь. Выпустил дым.

– Не считая фермеров, пятеро. Я, вы двое, Рики, – указал на жандарма, – и проводник-индеец.

Сергей удовлетворённо кивнул.

Небольшой перерыв. Сколько жрать-то можно? Вышли из-за стола. Жандарм что-то шепнул Жуану и пошёл к выходу. Сергею это не понравилось.

– Скоро вернётся. Дойдёт до участка и обратно – сообщил да ла Коста Исаеву, взглядом провожающему капитана.

Действительно, какого хрена? Что за паранойя?! Человек на службе, у него дела. Сергей протёр глаза – смена часовых поясов даёт о себе знать. В Москве уже раннее утро.

– Сержиу, пойдём, подышим.

Мужчины отправились в галерею. Но не в центральную, а в боковую, куда выходит столовая. На улице прохладно, градусов восемь... десять. На Сергее только футболка. Не то чтоб очень холодно... некомфортно.

– Пойду, куртку накину.

Да ла Коста приказал проводить «сеньора Сержиу» в его комнату.

По дороге Сергей попытался узнать что-либо о капитане. Слуга по имени Альфонсо, ответил, что Пенья безгранично предан сеньору Жуану. Поднялись на второй этаж. Слуга открыл дверь и пригласил войти. Исаев вытащил из рюкзака и накинул пятнистую куртку.

– Ваш ключ, сеньор Сержиу. Если что-то понадобится, всегда можете меня вызвать. Вон около кровати кнопка.

Сергей поблагодарил и отправился обратно. Слуга громко топает в двух-трёх шагах позади. Исаев вышел в галерею. Вот теперь нормально.

– Скажите, Жуан, почему вы не пригласили инспектора? Как его? М-м... Авелара.

– Как не пригласил? Пригласил. Сам же видел. У человека дела. У полиции много работы, даже в таком маленьком городке как Сан-Мигел. В наших краях Авелар человек новый. Недавно прибыл из Рио, присматривается к нам, мы – к нему. Вот малость оботрётся, познакоимся поближе.

В галерею вышел Дроныч в пятнистой куртке. Видать, тоже сначала зашёл к себе.

– И чего его в такую глушь потянуло? – спросил Андрюха, услышав часть разговора.

Бразилец пожал плечами, но Исаева больше заинтриговало другое.

– А где тот, что был до него?

Жуан вздохнул.

– Несчастный случай.

Предшественник Авелара старший инспектор Мануэл Мендеш был заядлым охотником. Иногда они вместе охотились, но инспектор любил ходить в сельву в одиночку. Особенно обожал стрелять крупных зверей. Ягуаров там, крокодилов. Инспектору не повезло. Однажды ягуар оказался проворней и порвал беднягу Мануэла. Истекающий кровью инспектор по рации вызвал помощь. До больницы, увы, не довели. Скончался по дороге. Фермеры устроили облаву, выследили и застрелили ягуара-убийцу. Сергей читал, что ягуары обычно не агрессивны и крайне редко нападают на человека. Возможно, инспектор подранил зверя. Он высказал мысль Жуану.

– Вряд ли, – бразилец покачал головой. – Мендеш отлично стрелял. Скорее, чем-то спровоцировал нападение.

Вдали за оградой проезжают редкие машины. Одна тормозит около ограждения и гасит фары.

– А капитан? – поинтересовался Исаев.

Да ла Коста жестом подозвал слугу и отдал трубку. Тот быстро сбегал и вернулся с набитой. Жуан, раскурив, рассказал.

Пенья, оказывается, безраздельно предан да ла Косте. Об этом говорил слуга. Родом из местного индейского племени гуарани. Рик, будучи мальчишкой, часто прибегал из сельвы в усадьбу играть с местными детьми. Смышлёный парень. В Бразилии гуарани редко берут на постоянную работу, а уж на госслужбу и того реже. Но Рикарду Пенья, как позже назвали его в доме да ла Косты, тянулся к цивилизации. Мальчик вырос, овладел грамотой, и по протекции отца Жуана поступил на службу в военную полицию. Что вообще из ряда вон, но формально законом не запрещается. За двадцать лет службы стал командиром местного взвода

жандармерии. Дальнейший карьерный путь для Пеньи закрыт. Да он и не стремится. Индейца вполне устраивает занимаемая должность.

Брат капитана – шаман. Племя отвернулось от Рика, считает изгоем. Но с братом капитан поддерживает отношения.

Рик вышел из особняка. Справа в тени молодых паранских сосен приткнулся белый «лэнд круизер» с золотой и серой полосой вдоль бортов. На передних дверях под гербом штата Парана надпись «четырнадцатый батальон». Такой же герб на капоте с продольными серыми и жёлтыми полосами. Под ним чёрными буквами – «военная полиция». Такая же надпись, только жёлтая, на серой полоске задних бортов. На передних крыльях над жёлтой полосой чёрные цифры «5315».

Капитан нажал кнопку сигнализации. «Круизер» пискнул. Дважды мигнули габариты. Ставить в усадьбе да ла Косты машину на охрану нужды нет. Кто её здесь тронет? Привычка.

Пенья подъехал к воротам. Те плавно распахнулись. Однако отправился не в участок, а неспешно покатыл вдоль забора. Сейчас направо. Вон показалась боковая галерея усадьбы. Джип остановился, двигатель затих. Пенья погасил фары. Где-то в бардачке бинокль. Порылся. Ага, вот он. Рик нехотя покинул тёплое нутро джипа. Темнеющая невдалеке сельва молчит. Здесь слишком много шума, и ночная живность сюда не заходит. Пенья, вглядываясь во тьму, пошёл в лес.

От дерева отделяется тень. При ближайшем рассмотрении ею оказывается невысокий худощавый мужчина пятидесяти лет в набедренной повязке и простой накидке из плотной ткани. Мягкие самодельные тапочки из кожи ламы согревают ноги. Чёрные волосы распущены по плечам.

– Ты звал меня, брат? – спросил шаман тихим, но сильным голосом на гуарани.

– Да, брат.

Пенья подошёл ближе.

– Какая же у вас здесь вонь, – скривился тот, – от этих железных повозок.

– Мне снова нужна твоя услуга, – Рик пропустил слова брата мимо ушей и кивнул в сторону усадьбы. – Видишь двоих?

– Прекрасно вижу. Один – главный местный бледнолицый. Другой – чужак.

Капитан поражён. Он не может разглядеть лиц так далеко, к тому же в темноте. Приник к окулярам.

– Ты потому не видишь, что живёшь среди бледнолицых, – попенял брат. – Жил бы как наши предки, тоже отлично бы видел.

Пенья опустил бинокль.

– Мне нужен чужак.

Лицо шамана безразлично.

– С бледнолицыми и чернокожими слишком много проблем. Потом из-за них убивают ягуаров, пугают других зверей. Всему племени плохо.

– Знаю, но надо позарез.

Брат поднял голову к молодой луне. Чуть раскосые глаза закрылись. Спустя минуту заговорил:

– Чужаки – плохие. Слишком важные. Из-за них будет плохо.

Пенья взглянул на заострённое и побелевшее в лунном свете лицо брата.

– Не волнуйся. Это моя забота. Вас не тронут.

Тот открыл глаза.

– Который?

Капитан снова поднёс к глазам бинокль. В галерею вышел ещё один. Вгляделся. Точно. Снетко.

– Тот, что вышел первым, вместе с главным бледнолицым.

Шаман недолго вглядывался в галерею. Потянул носом воздух, принюхиваясь.

– Какая ж у вас здесь вонь, – снова проворчал он. – Когда?

– Завтра, как солнце пойдёт на вторую половину неба.

– Хорошо, я его запомнил.

Брат развернулся и, не попрощавшись, бесшумно растворился в темноте. Вот что значит дети сельвы.

Разговор плавно перетёк на дела. Женщины не стали мешать и оставили мужчин. После часового отсутствия вернулся капитан. Наконец-то! Да ла Коста ничем не выказал радости, хотя за время отсутствия Рикарду весь извёлся.

– Прости, Рик, – громко пробасил Жуан, когда тот сел за стол. – Совсем забыл спросить, как поживает твой брат?

От ответа зависит многое.

– Пустяки, сеньор, – Пенья махнул рукой, мол, ничего страшного, что забыли. – Всё в порядке, жив здоров. Клянусь Мадонной, в его возрасте иметь отменное здоровье...

Да ла Коста облегчённо вздохнул:

– Хвала Мадонне. Да пошлёт святая Дева Мария ему долгие годы, – и скупно перекрестился.

Порядок. Брат Рика будет на охоте. Если бы что-то пошло не так, Пенья сообщил бы о болезни.

– Сколько же лет вашему брату, капитан? – Сержиу с интересом взглянул на жандарма.

– Пятьдесят, сеньор Исаев.

– Зовите меня Сергей, или, как принято у вас, Сержиу.

– Хорошо, сеньор Сержиу, – кивнул Рик.

Жуан едва заметно улыбнулся. Рiku безразлично, как обращаться к Исаеву. Сержиу ждёт, что капитан скажет, как обращаться к нему. Тот не намерен развивать тему.

– А к вам как обращаться, капитан? – не выдержал гость.

Да ла Коста принялся набивать трубку, слегка опустив голову, чтоб скрыть улыбку.

– Как угодно, сеньор, – тот безучастно пожал плечами, – можно просто «капитан». Хотите, по имени – «Рикарду» или «Рик».

Ещё немного потолковали. Наконец, Жуан предложил:

– Ну что ж, гостям пора отдыхать. Сержиу, Андре, не спешите, отсыпайтесь. Ягуар – охотник сумеречный. Спозаранку вставать ни к чему. Выезжаем в полдень. Отдыхайте.

Гости пожелали всем спокойной ночи. Жуан проводил гостей взглядом. Когда те вышли, спросил:

– Всё прошло нормально, Рик?

– Да, хозяин.

Пенья рассказал про опасения брата, и почему тот не хочет иметь дело с бледнолицыми, особенно с такими важными, как эти двое русских.

Андрей постучал в дверь, Исаев открыл почти сразу. Ещё даже не переоделся.

– Ты чего? – удивился Серый.

В комнате горит настенный светильник.

– Не спишь?

– Нет пока. Чего хотел-то?

Похоже, пускать не собирается.

– Серый, нож покажи, а?

Исаев ухмыльнулся.

– Ну проходи.

Гостевые комнаты практически не отличаются друг от друга. Широкая кровать, шкаф для одежды, плазменная панель. Даже вай-фай есть. Выход на балкон с балюстрадой. Только цвет обоев разный. У Снетко салатового цвета, а здесь – песочного.

– На кой он тебе? Нож как нож.

Серый покопался в рюкзаке и, не вынимая из ножен, протянул рукояткой вперёд. Андрей подержал оружие. В отверстие рукояти вдет прочная капроновая верёвочка. Медленно потянул клинок из ножен. Мягкий свет бра рассыпался весёлыми искорками на белой инкрустации чёрного лезвия.

– Красавец! – выдохнул Андрей и прочёл арабскую вязь. – Басмала? Круто. А тут? Нет Бога кроме Бога, – Потрогал пальцем инкрустацию. – Серебро?

Серый протянул руку за ножом.

– Хрен его знает. Может, цинк или олово.

Андрей вставил клинок обратно и нехотя протянул другу.

– Да ладно! Кто станет отделять оружие цинком, а тем более оловом?

Исаев убрал нож в рюкзак.

– Мало ли. Вдруг тот, кто его сделал, был беден?

Андрей подумал и не согласился. На востоке, даже если человек беден, оружие инкрустирует благородным металлом. Или оставит, как есть.

– Дроныч, – Серый протёр глаза, – давай спать.

– Спокойной ночи, – хлопнул друга по плечу и вышел.

В замке повернулся ключ.

Сергей запер дверь. И чего Дроныч припёрся? Утром, что ль, нельзя посмотреть? Ни в гостинице, ни завтра, а именно сейчас. Блин! Паранойя! Это же Дроныч!

Принял позицию сэй-дза, опустившись на колени и усевшись на пятки. Внимание на тан-дэн – точку на три пальца ниже пупка. Постепенно мысли исчезли, дыхание замедлилось.

Ум как гладь озера в лунную ночь. В голове пустота. Необыкновенная лёгкость наполняет тело...

Через полчаса медитации лёг в постель. С приездом в Бразилию ни разу не выполнил обязательный комплекс утренних упражнений. Завтра нужно непременно сделать. Благо, отправятся около полудня.

Вырубился сразу. Приснился совершенно дурацкий сон. На фоне багрового зарева скуластое лицо индейца с длинными, развевающимися на ветру волосами. Дикарь проклекотал что-то на незнакомом языке. Лицо растеклось и превратилось в оскаленную морду пантеры. Зверь прыгнул к Сергею. Тот – наутёк. Хищник, рыкнув, бросился следом. Сергей бежит изо всех сил. Чёрная кошка не отстаёт. Сзади горячее дыхание. Тяжесть опустилась на плечи... Исаев вскочил в поту. Одеяло намотано на шею. Уф! Приснится же такое.

Бросил взгляд на часы. Полтретьего.

Пенья подъехал на патрульном «лэнд круизере» с бортовым номером 5315. Даже и без этих цифр Авелар всё равно узнал бы командира девятого взвода военной полиции. «Круизер» в жандармерии один, и на нём ездит только Пенья.

Инспектор вышел из служебного «тахо». Ворота дома медленно открылись, пропустив «тойоту» вовнутрь. Бенту уверен, капитан его заметил. Не спеша, пошёл к воротам...

Подъезжая к дому на улице Президента Кеннеди, Рик обратил внимание припаркованный невдалеке чёрный «форд». За рулём силуэт. Палец ткнул кнопку на брелоке. Ворота кованого забора, окружающего жильё Рикарду, медленно отъехали в сторону. Патрульный джип въехал во двор. Циркуляром военной полиции запрещается использовать служебный транспорт в личных целях, но кто станет обращать внимание на такие мелочи в маленьком городке Сан-Мигел-ду-Игуасу.

Машину поставил в гараж. Отсюда можно сразу попасть в дом. Но что за чёрный «форд»? И чей силуэт? Рик вышел на улицу. У ворот, положив руки на ограду, стоит человек. Скорее всего, тот самый, из «форда».

– Можно вас на пару слов, капитан? – раздался знакомый голос.

Авелар. Кто б сомневался? Рикарду подошёл к воротам и холодно посмотрел на полицейского.

– Слушаю Вас, старший инспектор.

– Я располагаю достоверными сведениями, что старший инспектор Мендеш погиб не случайно.

Пенья растянул губы в милейшей улыбке. Порвал бы гниду! Ну ничего не поделаешь. Пока надо терпеть. Рик до него обязательно доберётся. Как только возможность представится.

– Это несчастный случай, инспектор. Следствие по делу закончено.

Полицейский медленно огляделся.

– Вы сегодня с кем-то встречались. С кем?

Рикарду помолчал, размышляя, отвечать или нет.

– Допустим, с информатором.

– Не припомню, чтоб жандармерии разрешалось иметь агентуру. Вам запрещено заниматься оперативной работой – ухмыльнулся Авелар. – Это право только у нас и федералов.

Пенья посмотрел по сторонам. Никого. Но у инспектора может быть диктофон или радиомикрофон.

– Мы все занимаемся одним делом, инспектор. Охраной общественного порядка.

Вцепиться бы зубами в горло этому бледнолицему!

– Вы каким-то образом убили Мендеша, – задумчиво проговорил Авелар, глядя в сторону, потом медленно поднял глаза и в упор взглянул на Рика. – Не дай вам Бог, капитан, если завтра на охоте случится что-либо подобное...

Пенья ухмыльнулся:

– На охоте случается всякое, а ягуар – зверь опасный. Но я принял все меры, не волнуйтесь, – развернулся и пошёл к дому, кожей затылка чувствуя неприязненный взгляд полицейского.

Глава 4

Почти полдень. Сергей, Андрюха и да ла Коста торчат в галерее, ожидая капитана. К усадьбе подкатил чёрно-бело-жёлтый «лэнд крузер». С места водителя проворно выскочил Пеня в брюках, куртке с короткими рукавами и разгрузочном жилете тропической камуфлированной раскраски. Камуфляж да ла Косты, Снетко и Исаева более тусклый. Рядом в грузовичке разместились фермеры с ружьями. Они загоняют зверя. Сергей взглянул на небо – ни облачка. Тепло, градусов двадцать.

– Ну что, господа, по машинам, – показав крепкие белые зубы, улыбнулся капитан.

Погрузились в джип. Через сорок минут прибыли на место.

– А вот и проводник, – Пеня кивнул на сидящего неподалёку на корточках человека.

Невысокого роста и неопределённого возраста индеец в потёртых брюках непонятного материала и куртке-безрукавке сидит застыл будто в медитации. Прямые чёрные длинные волосы собраны сзади в хвост. На левом локте покоится старенький карабин.

Вылезли из машины. Капитан что-то бросил на гуарани. Индеец молча встал. На левом боку мачете в ножнах. Пока сидел, ножа не было видно. Неподалёку из грузовичка с шумом, со смешками высадились десятка два мужиков. Через четверть часа фермеры редкой цепью углубились в лес.

Спустя полчаса выдвинулись и главные охотники. Сергей надел рюкзак. На правом плече стволом вниз любимый «зауэр», справа на поясе сирийский нож.

Первым мягкой бесшумной походкой ступает проводник. Следом да ла Коста, Снетко третий, за ним Исаев. Замыкает колонну Пеня. Дистанция между охотниками пять-семь шагов.

Прошли около десяти километров. Папоротники и кустарники сменяются тростниковыми зарослями. Вверх тянутся высоченные, с двенадцатиэтажный дом, деревья. Со всех сторон птичья разноголосица. Извилистая тропка вывела к ручью. Перепрыгнули ручеёк.

Проводник остановился и поднял руку. Да ла Коста снял с плеча ружьё. Сергей, следуя примеру, потянул карабин за ствол вперёд. Ремень соскочил с плеча. Охотники оштынились стволами во все стороны. Немного постояли, прислушиваясь. Кроме птичьего гама ничего.

Индеец подал знак. Двинулись дальше. Оружие в руках. Чужой, неприязненный взгляд в спину. Сергей остановился и, обернувшись, внимательно осмотрел заросли. Никого и ничего.

– Что случилось, сеньор Сержиу? – приблизившийся сзади Пеня глянул в том же направлении.

Спереди подошёл Андрюха.

– Ты чего, Серый?

Исаев кивнул на заросли.

– Ощущение, будто кто-то смотрит в спину.

Капитан вопросительно посмотрел на Снетко. Тот перевёл. Пеня снова взглянул на заросли.

– Вроде никого.

– А давай пальнём, – предложил Исаев.

– На голову больной, да? – вскинул брови Дроныч. – Вдруг кто-то из фермеров.

– КрадётсЯ за нами? – хмыкнул Сергей. – Ладно, идём. Шутка.

Ощущение чужого взгляда пропало. Но пока шли, несколько раз появлялось. Минут через сорок выбрались на небольшую полянку. Индеец чего-то залопотал. Пеня перевёл на португальский, Снетко – на русский, для друга, хотя тот почти всё понял.

Нужно остаться здесь, передохнуть. Ягуар охотится в сумерках после захода солнца или перед рассветом. Засаду следует организовать на закате. Сергей сбросил с плеч рюкзак и положил на траву.

Пенья начал... разводить костёр! Ни фиги себе! Костёр? На охоте? А зверь не уйдёт? Ладно, они местные, лучше знают. Андрияха отошёл к зарослям справить малую нужду. Шагах в двадцати левее сухое деревце. Срежем для костра. «Зауэр» аккуратно лёг на рюкзак. Вытащив нож, Сергей направился к деревцу. Подходя ближе, просунул ладонь в петлю на рукоятке. Тьфу, идиот! Тут нужен топорик...

Заросли с лёгким шорохом раздвигаются. Навстречу молча выскакивает красивая, огромная, ростом с мастифа, чёрная кошка. Исаев замер. Мелькнула дурацкая мысль: вот оно – испытание на высший дан, перед лицом смерти. Так любит повторять тренер. До зверя шагов шесть-семь.

Тело стало ватным. Глухой рык вывел из оцепенения. Метнулась чёрная молния, явно метясь в шею. Сергей инстинктивно припал к земле, как на тренировке. Пантера пролетела над головой. Исаев резко развернулся, словно в до-дзё³, но густая трава на красной земле – не татами, ноги вязнут. Зверь развернулся быстрее.

Взгляд жёлтых с маленькими круглыми зрачками глаз словно проникает в душу. Зрачки расширяются. Полные ненависти и ярости глаза становятся чёрными. Молниеносный бросок. Мощная лапа бьёт по груди. Острая боль пронзает тело. Сергей, заваливаясь, отходит на пару шагов, из горла рвётся крик. Хищник стремительной антрацитовый молнией прыгает на грудь. Исаев падает на спину, левой рукой закрывая от клыков лицо и шею. Правая что-то сжимает. Нож. Не раздумывая, втыкает клинок зверю в бок. Сквозь гаснущее сознание пробивается дикий рык-мяв, переходящий в рёв...

Андрей, закончив справлять нужду, пошёл обратно. Приглушённый рык сзади и сдавленный крик заставили резко обернуться и на секунду остолбенеть. Серый лежит на спине, а на нём огромный ягуар собирается вцепиться в горло. Тот пытается прикрыть шею. Андрей сдёргивает с плеча карабин и целится в чёрную кошку, но застывает, боясь попасть в друга.

Чья-то сила подбросила карабин вверх. Пенья что-то неразборчиво гаркнул, видимо на гуарани. В это время хищник заревел, и одновременно выстрелил капитан. Промых. Угольно чёрное тело метнулось в заросли. Вслед тут же выстрелили Андрей и да ла Коста. Птичий гам на пару секунд смолк и возобновился с новой силой.

Все тут же бросаются к распростёртому на траве Серому. Порванная куртка с «разгрузкой» быстро пропитываются тёмной кровью.

Чёрт! Снетко, тихо матерясь, вытаскивает из кармана «разгрузки» перевязочный пакет, зубами рвёт оболочку. Только хотел наложить бинт на грудь, но да ла Коста остановил.

– Погоди, срежь одежду.

И бросив капитану: «Вызывай своих!», стал помогать.

Пенья вытащил рацию, вызвал фермеров. Потом, кажется, связался с жандармерией. Для Андрея всё как в тумане.

Кровь струится из рваных ран. Местами толчками. Одного пакета явно мало. Да ла Коста достаёт свой. У Серого тоже должен быть. Андрей быстро шмонает карманы «разгрузки» друга. Пакета нет. Кое-как перевязали. Руки уже в крови. Дыхание Исаева стало хриплым.

Подожли возбуждённые фермеры. Быстро изготовили из сучьев импровизированные носилки. Андрей снял с запястья друга окровавленный нож. Хорошо вонзил. Не меньше

³ До-дзё – зал для занятий в японских боевых искусствах (прим. автора)

чем наполовину. Взял рюкзак и отставленный карабин Сергея, подобрал собственное оружие. Серый без сознания.

– Помощь вызвана, – доложил капитан и обратился к фермерам, – несите к дороге. Мужики быстро понесли раненого к оставленным машинам.

Рикарду, сидя на корточках, посмотрел на отошедшего от зарослей, как его?... Ах-да, Снетко Андре. Всё-таки трудные у русских фамилии! Второй гость отложил карабин и потянулся к поясу. Через пару секунд в руке сеньора Сержиу появился нож. Почти чёрное лезвие с непонятной белой вязью. Нацепил продетую через отверстие в рукоятке верёвочную петлю на запястье. Хорошее решение! Так оружие не потеряешь. Исаев нравится капитану всё больше и больше. Жаль парня.

Русский направился к сухому деревцу. Неужели решил срезать. Долго провозится, здесь нужен мачете или топор.

Костёр затрещал. Огонь принялся вылизывать нарубленный хворост. Хорошо.

Пенья подошёл к сеньору Андре спросить, не нужно что-нибудь ещё гостям. Открыл было рот, как раздался приглушённый звериный рык и следом человеческий вопль.

В отличие от хозяина и Сержиу, Рик не снял с плеча ружьё. У Андре карабин тоже на плече. Русский вскинул оружие. Правый глаз прищурился, но мужчина не торопится жать на спуск, опасаясь попасть в друга.

Зверь взвыл. Видимо, русский умудрился ранить ягуара. Но как? Ах, да. У него же нож. Чёрная кошка метнулась к зарослям. Пенья оттолкнул карабин русского, и выстрелил сам. Навскидку, практически не целясь. Раздались ещё два выстрела, но ягуар исчез в зарослях.

Снетко с хозяином бросились к раненому. Пенья подошёл, посмотрел на бледное лицо Сержиу. Хозяин приказал закончить охоту и вызвать жандармов.

Рик включил полицейскую рацию, что всегда носит с собой. В эфире тишина. Взглянул на Сержиу. Не жилец. Вызвал фермеров и всем, у кого рации, приказал прекратить охоту и следовать к ним. Немедленно.

Палец коснулся кнопки с цифрой «1». Канал жандармерии.

– База первому, приём.

Тишина. Повторил вызов. То же самое. Далеко. Ладно, вызовем всех, вдруг кто-то поблизости.

– Внимание всем, ответьте первому, приём.

Через пару секунд отозвался голос:

– Четвёртый на связи.

Прекрасно. Ближе всех сержант третьего класса Ренату Вивейрус.

– Четвёртый, сообщи на базу. У нас ноль четыре пятьдесят три. Пусть третий срочно выезжает. Он знает, где мы.

– Понял, первый. Может мне тоже подъехать?

– Не нужно, Ренату. Выполняй.

– Вас понял. «Экстренную» вызвать?

Рик ещё раз посмотрел на русского. Поздно.

На столе запиликал телефон.

– Авелар, – представился Бенту. – Хорошо. Не нужно, сам спущусь. Приготовьте машину.

Надел пиджак, вытащил из ящика стола пятнадцатизарядный «таурус» и засунул оружие в плечевую кобуру.

В дежурке толпятся несколько сотрудников. Авелар уселся на услужливо предоставленное кресло.

– Рассказывайте.

– Шеф, – начал младший агент, веснушчатый парень, – мы перехватили переговоры жандармерии. Четвёртый вышел на базу и сообщил что у первого ситуация ноль четыре пятьдесят три. Просил третьего прибыть к месту, которое тот знает.

– Что за ситуация?

Парень развёл руками.

– Не знаю, шеф. Они неделю назад сменили коды.

– Плохо, – инспектор побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – Позывные?

– Если не сменили, то первый – Пенья, третий – патрульный экипаж капрала Линды Маседу, четвёртый – экипаж сержанта третьего класса Ренату Вивейруса.

– Во сколько выехали гости?

– В двенадцать десять, – поднял руку другой агент.

Авелар взглянул на часы. Четырнадцать тридцать три.

– Кто пасёт?

– Сейчас, – полицейский взглянул в листок, – старший агент Перейру и агент Шмидт.

– Где они?

Агент подошёл к стене с картой. Карандаш, взятый по пути со стола, упёрся в точку на шоссе.

– Здесь.

Авелар приблизился.

– Кто может сюда провести?

Один из агентов поднял руку. Ещё раз взглянув на карту, Бенту приказал срочно звонить в службу экстренной медицинской помощи, чтоб присоединялись к ним, а полицейскому, поднявшему руку, – следовать с ним в машину...

Агент вырулил из ворот.

– Шеф, а экстренная зачем?

– Боюсь, очередной «несчастный случай» на охоте, – улыбнулся Авелар.

Если Бенту прав, Пенья у него почти в руках. Останется самая малость.

Прибыли на место. Около джипа жандармерии и грузовичка копошатся люди. Рядом с патрульным «фордом» на обочине девушка в форме цвета хаки с двумя капральскими галунами на рукавах. Довольно милая, лет двадцати трёх, с короткой модной стрижкой. Мулатка. На левой стороне груди жетон военной полиции Параны. На правой – нашивка с именем «Л. Маседу». Посмотрела на инспектора. Вот это взгляд! Костёр поджечь можно! Длинные пушистые ресницы на секунду опустились, и девушка вновь посмотрела на него чёрными глазами.

– Старший инспектор гражданской полиции Авелар, – слегка заикаясь, представился полицейский, но быстро совладал с собой. – Что случилось, капрал?

– Капрал Маседу, – представилась та. – Несчастный случай, господин старший инспектор. Одного из гостей сеньора да ла Косты порвал ягуар.

Инспектор удовлетворённо кивнул.

Наконец, охотники вышли к машинам. На обочине притулился патрульный «форд» экипажа Линды Маседу.

Пенья быстро подошёл к машине.

– Что случилось шеф? – спросила девушка.

Рик быстро рассказал.

– Жив?

– Не думаю, Линда. Побудь здесь.

Пенья вернулся к фермерам.

– Давайте его в мою машину! – распорядился да ла Коста.

Вдалеке из-за поворота показались машины. Чёрный «форд тахо» с пристроившимся сзади микроавтобусом реанимации. Вот чёрт! Джип капитан узнал сразу. Машины остановились на обочине, не доехав до патрульного «форда» метров десять. Из окна внедорожника высунулось довольное лицо Авелара. «Ничего, ничего, – успокоил себя Рикарду, – тебе ещё надо всё это доказать, голубчик». Из джипа вылез инспектор с агентом. Водитель остался в машине.

Инспектор подошёл к Линде и что-то спросил. Девушка коротко ответила. Не хватало ещё, чтоб этот гад общался с его людьми. Авелар махнул рукой. Из микроавтобуса выскочили врач и фельдшер с носилками. Водитель полицейского «тахо» тоже вылез, готовый, при необходимости, помочь, но инспектор приказал сидеть в машине.

Врач с начальником полиции быстро подошли к раненому. Медик прижал два пальца к сонной артерии, и встрепенулся:

– Инспектор, он жив, – и к фельдшеру с водителем, – быстро в носилки.

Русского переложили и бегом понесли к микроавтобусу.

Авелар почти вплотную подошёл к Рику.

– Почему не вызвали службу экстренной медпомощи, капитан?

– Я полагал, он мёртв... – Пенья спохватился, – вы на что намекаете, инспектор?

– Ни на что, – нехорошо улыбнулся Авелар. Тёмно-серые глаза буравят Рикарду. – Вы могли бы сами проверить пульс, или в академии военной полиции этому не учат?

От нахлынувшей ярости Рик не нашёлся, что ответить.

Инспектор развернулся и быстро пошёл к джипу. Пенья ненавидяще посмотрел вслед. Представил. Достает пистолет и выпускает всю обойму. Ненавистную спину в тёмно-сером костюме дырявят пули. Из ран брызжет кровь. Приятный запах пороха. Рик облизнул пересохшие губы.

Мощный, почти тропический ливень начался неожиданно-негаданно. За окном стена воды, «дворники» едва справляются. Машины на московской кольцевой еле плетутся, увеличив дистанцию. Оранжевый свет уличных фонарей и красный – габаритов и стоп-сигналов ползущих впереди машин причудливо растекаются по стеклу с ручейками воды.

Григорий Алексеевич не спеша свернул в посёлок. Включил дальний свет. Извилистая двухполосная дорога не освещена практически до посёлка. Почему жители не настояли на установке фонарей на всём протяжении? Непонятно. Дорога хорошая – гладкая, без выбоин. Крупные капли колотят по стеклу, капоту, крыше. Он с супругой возвращается с концерта. Ещё немного и дома...

Весь день Катерина не находила себе места. Сердце сжималось от дурного предчувствия. Дважды звонила мужу, несколько раз – Сергею. Номер сына не отвечал. Абонент вне зоны действия. Григорий Алексеевич просил супругу не беспокоиться. Серёжка на охоте, в сельве. Какая, к лешему, сеть в джунглях? Предложил вечером сходить в зал Чайковского...

– Ну что, прошла хандра? – не отрывая взгляда от дороги, погладил жену по руке.

– Немного... Но всё равно на сердце беспокойно, – Катерина шумно вздыхает.

Григорий Алексеевич бросает взгляд на приборную панель. Полпервого ночи. Ливень перешёл в мелкий дождь. Чёрный «гелендеваген», входя в поворот, набирает скорость. Свет фар выхватывает вылетающую на дорогу крупную рыжую дворнягу и в отдалении на чёрном мокром асфальте неясное белое пятно. Педаль в пол! Визг тормозов! Крик жены и удар о бампер. Собака отлетает куда-то вперёд и вправо. Джип резко гасит скорость. Антиблокировочная система действует отменно. «Мерс» застывает на обочине метров за пять до белого пятна. В свете фар пятно оказывается женщиной. Тело лежит на спине прямо поперёк дороги.

– Г... Гриша, эт... это мы её? – зубы жены стучат от ужаса.

– Нет, не мы, успокойся. Собака бросилась под колёса, – он слегка сжал руку Катерины. – Не выходи, я сейчас, – и вылез из машины.

Понюхал воздух, огляделся по сторонам. Никого, тишина. Подстава?! Возможно. Присел на корточки над телом. Молодая, лет двадцати, вряд ли больше. Спутанные, длинные рыжие волосы в тёмной лужице. С виска на асфальт тянется полоска. Кровь? Тёмно-зелёные глаза, не мигая, глядят в чёрно-серое дождливое небо. Руки и ноги раскинуты в стороны. Подол длинной ночной рубашки задран до середины бёдер. Почти прозрачная от воды ночнушка облепила стройное тело и выдаёт отсутствие нижнего белья.

Потянулся к шее проверить пульс. Резкий крик Катерины. Рука замерла в паре сантиметров от тела. Обернулся. Возле машины силуэт жены. Хотел сказать, чтоб села обратно, но слова застыли на губах. Слева-сзади движение, тут же глухой рык. Резко повернулся. Правая рука всё ещё висит над распростёртым телом.

На него, наклонив вперёд лобастую голову, идёт здоровый, с почти седой шкурой пёс. Чёрт подери! Не пёс! Волк! Григорий Алексеевич часто ездил в Сибирь охотиться на волков. Откуда здесь, в двух десятках километрах от Москвы, волки? Уши прижаты, белоснежные клыки обнажены. В горле клокочет глухой рык.

– Хоро-оо-ошая собачка, – ласково проговорил Исаев, медленно поднимаясь.

Правая рука осторожно полезла под пиджак, к левой подмышке. Там, в плечевой кобуре «беретта». Ладонь обхватила ребристую рукоять. Большой палец привычно опустил собачку предохранителя. Волк приглушённо рыкнул. В янтарных глазах ярость смешалась с ненавистью. Такого, почти человеческого, взгляда Григорий Алексеевич у волков никогда не встречал.

– Хоро-оо-оший... пёсик.

Исаев медленно отступает к машине. Резко рвануть пистолет из кобуры... Волк также медленно движется к нему.

– Катя, в машину! – также ласково, не повышая голоса, велел жене.

Приглушённое ворчание сзади. Резко обернулся. «Беретта» в руке, указательный палец на спуске. По старой привычке, наплевав на idiotские инструкции, он всегда заранее досылал патрон в патронник. Так экономится масса времени при внезапном нападении. Но сейчас это не помогло. Последнее, что Григорий Алексеевич Исаев увидел в жизни – белое, как мел лицо жены и чёрная тень, прыгающая ей на грудь. Он выстрелил, когда зверь завис в воздухе. Взвизг. Попал! Вряд ли ранение смертельно. Риск задеть Катю. В тот же миг что-то сильно толкнуло в спину, острая боль в шее...

Оба волка застыли над мёртвыми телами. У тёмного зверя из правой ляжки чуть сочится кровь. Седой поднимает морду к затянутому низкими тучами небу и протяжно воет. Женщина шевелится и встаёт с асфальта. Седой волк подходит ближе. «Покойница» ласково трепет его по голове и направляется в лесополосу. Оба зверя резво семенят по пятам.

Как только деревья скрыли странную троицу, из рощицы с другой стороны дороги выскочила стая дворняг. Псы бестолково топчутся у лежащих тел. Самые смелые уже рвут зубами ещё тёплую плоть, с рычанием отгоняя конкурентов.

В машине «экстренной» врач и фельдшер колдуют над окровавленным телом друга. Серый в лихорадке. Температура тридцать девять и пять. Инспектор приказал везти в Сан-Мигел, однако врач решил, что лучше вызвать вертолёт и доставить пострадавшего в соседний Фос-ду-Игаусу. Андрей сказал, к чёрту вертолёт, своим ходом быстрее. Врач возразил, мол, Фос – не его епархия, он из Сан-Мигеля. Сотня баксов помогла достичь согласия. Микроавтобус рванул с места.

В больнице Серый впал в кому. Врач сообщил, что раны воспалились. Похоже на сепсис, но анализы нормальные. Случай странный. Сколько продлится кома, неизвестно, и посоветовал отвезти сеньора Исаева в Сан-Паулу, в Центр исследования коматозного состояния. Андрей настоял на перелёте в Москву.

Из аэропорта Гуарульяс машина «экстренной» отвезла пострадавшего в Центр комы Сан-Паулу. Температура тела скачет от тридцати трёх до сорока, но в сознание Серый не приходит.

Около восьми утра Жуанзинью привёз их вещи, распорядился насчёт билетов в Москву. В вещах Сергея заиграла мелодия. Андрей, покопавшись, достал смартфон. На экране фотография Марго и надпись «Рита». Снетко включил вызов:

– Алло!

– Серёжка... – звонкий голос девушки запнулся, не узнав говорившего.

– Марго, это Андрей.

– А... почему ты? – голос близок к панике, – что с Серёжкой?

И что сказать? Не умеет он вести себя с женщинами, кому нужно сообщить, что их любимый, близкий человек умирает. Да ла Коста, жестами показал, мол ничего пока не говори. Ага, не говори. А что тогда делать?

– Марго, ты только не волнуйся...

– Дай трубку Сергею.

– Не могу, он сейчас у врача. Что у тебя случилось? – спросил он в свою очередь, чтоб хоть как-то отсрочить момент, когда нужно сообщить тяжёлую весть.

– Андрей, родители Сергея погибли!

– Что-о-о?! – ноги неожиданно подкосились, и он опустился на стоявшую рядом кушетку. – Когда? Как?

Да ла Коста вопросительно приподнял брови.

– Вчера ночью. Их собаки разорвали, – девушка всхлипнула.

– Марго, что за бред? Какие собаки? – он закричал в трубку.

Всхлипывания превратились в рыдания.

– Не знаю, так в полиции сказали.

– Ты сейчас где?

– Выхожу из райотдела.

Андрей несколько секунд помолчал:

– Марго, тебе лучше присесть. Лавочка поблизости есть?

Похоже, та решила, он издевается.

– Что за шутки, Андрей?

– Да никакие не шутки. С Сергеем беда.

Ну вот. Страшные слова сказаны. Небольшая пауза в трубке и как выдох:

– Что... случилось?

– Сергея... ранил ягуар... но не переживай, ничего серьёзного. Он пока без сознания, но врачи говорят, всё будет хорошо...

- Вылетаю ближайшим рейсом. Вы где? В Сан-Паулу?
- Не нужно, мы летим сегодня. Завтра в четыре вечера в Москве. Назвал номер рейса. Марго обещала непременно встретить и отключилась.
- Что случилось? – спросил Жуан.
- Родители Сергея погибли.
- Григориу и Катарина?! – воскликнул да ла Коста, – О, Мадонна, – он отошёл, достав из кармана платок и вытирая наворачнувшиеся слёзы.
- Со смартфона Сергея Андрюха сделал ещё звонок.
- Алло, это я. Возвращаюсь раньше, чем планировал. Возникли проблемы. Как у вас?
- На том конце заверили, что всё в порядке.

Глава 5

Дождливый днём около четверти четвёртого недалеко от поворота на трассу А-105, что ведёт из Москвы в аэропорт Домодедово, машина «скорой» – белая с красной полосой потрёпанная «газель» – пристроилась на обочине в хвост фуры. Дождь несильный, и водитель фуры, высокий, стройный шатен в пятнистой футболке и серых длинных шортах, с зонтом в руках торчит около двери шофёра «скорой» и о чём-то мирно беседует. Сама по себе картина ничего особенного не представляет. Болтают себе водилы и ладно. Проезжающие не обращают внимания.

Врач «скорой», голубоглазый мужчина лет тридцати с собранными сзади в хвост длинными по середины спины, светлыми, практически белыми волосами, ответил на звонок:

– Понял.

И уже шатену в футболке:

– Витя, время.

Виктор кивнул и побежал к фуру. КамАЗ с длинным прицепом медленно вырулил с обочины на шоссе и, пытаясь, устремился к выезду на трассу. «Скорая», скрипя и едва не разваливаясь, двинулась следом.

По А-105 в сторону аэропорта мчится жёлтый «мерседес» реанимации с включённой сиреной. Вой на всю округу. Фура, разогнавшись, не вписывается в поворот. Тяжёлый КамАЗ влетает в отбойник и опрокидывается. «Газель» едва успевает протиснуться между скользящей с громким скрежетом на боку фурой и обочиной и несётся к аэропорту, включив сирену.

КамАЗ перестал скрежетать и распластался, полностью перегородив и дорогу, и обочину. Движение в аэропорт парализовано. Реанимационный «мерс» застрял в пробке.

Дверь фуры открылась. Водитель прыгнул на землю. Шатаясь и прикрывая руками окровавленную голову, рванул в лесополосу.

Через двадцать минут раздолбанная «скорая» въехала на территорию лётного поля и замерла у предполагаемого места посадки борта из Сан-Паулу. Врач из кабины поменялся местами с фельдшером, что сидит в салоне «скорой». На это, разумеется, опять никто не обратил внимания.

Салон трянуло – шасси коснулось взлётно-посадочной полосы. Андрей отстегнул ремни, не дожидаясь, пока погаснет табло. Самолёт заканчивает торможение и выруливает к месту высадки пассажиров. В иллюминаторе проплывает машина «скорой» – не первой свежести «газель» – с распахнутыми задними дверями. Рядом два крепких санитары в белых халатах с носилками.

Двигатели затихли. Санитары рванулись вверх по трапу. Исаева, так и не пришедшего в сознание, выгрузили из самолёта и понесли в «газель». Андрей хотел поехать с бригадой, но санитар или врач (кто их разберёт?) посоветовал получить багаж пострадавшего и отвезти домой.

– В какую больницу? – спросил Андрей, заглянув в салон.

Спиной к дверям возится с аппаратурой среднего роста широкоплечий мужик в белом халате, с хвостом длинных, почти белых волос. Что-то в его облике смутно знакомое. Он уже видел эти белые волосы прежде. Определённо видел. В памяти всплыл польский фильм «Ведьмак». Нет. Этого чела Андрей видел в реале. Ерунда. Мало ли похожих людей? Сейчас важнее, куда повезут друга. Двери закрылись, скрыв израненного Серого и врача.

– Пока не знаем, – буркнул санитар, – Позвоните позже ноль три или в единую справочную, вам сообщат.

«Скорая» включила сирену и помчалась с лётного поля. Снетко направился к терминалу.

Неуловимая мысль не даёт покоя. Точно! Слова санитаря. Что значит, пока не знаем? Уже должно быть выделено место в Центре комы. Или как он тут называется? Хотя, что он знает о правилах работы медконтор? Мягко говоря, немного.

Андрей замер. Почему вся бригада в белых халатах? Вроде бы у работников «скорой» форменные синие костюмы с надписью «Скорая помощь» на спине. Ладно, всё потом, надо получить багаж и оружие.

– Солнышко, ты уверена?

– Да, – Рита быстро собирается, мечась по квартире мимо отца.

Выскочила из комнаты, через несколько секунд снова вбежала.

– Марго, сейчас ты ему ничем не поможешь. Лучше позже выясним, куда его положили и приедем в больницу.

– Пап, я не могу просто так сидеть.

– Понимаю... понимаю...

Вместе вышли из квартиры. Накапывает дождь. Чмокнула отца в щёку.

– Не волнуйся, пап.

– Аккуратней, милая. Сильно не гони. Времени ещё много.

Отец сел в «гелендеваген» и отъехал от дома. Марго побежала к красной «мазде». Выехала со двора, тихо проклиная припаркованные машины, и сразу помчалась в сторону третьего кольца. Скорость снижать не думает, у «японца» прекрасная управляемость.

Дождь перешёл в ливень. У въезда на «трёшку»⁴ небольшая пробка.

– Ну давайте, же, – нетерпеливо прикрикнула Маргарита.

Причина затора не понятна. «Трёшка» бежит шустро. Впереди вопят сигналы. Синий «жигулёнок» на въезде моргает аварийкой. Водитель вылез и толкает машину к обочине. Наконец-то выбрались! Газ в пол. Красная «мазда» рванула, легко обходя попутки. Чуть притормозила перед белой «ауди». От резкого увеличения давления в системе небольшие отверстия в тормозных шлангах наконец-то прорвались. Жидкость двумя фонтанчиками плеснула на асфальт, но тормоза сработали. На приборной панели мигнула и погасла красная пиктограмма неисправности тормозной системы. Рите не до этого.

Обходя слева серый джип, «мазда» плавно входит в правый поворот. Впереди жёлтый микроавтобус. Марго притормозила, и ещё часть жидкости прыснуло на асфальт. Пиктограмма вспыхивает и больше не гаснет. Девушка снова давит газ. Стрелка спидометра приближается к ста двадцати.

Машины заметно кучкуются. Рита пытается обогнать притормаживающий впереди ЗИЛ-самосвал. Не успевает. Справа и слева «мазду» зажимают автомобили. Едва заметно засветились пыльные стоп-сигналы самосвала. Тормоз резко в пол. От мгновенного скачка давления лопаются шланги. Педаль проваливается в пол. Самосвал стремительно приближается. Марго кричит и скидывает руки, пытаясь закрыться от удара. Старый ЗИЛ не оборудован положенным противотаранным брусом. «Мазда» влетает под кузов самосвала. Честно срабатывают подушки безопасности, но шансов выжить никаких. Передок легковушки продавило. Рита даже не почувствовала боль.

⁴ «Трёшка» – Третье транспортное кольцо в Москве (прим. автора)

Стук в дверь. Спортивного вида моложавый черноволосый мужчина в форме генерала Федеральной службы безопасности России пригласил войти.

В кабинет вошёл молодой человек среднего роста в тёмно-сером костюме. В прижатой к бедру руке василькового цвета папка с тиснёной золотой краской эмблемой ФСБ.

– Присаживайся, Станислав. Что нового?

Вошедший сел за Т-образный стол.

– В целом, ничего особенного, шеф. Люди режут друг друга, насилюют, торгуют оружием и наркотой. Но есть кое-что и по нашей части.

– Ну-ка, ну-ка, – генерал откинулся на спинку кожаного кресла.

Станислав Борисович Пичугин, старший лейтенант ФСБ и личный порученец генерала Петра Петровича Синелова раскрыл папку.

– Четырнадцатого числа, как я уже докладывал, на складе компании «Альфа Лимитед» обнаружены два мешка с белым порошком. Помните, шеф? Люди из «Солидарности» отвезли мешки в концерн. Руководил операцией наш знакомый, – Станислав взглянул в документы. – После этого Григорий Исаев звонит в Бразилию и угрожает да ла Косте. Вот расшифровка записи разговора.

Порученец протянул шефу два листа. Тот быстро пробежал документ глазами.

– Исаеву звонят из концерна и угрожают...

– Давай, ближе к делу.

– Что в мешках героин, я не сомневался. Из концерна он пошёл дальше по России. После этого, – Пичугин взглянул в бумаги, – шестнадцатого, сын Исаева, Сергей Григорьевич, восьмидесятого года рождения, вместе с другом Андреем Михайловичем Снетко, восемьдесят первого года рождения, улетают на охоту в Бразилию. Если точно, штат Парана, городок Сан-Мигел-ду-Игуасу. Восемнадцатого погибают Исаевы. По дороге в посёлок на них нападают и насмерть загрызают бродячие собаки.

– Не понял, – генерал подался вперёд, – как собаки?

– На месте происшествия обнаружены собачьи следы, шеф, следы босых ног и, – Станислав выдержал секундную паузу, и улыбнулся, широко, будто ребёнок, которому дали конфетку, – два... волчьих... следа.

– Волчьих? – вскинул брови генерал.

– Так точно, шеф. Посмотрите сами.

Станислав протянул папку. Пётр Петрович стал изучать документы. Вот оно что! На дороге кто-то лежал, и Исаев остановился. Пока логично. Их обнаружили мёртвыми с рваными ранами на телах от звериных укусов. На мокрой обочине множество собачьих следов.

– В протоколе о волчьих следах ни слова, – генерал взглянул на порученца.

– Да, шеф. Но я внимательно изучил снимки. Позади машины на обочине среди собачьих два волчьих и следы босых ног сорок третьего и тридцать шестого размеров. Волчьи я обвёл маркером.

Генерал взял следующее фото. Действительно, обведённые синим следы отличаются от остальных. С первого взгляда незаметно, но если присмотреться, совсем другие.

– Волки в ближайшем Подмоскowie? – довольно улыбнулся генерал. – И босые человеческие ноги?

– Вот именно, шеф, – опять растянул губы Станислав. – Но это не всё. Что-то мутит наш знакомец в «Солидарности».

– Людей как минимум двое, а волков? – снова улыбнулся генерал.

– Тоже как минимум двое, – в ответ обнажил белые ровные зубы Стас.

Пётр Петрович задумался. Неужели Алик обнаглел в конец? Маловероятно. Он не дурак. Без ведома «знакомца» из «Солидарности» такое делать не стал бы. Это вам не бомжа какого-то завалить. Известные и уважаемые люди. Прав Станислав, что-то мутит «знакомец».

– У тебя всё?

Порученец покачал головой.

– Сегодня в пятнадцать тридцать бортом из Сан-Паулу доставили младшего Исаева. На охоте его порвал ягуар. С лётного поля Исаева забирает «скорая», но ни в одну больницу Москвы или области ни Сергей Исаев, ни иной пострадавший с характерными ранами не поступал. В четырнадцать сорок в автокатастрофе погибает его невеста, Маргарита Мартынова, дочь Виктора Ильича Мартынова, друга Григория Исаева. Слишком много смертей, шеф. Здесь все материалы, – парень указал на папку.

– Весьма любопытно. Хорошо, Стас, оставь, посмотрю. Продолжайте наблюдение и держите связь с коллегами из полиции.

Станислав вышел, а генерал углубился в изучение крайне интересных документов.

Глава 6

Скрипя и едва не разваливаясь, «газель» влетела на территорию старой усадьбы. Новые автоматические ворота в архаичной ограде со свежевыкрашенными салатовым столбами и коваными пиками медленно закрылись. Микроавтобус объехал парадный подъезд с синей табличкой и золочёной надписью «Пансионат для пожилых людей». В общем-то, логично. Пациентов не привозят к парадным подъездам. Миновал приёмный покой с двумя новенькими «мерсами» медпомощи у входа, что уже странно. Обогнул покрашенное в салатовый, как и ограда, цвет старинное чистое здание. Заскрипели тормоза. «Газель» встала на заднем дворе.

Первым из задних дверей «газели» выскочил беловолосый врач.

– Вниз.

Санитары вытащили носилки с привязанным окровавленным мужчиной. Двери старого здания открыла пожилая женщина в чистом, но помятом халате. Врач сделал замечание за не глаженный халат и пообещал в следующий раз наказать. Санитары с носилками скрылись в дверях.

– Жень, – беловолосый подошёл к водителю, – смени номера и подходи.

Тот кивнул. Врач собрался уже отойти, как Евгений окликнул:

– Альберт, уверен, что наш клиент? – и кивнул в сторону дверей.

– Абсолютно. Александр никогда не ошибается, – на ходу обернулся врач. – Практически никогда, – и устремился в усадьбу...

Через сорок минут за круглым столом в огромной зале собрались десять человек. Об этой комнате в отдельном крыле усадьбы не знает никто. Ни персонал, ни пациенты, ни, тем более, посетители. Председательствует беловолосый врач. Белый медицинский халат остался в корзине с бельём для стирки. Волосы распущены по плечам и ярко выделяются на дорогом чёрном костюме и бордовой рубашке без галстука. Семь высоких, похожих на трон, деревянных кресел пустуют. Кресло председательствующего заметно возвышается над другими, подчёркивая особый статус Альберта.

На стенах потрескивают факелы. Пахнет смолой и травами. На правой стене от входа пять щитов с перекрещёнными мечами. Посередине – массивный на вид старинный шкаф из морёного дуба. Справа от него бронзовый подсвечник без свечей. Окна на противоположной стене завешаны тяжёлыми тёмно-зелёными портьерами.

Среди четырёх мужчин, не считая беловолосого, можно узнать двух санитаров и водителя «скорой», что забрала с борта бразильского рейса раненого. Из пяти прелестных молодых женщин особой красотой выделяется та, что справа от «врача». На вид лет двадцати. Длинные, до середины спины, пушистые рыжие волосы волнами спадают на плечи, спину и красивую упругую грудь, обрамляя синие с лисьим разрезом глаза.

– Алик, – рыжеволосая красавица с улыбкой взглянула на «врача», – я так понимаю, у нас прибавление?

– Да, – кивнул тот, – но ты губки-то не раскатывай. Итак, господа, – он обвёл всех ледяным взглядом голубых глаз, – у нас скоро будет новый брат.

– Похоже, ты не слишком-то рад этому, – подал голос водитель «скорой».

Альберт немного помолчал и пожал плечами:

– Даже не знаю, Жень, – поставил локти на стол, пальцы переплелись. – С одной стороны, здорово, что нас станет больше, – он вздохнул, – с другой, опять всё объяснять, вводить в курс дела... Как он отреагирует?

– Подумаешь! Для тебя и многих из нас не впервой, – черноволосая со стрижкой «каре» девушка по имени Александра, сидящая напротив беловолосого, немного подалась вперёд. – Но тебя ведь не это заботит, верно?

– Верно, – Альберт откинулся на спинку кресла. – Чует моё сердце, нахлебавшись с этим парнем. Хорошо, – он положил ладони на стол, – пойдём, проведем.

Задвигались тяжёлые кресла. Присутствующие подошли к шкафу. Альберт повернул вправо-влево и слегка потянул на себя подсвечник. Шкаф беззвучно отъезжает в сторону, в стене открывается арка высотой около двух метров и шириной в метр. Тянет спёртым воздухом. По одному входят в проём и спускаются по каменной винтовой лестнице. На стенах чадят факелы. За последним вошедшим шкаф плавно закупоривает арку.

На пятнадцатиметровой глубине лестница заканчивается. В небольшом коридоре с четырьмя факелами на стенах и каменным полом четыре обитых кованым железом тяжёлых деревянных дверей со старинными бронзовыми ручками. По две с обеих сторон. Останавливаются перед крайней правой. Первым входит Альберт.

В центре комнаты, едва ли уступающей по размерам зале наверху, на каменном основании – деревянная ложа. По стенам развешаны пятнадцать железных, выточенных в форме руки, держателей, куда вставлены чадающие факелы. Чёрный дым струится вверх. В помещении довольно светло. В углу простая кровать с тумбочкой и двумя креслами рядом.

Гость привязан к деревянному ложу. Тело трясётся, как в лихорадке, выгибается дугой. Мокрая слипшаяся чёлка закрывает лоб. Часто стонет. Временами стон переходит в крик.

Вошедшие приблизились. Альберт осмотрел и потрогал раны. Края покраснели и распухли. При надавливании выделилось немного сукровицы. Тело – кипятик.

– Думаю, через неделю, максимум две оклемаются. Если... если выдержит сердце. Дамы, будете дежурить по очереди, – приказал Альберт.

Тело мужчины вновь выгибается дугой. Из рта вырывается крик, от боли переходящий в звериный рёв.

– Он без сознания? – тихо спросила Александра.

– Да. Но боль чувствует. Не помнишь, как саму также колотило?

– Конечно, нет, – вскинулась брюнетка.

Альберт улыбнулся:

– Дежуришь первой.

Саша закусила губу, но промолчала.

Ева потянула за бронзовую ручку. Тяжёлая дверь открылась. В кресле у изголовья ложа скучает Александра. Третье её дежурство. Минуло шестнадцать дней, как новичка доставили в усадьбу. Она дежурила шесть раз, подменяя девчонок. Алику это не понравилось. Ну и дьявол с ним!

Подошла с другой стороны к изголовью и кивнула на гостя:

– Как он?

– Нормально, – взглянула на неё Саша, – уже два дня приступов нет.

На стенах потрескивают факелы.

Ева посмотрела на мужчину. Спутанные мокрые тёмные волосы закрыли лоб. У правой брови тонкий шрам. Приподняла простыню, укрывающую голое тело. Страшные раны почти зажили. Остались тонкие тёмно-бурые царапины. Дыхание ровное, спокойное.

Убрала волосы со лба пациента. Ладонь опустила на влажный, прохладный лоб. Тело чуть заметно дрогнуло. Через несколько секунд веки, затрепетав, распахнулись, и на Еву, немного «поплавав», уставились тёмно-серые глаза.

– Привет, – улыбнулась она, – с возвращением.

Мужчина поморгал, зажмурился от яркого после стольких дней комы света. Да и зрение, скорее всего, чудит. По себе знает. Хотя и давно это было. Гость вновь открыл глаза и, не спеша, осмотрелся.

– Я где? – прохрипел он.

– У друзей, – Александра погладила его по голове.

Тот попытался подняться, но не получилось – запястья и лодыжки крепко привязаны к кровати мягкими полотенцами.

Ева ласково положила руки ему на плечи.

– Не надо. Лежи. Ты ещё слишком слаб.

Сны странные. Часто повторяется один и тот же. Тёмная комната. На стенах багровые всполохи пожара. Жар нарастает. Со звоном разбивается окно, и в комнату влетает огромная чёрная кошка. Пантера. Сергей узнаёт зверя. Тот, из сельвы. Стены, колыхнувшись, исчезают. Он пытается убежать, но некуда. Кругом огонь. Опаляет волосы, лицо, руки. Ягуар почему-то не боится огня. Сергей бросается сквозь пылающую стену. Зверь за ним. Сзади тяжёлое дыхание. Хищник не отстаёт, но и догнать не может. Огонь сменяется резким холодом, вьюгой. Сергей на бегу оборачивается. Пантера несётся следом. Из раскрытой пасти клубами вырывается пар. В глазах злоба и ненависть, на чёрной шерсти белые точки снежинок. Странно, но он даже может разглядеть их серебристые лучики...

Тела отца и матери на чёрном мокром асфальте...

Мечущаяся толпа собак...

Хочет проснуться, но не может...

Стая волков преследует человека... Острые зубы вонзаются в податливую плоть... Кровь... во рту солоноватый вкус, будоражащий всё его существо. Сергей подносит руку ко рту. Ладонь в крови... в невесть откуда взявшемся зеркале видит себя. На губах следы крови... Из чуть приоткрытого рта вылезают белоснежные звериные клыки, с их кончиков стекают тёмно-красные капли...

И боль... Непрекращающаяся боль во всём теле... Боль...

Тёмная комната... жар... пронизывающий холод...

Будто от лёгкого толчка очнулся. Проснувшись в незнакомом месте, погоди открывать глаза и не шевелись. Сначала послушай звуки, ощути запахи, почувствуй собственное тело, прикосновения к нему. Сделай предварительные выводы. Так учил тренер.

Голоса. Женские. Судя по небольшому эху, помещение сводчатое, без ковров и звукопоглощающих материалов. Лёгкое потрескивание... огня? Костра? Камина? Запах горячей смолы, каких-то трав. Лёгкая простыня касается тела... полностью обнажённого тела! Немного прохладно. Запястья и лодыжки сдавливает мягкая ткань. Лба касается что-то горячее и мягкое. Вроде бы... точно – ладонь. Скорее всего, одной из женщин. Итак? Голый, под простынёй, прохладно. Морг? Вряд ли. У покойников не пробуют голову ладонью. Ладно. Пора открывать глаза.

Яркий свет ударил по глазам, пришлось зажмуриться. Подождал, пока пройдут «зайчики» и снова открыл глаза. Зрение немного «плавает». Сергей поморгал. Наконец, удалось сфокусироваться. Сквозь пелену едва различаются два женских лица.

– Привет, – улыбнулась одна с длинными пушистыми волосами, – с возвращением.

На каменных стенах факелы. Достаточно светло. Потихоньку привыкает. Посмотрел на сводчатый потолок. Снова на девушек. Пушистоволосая оказалась ещё и огненно-рыжей. Чуть не утонул в синих глазах красавицы. В горле пересохло, с трудом прохрипел:

– Я где?

Вторая, брюнетка с короткой стрижкой, погладила по голове.

– У друзей.

Попытался подняться, но руки и ноги что-то удерживает. Приподнял голову. На запястьях и лодыжках полотенца. Крепко привязан к грубой деревянной кровати. Зачем? Рыжая мягко положила руки ему на плечи. Несмотря на видимую хрупкость девушки, в руках огромная сила. Или он так ослаб?

– Не надо. Лежи. Ты ещё слишком слаб. Как тебя зовут?

– Сергей... Сергей Исаев.

Рыжая всё ещё улыбается:

– Хорошо. Меня – Ева. Её, – кивок в сторону брюнетки, – Александра. Саш, сходи за Аликом, а я пока развяжу нашего гостя.

Та недовольно поджала губки и молча вышла. Ева, не спеша, развязала полотенца. Наполнила из железной армейской кружки, оказавшейся на тумбочке у другой кровати в углу. Как оказалось, его «постель» в самом центре огромной комнаты без окон.

Сергей не подозревал, что так хочет пить. Ева отошла в угол к бидону литров на двадцать и вернулась с новой порцией. Снова с жадностью выпил.

– Ещё? – улыбнулась красавица.

– Хватит, – он покачал головой, хотя пить хочется, но уже не так сильно.

Вскоре дверь открылась. В комнату вместе с Александрой вошёл широкоплечий мужчина, среднего роста. Длинные волосы собраны сзади в хвост, как у начальника службы безопасности да ла Косты. Поразил цвет волос – почти белые. Белый, выглаженный медицинский халат расстёгнут. Под ним бордовая рубашка с распахнутым воротником и чёрные брюки.

Вошедший придвинул кресло и сел рядом.

– Дамы, оставьте нас, – тихим, властным голосом произнёс мужчина.

Очевидно тот самый Алик и, судя по всему, врач. Странная, однако, больница.

Девушки, бросив на Сергея заинтересованные взгляды, вышли. Исаев встретился с холодными голубыми глазами врача. Тонкие губы совсем не портят симпатичное лицо. А вот глаза...

– Итак, Сергей, – мужчина слегка прищурился левым глазом, – меня зовут Альберт Сигизмундович Коженевский. Главврач этого дома престарелых.

Ни хрена себе! Глаза Сергея расширились от изумления.

– Понимаю, вы ждёте объяснений.

– Д... дом престарелых? Я в доме престарелых? – Исаев обвёл взглядом помещение. – Больше похоже на... на подземелье. Средневековое.

– Да, это – подземелье, но не средневековое. Зданию около ста пятидесяти лет. Что вы помните из последних мгновений жизни, перед тем как очнулись здесь? – сменил тему Коженевский.

Сергей на секунду задумался. Помнит всё в мельчайших подробностях. Странно. Ещё более странно, что его привезли не в больницу, а в дом престарелых. С другой стороны, раны не болят и, по ощущениям, практически зажили.

– Был на охоте, с другом. В Бразилии. На меня набросился ягуар. Похоже, он меня хорошо потрепал. Я едва успел всадить в него нож. В него стреляли... по крайней мере, теряя сознание, слышал выстрелы. Не знаю, убили его, нет. А потом, потом... больше ничего не помню. Очнулся здесь.... Альберт Сигизмундович...

– Просто – Альберт.

– Альберт, а почему дом престарелых?

– Видишь ли, Сергей, – он поднялся и прошёл к изножью ложа, ибо назвать это сооружение кроватью трудно... – давай на «ты»?

Исаев кивнул. Главврач продолжил:

– Под когтями ягуара оказался весьма опасный вирус. Передаётся только через кровь. У тебя заражение. Сейчас болезнь временно отступила, но лечить её можем только мы. Да, у нас дом престарелых, но только мы принимаем пациентов с таким диагнозом.

Бред какой-то! Инфекция и дом престарелых! Но вслух спросил:

– Каким диагнозом?

– Вирус Гольфштейна-Бёрка, но тебе ведь это мало о чём говорит, верно? Достаточно редкое и опасное заболевание.

– Оно что, неизлечимо?

Коженевский подошёл ближе.

– К сожалению, нет. Мы помогаем человеку с этим жить. И поверь, даже так жизнь прекрасная штука. Ты пока ещё слаб. Набирайся сил.

Врач улыбнулся, но тепла в голубых глазах не прибавилось.

– Набирайся, – и пошёл к выходу.

– Альберт.

Тот обернулся уже около двери.

– Я что, теперь всю жизнь должен провести здесь?

– Нет, конечно, – усмехнулся уголком рта главврач, – но первую фазу болезни – обязательно.

Как только он вышел, в комнату впорхнула Александра.

– Вас ждут, – миловидная женщина лет тридцати пяти, в красном юбочном костюме указала на дверь.

Вот уже два часа Андрей сидит в «Солидарности», искоса размаривая красивые ножки, до середины бёдер прикрытые красной юбкой.

Он встал и направился в кабинет. За большим Т-образным столом в дорогом кожаном кресле восседает тот, кого Серый окрестил Некто. Этого типа Снетко видел на похоронах Исаевых и Марго. Вчера приходил к Мартынову на девять дней. До этого был на поминках родаков Серого. Андрей то и дело ловил его заинтересованный взгляд...

Хозяин кабинета встал и пожал руку. Кисть сильная и твёрдая.

– Присаживайтесь, – указал на ближайший за столом стул.

Андрей сел. Некто откинулся на кресле и стал внимательно рассматривать посетителя. Наглядевшись, закрыл лежащую на столе папку и заговорил:

– Руководство концерна довольно вашей работой, Андрей Михайлович. К сожалению, мы понесли тяжёлую утрату. Погибли родители Сергея Исаева, – он скорбно вздохнул, – я хорошо знал его отца. Служили вместе в Бразилии, в Анголе. Пропал сам Сергей, и мы не знаем, жив он или нет...

– Не знаю, как так получилось... – начал было Снетко.

Некто жестом оборвал.

– Мы не виним вас. Охота всегда сопряжена с риском. Вы сделали всё, что могли. Жаль, жаль. Какая потеря для всех нас!

Он помолчал.

– Вот что, Андрей Михайлович. У нас есть к вам предложение. Хотим назначить вас и.о. генерального директора компании «Альфа Лимитед».

Снетко вздрогнул:

– П... простите, что?

– Вы правильно расслышали, – улыбка искривила тонкие губы.

Андрею стало не по себе: у гадюки она и то симпатичнее.

– Компания осталась без руководства, а вы ПРЕКРАСНО, – Некто сделал ударение на этом слове, – справляетесь с любой, подчёркиваю, любой, порученной работой. Согласны?

– Д... да, – выдавил Андрей, уже догадываясь, куда клонит этот страшный человек, – простите, э-э..., – выдержал паузу, ожидая, что мужчина представится.

Тот промолчал.

– Простите, как к Вам обращаться?

– Шеф. Просто – шеф.

– Хорошо, шеф.

Начальник встал. Андрей тоже поднялся. Некто подошёл и взял его за плечи.

– Если выяснится, что Сергей Исаев мёртв, вы станете директором и совладельцем «Альфы», – водянистые холодные глаза, казалось, гипнотизируют. – Вы меня понимаете?

Андрей медленно кивнул.

– Не слышу.

– Д... да, да, понимаю, – уже твёрже добавил Снетко, – шеф.

Некто наконец отпустил плечи.

– Вот и прекрасно. Идите, работайте.

Андрей, час назад вернувшийся в «Альфу», сухо попросил Викторину подать кофе. Когда секретарша принесла дымящийся напиток, и кокетливо спросила, не нужно ли Андрею Михайловичу что-нибудь ещё, грубо попросил девушку оставить его в покое.

И вот уже час сидит, практически не шевелясь. Тупо глядит перед собой. Тихо шелестит кондиционер. Нетронутый кофе успел остыть.

Неужели шеф в курсе? Как он сказал? Прекрасно справляется с любой порученной работой. Не может быть. Андрей попытался вспомнить голос человека, кому звонил из Сан-Паулу. Вроде похож, а вроде и нет. Телефон искажает голос.

Протянул руку к ящику стола и вытащил нож Серого. Потёртые кожаные ножны. Повертел перед глазами. Взялся за рукоятку и медленно потянул. Воронёный клинок матово блеснул в лампах дневного света. Белая арабская вязь засияла.

– Би-сми-Лляхи-р-рахмани-р-рахим, – медленно прочёл витиеватую надпись над долом, следом ту, что снизу, – ля-Илляха-иль-Алла. Н-да. Сколько ж на тебе крови гяуров?

Поскрёб ногтём инкрустацию, дол с обухом. Серебряная. Соврал Серый. Зачем? Куда ж ты подевался, дружище, а? Жив или нет?

Андрей вздохнул. Клинок медленно вернулся обратно в ножны. Снетко убрал опасную игрушку в стол, но передумав, переложил в кейс. На стуле валяется брошенный пиджак. Подошёл и полез во внутренний карман, извлекая завёрнутый в цветастую тряпочку предмет. Брал с собой в концерн. Не пригодился. Положил на стол и аккуратно развернул ткань. На куске материи ничем ни примечательный деревянный нож. Такой пацаны выстрегивают из дерева. Только сильно потемнел от времени. Ножик подарила прабабушка Аксинья незадолго до смерти, когда юный Андрюша Снетко ещё учился на первом курсе юрфака...

Бабушка Аксинья называла чудной нож амулетом. Нужно коснуться пальцем острия лезвия, и назвать имя. Тогда придёт человек (слово «человек» бабушка произнесла с презрением) и выполнит любую просьбу. Имя – Тадеуш. Амулет всегда нужно носить с собой, он придаёт силы. Не столь физические, сколько внутренние. Обращаться к помощи амулета можно не чаще чем, раз в девять месяцев. Поэтому использовать странный нож нужно только тогда, когда иного выбора нет.

Разумеется, он не поверил...

Андрюша рос хилым и болезненным. Часто становился объектом издевательств со стороны сверстников. Дети жестоки. В старших классах стало ещё хуже. Девчата его сторонились, предпочитая более успешных ребят. Когда в класс пришёл новичок – Сергей Исаев, они как-то незаметно сошлись. Сергей пару раз защищал Андрея. Однажды дрался один против пятерых, когда те прижали Снетко в тихом уголке во дворе школы. Сергею пришлось несладко. Андрей помогал, как мог. Ему расквасили нос и выбили зуб. Но в тот раз победа осталась за ними. С тех пор сдружились.

Что могло сблизить сына военного дипломата и мальчика из неблагополучной семьи, не понимал никто. Отца у Андрея нет. Мать постоянно пьяная, всё время какие-то мужики в квартире. От них пацану часто доставалось. Не раз уходил из дома. Тогда Исаевы принимали его у себя.

Поступив на юридический, с удовольствием переехал в общежитие. Думал, всё изменится. Но нет! История повторилась. Его вновь стали тиранить сокурсники и старшие ребята. Особенно доставал местный красавец, Пашка Селезнёв, сынок чиновника из мэрии. Однажды Пашка с друзьями его при всех опозорил, стянув штаны и как бы в шутку отхлестав линейкой.

Вечером в общежитии, лёжа на койке, Андрей думал о самоубийстве. Но безболезненный и быстрый способ в голову не приходил. Открыл тумбочку в поисках чего-нибудь острого. Взгляд наткнулся на деревянный нож.

– А вдруг, – прошептал он, схватив амулет и прижав к груди. – А вдруг...

Хуже всё равно быть не может.

Сглотнув слюну, коснулся дрожащим пальцем острого кончика. Вот бред-то! Ладно, чего терять? Проговорил, стараясь унять в голосе дрожь:

– Тадеуш..., – и уже твёрже, – Тадеуш!

Ничего не произошло. Совершенно. Никто не появился выслушать его волю и разобратся с обидчиком. С досадой бросил бесполезную деревяшку обратно в тумбочку.

За полночь с дискотеки пришли соседи по комнате. Поржали, вспомнив происшедшее днём. Ярость жжёт душу. По щекам катятся слёзы. Лежит, отвернувшись к стене. Что же ты, бабушка Акси́ня, обманула правнука?

Через пару часов в дверь настойчиво постучали.

– Эй ты, опущенный, открой, – сонным голосом проворчал кто-то из соседей-студентов. Кажется, Вован.

Снетко резко отбросил одеяло и молча поплёлся к двери. Стук повторился. Андрей отодвинул в сторону защёлку и замер от неожиданности. В дверях на фоне тусклого света чёрный силуэт голого по пояс среднего роста мужчины. Ночной гость не спрашивая разрешения, вошёл. Мускулистый торс мокрый от пота, будто визитёр долго бежал. А на улице зима. Длинные светлые волосы распущены по плечам.

– Ты звал меня?

Глубокий голос прозвучал тихо, но студентам показался громовым раскатом. Те аж повскакали на койках.

– Лежать! – он взглянул на соседей.

Те быстро юркнули под одеяла.

Мужчина снова посмотрел на оторопевшего Снетко:

– Звал меня?

– Д... да, – пролепетал тот.

– Чего хочешь?

И Андрюху прорвало...

Сбиваясь и всхлипывая, рассказал, как Пашка Селезнёв отравляет ему жизнь. Что Пашкин отец какой-то чиновник в мэрии. И самое позорное... что случилось сегодня.

– Хорошо. Избавлю тебя от этой проблемы, – сказал Тадеуш. – Селезнёва знаю. Не акула, мелькая пиранья. Взяточник. Если что, обращайся, но срок ты знаешь. Знаешь?

Андрей кивнул.

– И, кстати, начни-ка ходить в спортзал. Качайся. А то дохляк дохляком.

Ночной гость вышел.

– Слышь, Снетко, а это кто? – раздался из темноты резко ставший тонким голос Вована, когда Тадеуш закрыл дверь.

Обделались уроды! Твёрдо и радостно, словно так оно и есть, Андрюха ответил:

– Селезнёвский звиздец.

Вот степени «звиздеца» Андрей не ожидал...

В понедельник Пашка не пришёл в институт. Через пару дней семью Селезнёвых нашли на даче с разорванными глотками и распоротыми животами. Следствие ни к чему не пришло. Дело сдали в архив.

За спиной Андрюхи зашептались. С ним пытались завести дружбу. Инцидент с Пашкой вскоре забылся. Все понимали, за подобную проделку или даже воспоминание о ней могут жестоко поплатиться. Андрей стал ходить в качалку. В конце концов, ему понравилось тягать железо. Девушки стали на шею вешаться...

Снетко завернул амулет в тряпицу и убрал в карман пиджака. В памяти всплыл врач раздолбанной «газели». Лица не видел, тот сидел спиной. Белые волосы, как у Тадеуша. Разве много людей с такими же волосами? Ладно, пора домой.

Глава 7

Бенту Николас Коэлью Авелар, старший инспектор гражданской полиции города Сан-Мигел-ду-Игуасу, что в штате Парана на юго-западе Бразилии, просматривает сводки происшествий по штату. Скоро должен подойти начальник местной жандармерии. Инспектор запросил в дирекции полиции штата данные на Пенью. Из архива – дело о гибели старшего инспектора Мануэла Мендеша.

Ему известно, что Пенья и Мендеш были врагами. Инспектор погиб в сельве, в пяти километрах от города на берегу озера, где несчастного задрал ягуар. Зверя застрелили охотники. Но тот ли это самый ягуар-убийца? Экспертизу никто не проводил. А почему?

Бенту внимательно изучил дело. Происшествие квалифицировано как несчастный случай. Но большинство полицейских Сан-Мигела так не считают. А доказательств никаких. Жители городка боятся Пенью, шепчутся за спиной капитана.

Зачем бедняга Мануэл пошёл в сельву? Непонятно. Ни ружья, ни удочки при нём не обнаружено, и не удивительно. Охоту не любил, рыбалку тоже. Нашли только нож, да и тот с трудом можно назвать охотничьим.

Теперь аналогичный случай с русскими. Снова ягуар. Один из них, как его там, Сергей Исаев, доставлен в тяжёлом состоянии в Фос-ду-Игуасу. Как потом доложили, пострадавшего спецрейсом отправили в Россию. Вчера обнаружили труп брата Пеньи – шамана местного племени. Что интересно, капитан отдал тело индейцам, хотя был обязан вызвать полицию...

Стук в дверь прервал ход мыслей.

– Войдите.

В дверях показался Пенья. В форме.

– Вызывали, сеньор старший инспектор?

– Ну что вы, капитан, – как можно шире улыбнулся Бенту, – вызывать вас могут только федералы. Я просто пригласил для беседы.

Жандарм улыбнулся в ответ. Анаконда и та, пожалуй, улыбается душевней.

– Для дружеской?

– Ну друзьями мы вряд ли станем, капитан. Поговорим просто как люди, делающие общее дело.

Бенту указал на стул. Пенья вольготно уселся.

– Мне нравится ваша откровенность, сеньор старший инспектор, – Пенья снова на миг растянул губы в улыбке.

– Примите мои соболезнования в связи со смертью вашего брата.

Лицо капитана не дрогнуло.

– Благодарю.

– Я разделяю ваше горе, но... – Авелар постарался говорить как можно мягче. – Но почему вы не вызвали полицию?

Пенья холодно посмотрел ему в глаза.

– В этом не было необходимости...

Похоже мягкий тон в разговоре с капитаном излишен.

– При обнаружении трупа вы обязаны выставить оцепление и сообщить нам, – резко прервал Авелар. – Даже если это труп вашего родственника, капитан.

Чёрные, слегка раскосые глаза на миг вспыхнули и снова ничего не выражают.

– Брата похоронили по обычаям моего народа. Это наше внутреннее дело.

– Ваш брат, Пенья, убит. Статья сто двадцать первая уголовного кодекса Федеративной Республики Бразилии, – в голосе Авелара звякнул металл. – Расследование убийств – наша

юрисдикция. Обязанность военной полиции – выставить оцепление. И всё! Вы превысили полномочия.

Капитан засмеялся.

– С чего вы взяли, Авелар, что это убийство? Он отравился ядом растения...

– Шаман племени?! Перестаньте! Вы знаете, что его убили, и я знаю.

Бенту блефует. Никаких данных, указывающих на убийство, нет.

– Смерть довольно странная... А я должен найти убийцу любого гражданина нашей страны, будь это белый, негр или индеец.

Пенья встал и направился к выходу. У двери обернулся:

– Мой брат никогда не был гражданином Бразилии. Гуарани – дети сельвы.

Скорее всего, прижать капитана не получится. У большинства индейцев нет паспортов. Что же делать?

– Где обнаружен труп?

– Мой брат умер в племени. Его похоронили по обычаям моего народа. Инородцев, тем более белых, – змеиная улыбка вновь искривила губы жандарма, – мы в свои дела не посвящаем. Здесь вам не столица, инспектор. Тут местная специфика. Надеюсь, скоро это поймёте. Всего хорошего, – капитан исчез за дверью.

Авелар ухмыльнулся, и придвинул к себе клавиатуру. Нащёлкал шапку рапорта.

«Начальнику дирекции гражданской полиции штата Парана, старшему комиссару Э-Х. Ш. Гонсалесу».

В рапорте отразил подозрения в отношении командира девятого взвода жандармерии. Привёл ряд известных фактов. Не преминул упомянуть о смерти шамана. Инспектор слукавил, выдав подозрения об убийстве за проверяемую оперативную информацию.

Рапорт немедленно отправил в столицу штата – Куритибу. Через несколько дней пришёл ответ, что информация передана в федеральную полицию.

Капитан юстиции Юрий Геннадьевич Жданович, следователь райотдела, потёр виски, поставил локти на стол и закрыл ладонями глаза. Пусть зрение отдохнёт. Вообще-то с делом о гибели Исаевых было бы всё более или менее ясно, если б не ряд странностей.

С одной стороны, Исаева и его жену насмерть загрызли бродячие собаки. Всё ясно. Но почему супруги остановились в паре километрах от посёлка. Ну сбили псину, и что? Неужели пожалели? А стая отомстила? Бред. Полнейший.

По непроверенной информации концерн «Солидарность», чьим совладельцем был Исаев, занимается в числе прочего торговлей оружием и наркотой. Концерн решает пропустить партию героина через фирму его сына. Исаев категорически против. Убрали свои? Допустим. Но как? Используя бродячих собак. Чушь.

Но главное, почему Исаев остановил машину? И не только остановил, а вышел. И жена вышла. Видеорегистратор не работал. То ли штекер неплотно вставлен в прикуриватель, то ли ещё почему. Запись обрывается через двадцать три минуты сорок секунд. Исаевы побывали в театре... нет... в зале Чайковского. Обратная дорога записана частично. Те самые двадцать три минуты сорок секунд.

У обоих супругов разорвано горло. Рваные раны на разных участках тела, в основном на конечностях. На мокрой обочине многочисленные следы собак.

Из родственников только сын. Надо сообщить, но не удалось. Как оказалось, Сергей Исаев в это время был на охоте в Бразилии, где его серьёзно ранил ягуар. Пряма напасть какая-то на семью! Парня доставили в Москву, но из аэропорта он странным образом исчез. Местные опера поисковое дело не завели. Ведь Исаева забрала «скорая». А то, что пострадавшего нет ни

в одном лечебном учреждении региона, им до фонаря. Интуиция тихо шепчет – дело гнилое. И судя по всему, заниматься похищением младшего Исаева придётся ему, Ждановичу. Надо объявлять в федеральный розыск.

Дальше ещё интереснее. Юрий Геннадьевич сообщает о гибели Исаевых другу семьи, Виктору Ильичу Мартынову. Тот приезжает с дочерью. И вот три дня назад девушка погибает в автокатастрофе. По заключению автотехнической экспертизы тормозные шланги перерезаны с таким расчётом, чтоб машина лишилась управления подальше от дома. Преступники рассчитали, что девушка, узнав о тяжёлом состоянии жениха, помчится в аэропорт, выжав из машины всё. Так и получилось. Правда, это дело не в его производстве.

– Геннадьич, ты что, всё ещё возишься с делом Исаевых?

В кабинет вернулся Вовка Сидоренко, молодой следак. Парень прибыл к ним почти два года назад после университета.

Жданович убрал ладони от лица, откинулся на спинку кресла и буркнул что-то нечленораздельное.

Вовка сел за стол напротив.

– Юр, там же всё ясно. Потерпевших загрызли собаки. Такое уже было. В Москве в прошлом году раза три, по-моему. И два случая со смертельным исходом.

– Так-то оно так, но много странного.

– Например? – Вовка насыпал в кружку кофе, – У тебя сахар есть?

Жданович достал из стола коробку с рафинадом. Парень подошёл с кружкой в руке, взял три кусочка и направился к чайнику.

– Вот смотри. Они сбивают собаку, проезжают ещё сто пятьдесят метров и останавливаются.

– И чё? Может, жалко зверушку стало, мало ли, – хмыкнул Сидоренко.

– Вова, – Жданович подался вперёд, – ты бы стал останавливаться? Тем более, ночью?

Вовка помотал головой.

– Не-а.

– Вот, и я бы не стал. А он бывший офицер ГРУ. Вряд ли эти ребята отличаются сентиментальностью. А даже если и так, почему не отъехали назад? Ведь и машина, и тела Исаевых находились в ста пятидесяти метрах от трупa сбитой собаки. Нет, Володя, их остановило что-то другое.

– Может, на дороге что-то лежало? Или кто-то лежал? Вышли, чтобы помощь оказать.

– Я думал об этом.

Жданович глянул на часы. До обеда времени ещё порядком. Достал из холодильника бутылку йогурта и пирожок с клубничным джемом.

– Допустим, на дороге лежал кто-то, изображавший труп. На асфальте свиная кровь. Но... заметь. Не огнестрел, не ножевое, не чего-либо подобное. Нападение собак.

– Да. Загвоздка, – Сидоренко отхлебнул горячий кофе. – Ух, хорошо.

Перекусив, Жданович решил сходить к эксперту.

– Андреич освободился?

Вовка кивнул.

– Да. Я от него.

Угрозы инспектора не испугали Пенью. Озадачили. Уж слишком быстро Авелар многое узнал.

Рик вспомнил, как вчера нашли тело брата...

Под конец рабочего дня составлял график дежурств на следующий месяц. В дверь постучали. В кабинет протиснулся непривычно хмурый сержант Ренату Вивейрус. Подойдя, наклонился к уху начальника.

– Шеф, в сельве вашего брата нашли.

– Что значит «нашли»? – сердце будто когтистой лапой сжал Луизон⁵.

– Мёртвым, шеф. Там, на улице, индеец. Он сообщил.

Капитан погладил грудь.

– Кто ещё в курсе?

– Двое местных.

Рик бросил взгляд на сержанта:

– Давай машину. Со мной ты и... возьми Гильерме с Мигелем.

Жандармы вышли из участка. На освещённой фонарями улице возле патрульных машин неподвижно, как скала, замер индеец с мачете на боку. Рядом неуверенно мнётся мужик лет сорока. Местный работяга. Пенья уставился ему в переносицу. Такой взгляд подчиняет человека.

– Как звать?

– Кассиу Жуан Амарал Бонилья, сеньор, – мужчина слегка поклонился.

– Где второй?

– Пошёл за вами, сеньор, но мы с этим индейцем его опередили.

– Держи язык за зубами, ясно. И тому, кто был с тобой, передай.

Работяга снова поклонился.

– Конечно, сеньор капитан.

И так ясно, слух о гибели брата начальника местной жандармерии скоро распространится по всему Сан-Мигелю. Открыто, конечно, никто ничего не скажет, но шептаться будут обязательно.

– Показывай дорогу, – обратился Пенья к соплеменнику на гуарани.

Четверо жандармов с индейцем залезли в патрульный джип.

На место подъехали через полчаса. Индеец сказал, что дальше пешком.

Жандармы покинули машину и, включив фонари, проследовали в чащу за проводником и шефом. Ещё час продирались через ночные заросли, несмотря на то, что шли по тропинке. Вышли на окружённую тростником полянку. Из зарослей бесшумно возникли три воина гуарани.

– Где?

Один из индейцев медленно повернулся и протянул руку чуть в сторону и вниз.

– Оставайтесь здесь, – приказал Рик жандармам и посветил в указанном направлении.

Луч фонаря выхватил на траве шагах в десяти бесформенную кучу. Рик подошёл ближе. Следом бесшумно ступает индеец. Ноги стали ватными.

Рассмотрев кучу, Пенья громко и протяжно вскрикнул. Сел на корточки рядом с телом. Ничком лежит иссохшая серая мумия в знакомой накидке. Голова повёрнута в бок. Правая рука вытянута вперёд, словно умерший пытался до чего-то дотянуться, но не смог. Тело будто пролежало не один десяток лет и мумифицировалось. Только лицо... Лицо Бетинью. Рик нагнулся и посмотрел в остекленевшие глаза брата. Там застыла ненависть и растерянность.

На крик подбежали жандармы, и остоленели.

– Матерь Божья! Он будто умер несколько лет назад! – ахнул побелевший Мигел.

– Я ж видел его в прошлом месяце, – пробормотал такой же бледный Гильерме.

⁵ Луизон – Бог смерти и всего, что с ней связано в религии гуарани (прим. автора)

Жандарм отхлебнул бренди и протянул фляжку шефу. Рик сделал огромный глоток. Тепло разлилось по телу. Вернулась способность соображать. Не глядя, протянул флягу хозяину.

– Дай и нам, – попросил Ренату.

Они с Мигелем глотнули спиртного.

Полная луна выглянула из-за облаков и осветила полянку. На мундирах блеснули значки жандармерии Параны. Подошли индейцы.

– А где... его ягуар? – спросил Пеня.

Хорошо, подчинённые не понимают, для них вопрос прозвучал бы совершенно по-индейски.

Индейцы переглянулись. Тот, что пришёл в жандармерию проговорил:

– Он и есть ягуар.

– Э, не понял... – от неожиданности Рик заговорил по-португальски и, спохватившись, повторил на гуарани.

– В чём дело, шеф? – встревоженно спросил Ренату.

Пеня сделал знак заткнуться. Индеец продолжил.

– Твой брат был чудовищем.оборотнем. Мы звали его «чёрный демон». Он превращался в чёрного ягуара, и убивал людей. Мы все его боялись. Даже вождь. Он убил вашего полицейского в городе. Вчера напал на чужеземца.

– Ты чего несёшь? Какой оборотень? – воскликнул капитан и схватил индейца за плечи, но тут же, спохватившись, убрал руки. Такой жест для гуарани оскорбителен. – Я позавчера с ним говорил. А сейчас он выглядит так, будто умер несколько лет назад.

– Он оборотень, – спокойно продолжил индеец. – И убит кем-то из тех, кого ты водил на охоту...

– Я знаю, кто его убил! – прошептал Рик. – Но, скорее всего, он уже мёртв.

Луна снова ушла за облако. Лицо индейца в свете фонаря словно заострилось.

– Если он мёртв, Боги, возможно, пощадят наш народ. Если выжил, станет таким же чудовищем, и на наш народ свалится много несчастий. Тот, кто его убил, возьмёт всю его силу.

Рик сглотнул комок в горле.

– Надо его похоронить.

Индеец кивнул.

– Мы похороним его по нашим обычаям.

– Хорошо. Делайте, что нужно.

Рик коротко взглянул на коллег. Те ничего не поняли. Несколько раз прозвучало слово «ягуретте», отдалённо похожее на португальское «жагуар». Ну и хорошо. Индейцы взяли тело и исчезли в зарослях. Свет фонарика в неподвижной руке высвечивает на траве бледно-зелёный овал. Рикарду поднял лицо к чёрному безмолвному небу и закрыл глаза.

– Парни, о том, что видели, никому ни слова, – наконец вымолвил он.

Те заверили, что всё будет хорошо. Они никому ни гу-гу.

– А что случилось, шеф? – спросил Ренату.

– Его убили, Натиною. И я знаю, кто, – глаза капитана нехорошо сверкнули. – Поехали. Жандармы направились к джипу. Нужно всё рассказать да ла Косте.

Завтра вылет в Сан-Паулу. Дела не ждут. Жуан присел на кровать рядом с Лидией и чмокнул её в губы. Уже давно стемнело. Стук в дверь. Мягко отстранил прижавшуюся к нему жену и подошёл к двери. На пороге, приосанившись, замер мажордом.

– Прошу прощения, сеньор. Прибыл сеньор Рикарду Кайю Кампелу Пеня.

– Ох уж мне эта твоя преданность традициям, Себастьян, – проворчал да ла Коста. – Клянусь Мадонной, пока ты выговоришь полное имя, человек устанет ждать и уйдёт.

Себастьян отвесил лёгкий поклон. Жуан бросил взгляд на старые напольные часы. Полдвенадцатого.

– Что так поздно?

– Говорит, очень важно и очень срочно, сеньор.

Похоже, что-то действительно серьёзное. В такое время Рик по пустякам беспокоить не станет. Жуан распорядился проводить визитёра в кабинет. Себастьян снова слегка поклонился и степенно отправился выполнять распоряжение.

Лидия подошла сзади и обняла мужа:

– Передай Рикардинью мои соболезнования и приходи скорей.

Жуан погладил жену по руке, надел халат побогаче и вышел.

Капитан уже в кабинете. Какой-то он бледный!

– Доброй ночи, Рик, – он пожал руку жандарму. – Мои самые искренние соболезнования и от сеньоры Лидии тоже. Присаживайся.

– Спасибо, хозяин. Вы уже знаете?

– Конечно, Рик, – мягко ответил Жуан. – Я должен знать всё, что творится в моём городе.

Мужчины сели в кресла.

– Виски, коньяк, бренди?

– Спасибо, сеньор. Если можно, бренди.

Да ла Коста вызвал дворецкого и распорядился принести бутылку с рюмкой. Пока Себастьян выполнял поручение, Пенья шарил глазами по кабинету. Жуан внимательно взглянул на индейца. Точно. Случилось что-то из ряда вон. Таким бледным он Рика не видел ни разу. Вид затравленный. Но не стоит торопить события. Сам всё расскажет.

– Выпей, – предложил да ла Коста.

Капитан осушил рюмочку. Ещё. Лицо порозовело.

– Так-то лучше. Слушаю.

Пенья, сначала сбивчиво, потом всё твёрже понёс такое, что Жуану захотелось выставить жандарма вон. Но парню нужно выговориться.

Обнаружен мумифицированный труп брата Рикардинью. Индейцы считают покойного Бенедиту оборотнем. Выходит, никакого ручного ягуара нет. Шаман лично выполнял заказы да ла Косты. Через Рика, разумеется. И добавил, что если Сержиу жив, то стал или в ближайшее время станет оборотнем.

Жуан внимательно выслушал. Потеребил пышный ус.

– Во всю эту муть про оборотней я не верю. Насчёт инспектора не волнуйся. Руки коротки. Он ничего не докажет. И о Сержиу не переживай.

– Но, сеньор, тело как будто пролежало без доступа воздуха несколько лет, или десятков лет... оно всё высохло. Такого не может быть..., – почти перешёл на крик капитан.

– Не ори, выпей ещё.

Похоже, Пенья близок к истерике. Жандарм налил ещё рюмку и одним махом осушил.

– Вот что, Рики, скорее всего, это какой-то неизвестный яд, или неизвестное оружие. Что ещё вернее. Вот его-то и испытали на твоём брате.

– Да кому нужен какой-то шаман дикого племени?!

– В том-то и дело, – заключил Жуан, обрадованный, что смог так изящно вывернуться. – Если бы испытали на гражданине Бразилии, поднялся бы шум. А так... дикое племя, индейцы. Подумаешь! Кто будет копать дальше?

Пенья немного успокоился.

– Возможно, вы правы, сеньор, но я знаю одного человека, который будет копать.

Да ла Коста вопросительно приподнял густую бровь.

– Авелар.

Жуан махнул рукой.

– Ничего, пусть копает. Лопат не хватит. Я всё улажу.

На том и расстались.

Жуанзинью попросил мажордома выключить свет в кабинете и открыть окно. Собирается гроза, и Себастьян запротестовал было, но да ла Коста повторил приказ и откинулся на кресле. Всполох молнии на миг осветил кабинет. Через пару секунд по небу раскатился рокот. Зашелестел столь редкий в июне дождь. Ветра почти нет, но в кабинет потянуло свежестью. Какая прелесть – сидеть в кресле и слушать шум дождя. Под него лучше думается. Давно так не блаженствовал. Жуан закрыл глаза.

Что имеем? Шаман, организовавший устранение Сержиу, погиб жуткой и странной смертью. В оборотней старый и мудрый Жуан не верит. Почему? Да потому что отец Сержиу – бывший сотрудник одной из самых могущественных спецслужб мира. Может их рук дело? То, что старший Исаев в отставке, точнее, был в отставке, ничего не меняет. Теперь Григориу больше нет. Несчастный случай. Вместе с женой разорвали собаки. Единственный в «Солидарности» выступал против торговли оружием и наркотиками. Вот и довыступался.

Теперь Исаев-младший. Здесь парня порвал ягуар. В Москву Сержиу улетел едва живой. Андре позвонил уже из Москвы, сообщил – пульс еле-еле, раны воспалились. Затем он его потерял. Странная машина экстренной медпомощи, что увезла Сержиу, будто сквозь землю провалилась. Клянусь Мадонной, смахивает на работу спецслужб. Или, по крайней мере, бывших сотрудников спецслужб. В «Солидарности» таких хватает.

Надо подчищать хвосты. Беспокоит Мартынов. Он всё же друг Исаева и потерял дочь. А вот девочку, действительно, жалко.

Около двух часов дня Авелар свернул на Руа Витор Ферейра и Сильва. На тротуаре мелькнуло знакомое лицо. Он притормозил. Девушка прошла мимо. Белое платье чуть ниже колен соблазнительно контрастирует с тёмной смуглой кожей и чёрными волосами. На правом плече белая сумочка. Капрал жандармерии. Как же её? Кто-то из агентов называл имя, и на форменной нашивке рядом с фамилией стояла буква «Л». Лаура? Линда? Лусия? Сейчас, сейчас... Нет, имени так и не спросил. Фамилия? Фамилия... Маседу. Точно!

Он вышел из машины.

– Капрал Маседу!

Девушка остановилась, как вкопанная, и медленно обернулась.

– Инспектор?!

Несмотря на удивление, показалась, что та облегчённо вздохнула.

Обогнув одну из растущих вдоль тротуара невысоких пальм, подошёл к девушке.

– Простите, что я так официально. При последней встрече забыл спросить ваше имя.

Она опустила на секунду ресницы и вновь обожгла взглядом чёрных глаз. Как в их последнюю встречу.

– Линда.

Авелар протянул руку:

– Бенту.

Девушка не ответила на рукопожатие, лишь выжидающе смотрит. Он опустил руку.

– Линда, позвольте пригласить вас на чашечку кофе. Здесь недалеко есть небольшой ресторанчик.

– Я с незнакомыми мужчинами в рестораны не хожу, – улыбнулась очаровательный капрал.

Какая прелестная улыбка!

– Но ведь мы же уже познакомились.

Линда хмыкнула.

– Уговорили.

Вместе подошли к чёрному джипу. Авелар открыл переднюю дверь и поддержал девушку за локоть, пока та усаживалась в кресло. Быстро обошёл машину и сел за руль.

– Куда поедет, инспектор? – показала жемчужные зубки капрал.

– Говорят, на Сеу Азул есть небольшой, но уютный ресторанчик. «Бониа Меза», кажется. Минут пять... семь езды.

– Хорошо. Поехали.

Через семь минут чёрный джип припарковался около двухэтажного белого строения. Бенту с Линдой поднялись на второй этаж. Послеобеденное время, сиеста. Народу в ресторане немного. Сели за столик у окна напротив друг друга. Молодой негр-официант принёс меню.

– Что будете? – неспешно листая меню, спросил Авелар.

– Вы же меня пригласили на чашечку кофе. Значит кофе. Капучино.

– Хм, ладно, – и официанту, – капучино и двойной эспresso.

Тот слегка поклонился и ушёл выполнять заказ.

– Линда, а вы сегодня разве не на работе?

Девушка откинулась на спинку стула.

– Выходной. Вчера дежурила, утром сменилась.

– Даже не отдохнули? – он удивлённо приподнял бровь.

Девушка засмеялась.

– Немного подремала в участке. У нас спокойный городок. За ночь, хвала Пресвятой Деве Марии, ничего не случилось.

Разговор ни о чём. Как же раскрутить её на беседу о начальнике? Ничего в голову не лезет. Пригладил усы и решился.

– Линда, не поймите меня неправильно... Мне нужна ваша помощь.

Девушка взглянула настороженно. Тут официант принёс кофе. Когда парень отошёл, Бенту продолжил:

– Я... не знаю, на кого могу рассчитывать в этом городе... вы меня понимаете?

– Не совсем, – Линда отхлебнула горячий напиток.

Он поставил локти на стол, кисти рук сложились пирамидкой.

– Мой предшественник погиб при странных обстоятельствах, вы знаете это? – испытующе посмотрел в чёрные глаза.

– Слышала, дело закрыли, – девушка неопределённо пожала плечами, – не наша юрисдикция, мы туда и не лезли. Им занимались ваши и федералы. Как мне известно, несчастный случай.

– По-моему, не без помощи вашего капитана.

Опасные слова сказаны. Они могут испортить всё дело. Линда подалась вперёд и поставила недопитую чашку на стол.

– Это допрос?

Ну вот и всё. Авелар на пару секунд опустил глаза, и вновь посмотрел на собеседницу. Её взгляд стал жёстким.

– Нет, Линда, нет. Просто разговор. Прошу вас, выслушайте.

Девушка откинулась на стуле и скрестила руки на груди.

– Я отправил рапорт в Куритибу, и запросил сведения о капитане. Мне сообщили, что им занимается федеральная полиция. Обещали походатайствовать, чтобы мне прислали необходимую информацию. Хотя бы то, чем могут поделиться. Вы же понимаете, как трудно что-либо получить от федералов.

Линда внимательно глядит в глаза.

– Думаю, капитан в курсе, что им интересуются федералы, – она снова взяла кружку и сделала глоток. – Каждым из нас иногда занимаются федералы, выборочно разрабатывая любого сотрудника. В профилактических целях. А уж такого, как наш командир... – она покачала головой.

Бенту зацепился за эти слова.

– А что не так с вашим капитаном?

Девушка закусила губу, поняв, что совершила промах.

– Нет, ничего особенного, – торопливо проговорила она. – Вы же знаете уровень коррупции в стране. Конечно в столице коррупционные связи обширнее, и деньги крутятся гораздо большие. А в таких маленьких городках, как наш, всё решают личные связи. И это вы тоже знаете не хуже меня. Пожалуй, пойду. Спасибо за кофе.

– Линда...

Бенту быстро взял за руку уже начавшую подниматься из-за стола девушку. Она руку не отдернула, но глаза расширились от удивления.

– Прошу, ещё пару минут.

Капрал медленно села и скрестила руки на груди. Он опустил глаза, немного помолчал.

– Простите меня, Линда. В нашу последнюю встречу мы понравились друг другу. Думаю, мне не показалось. Вы, правда, мне нравитесь. Как женщина, – Бенту посмотрел ей в лицо. – Полагаю, вы обязаны доложить своему начальнику о нашей встрече.

Получилась какая-то ерунда. Девушка отвернулась, не выдержав взгляд. Вздохнула и снова посмотрела на Авелара. Лёд в чёрных глазах растаял, но настороженность не исчезла.

– Что ж, – пожал плечами Бенту, – в таком случае выхода два. Либо Пенья меня прикончит, как Мендеша. Либо я его надолго посажу.

– Извините, инспектор, мне пора, – девушка встала и пошла к выходу.

Авелар смотрел в след, пока хрупкая фигурка в белом платье не исчезла в дверях. Разговора не вышло. А чего он ждал? Бенту взглянул в окно. По улице проехала патрульная машина жандармерии.

Краем глаза заметил возвращающуюся Линду.

– Вы... мне тоже... симпатичны, Бенту, – девушка, опустив глаза, теребит ремешок сумочки. – Пенья – страшный человек. Я хотела написать рапорт в службу внутренних расследований военной полиции, но... я просто боюсь. – Она снова взглянула на него. – Да. Элементарно боюсь.

Авелар поднялся, подошёл и взял её за плечи.

– Но вы... можете рассказать мне, что знаете? Без всяких бумаг. С глазу на глаз. Можете? Она кивнула.

Линда прижалась к нему. Голова девушки на его груди. Авелар запустил пальцы в чёрные волосы и мягко массирует голову. Она едва не мурлычет от удовольствия.

Мысли то и дело возвращаются к Пенье. Все чувства вопят – предыдущий начальник полиции убит. Причём это – умышленное убийство, и виновник – капитан жандармерии. Но чувства к делу не пришьёшь, а доказать он ничего не может.

Линда мягко коснулась губами его груди, Бенту слегка вздрогнул. Погладила место поцелуя ладонь и повернулась на спину. Взяла его руку и поцеловала в ладонь.

– Знаешь, – прошептала она, – я сейчас тебе ещё кое-что скажу. Скажу только один раз. Больше повторять не буду. Об этом знаю я и ещё несколько человек в городе. Если узнают, что информация от меня, мне конец.

Авелар погладил её другой рукой по щеке.

– Тогда лучше не говори.

– Тебе это пригодиться. Убил ли Пенья Мануэла Мендеша или нет, не скажу. Не знаю. Но... люди говорят, у капитана, вернее, у его брата есть ручной ягуар. И если кто-то становится опасен для капитана, ягуара направляют на несчастного.

– Ну и что? После гибели Мендеша фермеры убили ягуара...

Линда снова развернулась к нему.

– Не перебивай, пожалуйста. До Мендеша было ещё несколько смертей. Если не ошибаюсь, двенадцать. Это за последние десять лет. Поскольку погибшие не занимали такого высокого поста, как Мендеш, то и списали на несчастные случаи. Их тоже загрыз ягуар, многих – чёрный. После гибели инспектора видели чёрного ягуара. Можно предположить, именно этот ягуар убил Мендеша. Но это только предположение, ты же понимаешь.

– Да, да. Продолжай, – заинтересовался Авелар.

Девушка начала теребить редкие волосы на груди мужчины.

– Как ты помнишь, русского тоже подрал чёрный ягуар.

– А какое это имеет отношение к твоему начальнику?

– А вот какое! – глаза загорелись. – После смерти Мендеша фермеры застрелили обыкновенного, рыжего. А у Пеньи, – она приблизила лицо, глядя ему в глаза, – по слухам, ручная пантера. Чёрная, понимаешь?

Авелар заложил руки за голову.

– А вот это уже интересно, – проговорил он, глядя в потолок, затем снова посмотрел на Линду. – Кто ещё об этом знает?

– Скорее всего, да ла Коста. Из наших – Ренату Вивейрус и Гильерме Алейшу – точно. Случайно услышала их разговор. Кто-то из старых, может быть. Ну и кто-то из фермеров. Но они будут молчать. Боятся.

Линда опустила глаза и снова взглянула на инспектора, тихо прошептав:

– Я тоже очень боюсь, Бенту.

Он притянул к себе девушку и впился ей губы. Нацеловавшись, Линда мягко отстранилась.

– Это ещё не всё.

Авелар удивлённо посмотрел в чёрные глаза. Ну что за привычка, давать информацию порциями!

– Не знаю, как сказать... ты будешь смеяться...

– Говори, как считаешь нужным, – он улыбнулся, – клянусь Мадонной, смеяться не буду.

– Вот, уже смеёшься, – вспыхнула Линда.

– Не смеюсь, а просто улыбаюсь, – погладил девушку по щеке. – Мне нравится смотреть в твои глаза. Рассказывай.

Линда прижала его ладонь к щеке.

– Из разговора Вивейруса и Алейшу выходит, что индейцы считают, будто этот ягуар вовсе не ягуар.

– А кто? Хомячок что ли? – хмыкнул Авелар.

– Нет. Это брат Пеньи. Шаман-оборотень.

Бенту стало скучно.

– Линда, ты же взрослый человек. Сотрудник военной полиции, целый капрал. Что за бред?

– Может и бред, – серьёзно сказала Линда, – но эту версию тоже не стоит сбрасывать со счетов. Я знаю, ты не сможешь провести её в официальном расследовании. Но имей в виду. Это – гуарани, а у них возможно всё.

– Какого чёрта ты с ним встречалась?! – орал Пеня.

Навытяжку в кабинете в форме стоит капрал Маседу и смотрит прямо перед собой.

– Капитан... – промямлила девушка.

Девчонка вся пунцовая. Ещё бы! Рик никогда ещё так на неё не кричал. Да он вообще ни на кого не орал. Всегда выдержан, спокоен, как дохлый аллигатор.

– Молчать! Почему я узнаю о том, что ты встречалась с начальником полиции не из твоего рапорта, а от других людей?

Линда перевела взгляд на начальника. Какой яростью загорелись глаза девчонки!

– Моя личная жизнь, сеньор капитан, никого не касается, – в дрожащем голосе зазвучал металл.

Вот маленькая сучка! Рик придвинулся вплотную к капралу и, брызгая слюной, проорал:

– Мне плевать на твою личную жизнь, девчонка! Ты. Встречалась. С Авеларом, – каждое слово он выделил отдельно.

Линда оказалась ростом чуть пониже капитана. На скулах девчонки заиграли желваки.

– Ну и что? Я встречалась с мужчиной...

– Мне плевать с кем ты трахаешься! – оборвал Рик, – Авелар – начальник городской полиции, и ты обязана доложить мне об этой встрече! А я вдруг узнаю, что позавчера после дежурства ты с ним обедаешь, а сегодня ночью уже спишь!

– Это для вас он – начальник полиции. Для меня – мой мужчина. И всё!

Пеня отвернулся и пошёл за стол. Вот же дрянь! Надо успокоиться. Он уже пожалел, что сорвался. Недостойно индейца.

– О чём разговаривали? – голос спокойный, но лёгкая дрожь выдаёт, в какой ярости Рикарду.

– О нас.

Рик хмыкнул.

– Хочешь сказать, он даже не расспрашивал обо мне?

– Ну почему же! – с вызовом ответила капрал. – Спросил пару раз.

Капитан впился в неё немигающим взглядом, но девчонка молчит, и глаз не отводит. Дерзкая. Надо, чтоб парни за ней присмотрели.

– Ну?

– Что «ну»?

– Не строй из себя дурочку! – рявкнул Пеня. – Что ты ему рассказала?

Маседу пожала плечами.

– Да ничего особенного. Что вы – отличный командир, заботитесь о своих подчинённых.

– Что ещё?

Девчонка немного поколебалась.

– Он считает, это вы убили Мендеша. Я ответила, что всё это ерунда. Мендеша порвал ягуар. Следствие признало это несчастным случаем. Это всё, что я знаю.

– Сейчас пойдёшь к себе, и напишешь рапорт, где изложишь всё, что делала и о чём вы говорили. Подробно, поминутно. Поняла?

Девчонка трянула головой. Пеня почуял, что та едва сдерживается, чтоб не вlepить начальнику пощёчину.

– Не вижу оснований, сеньор капитан. Я встречалась не с начальником полиции, а со своим мужчиной.

Рик снова начал терять терпение. Девчонка уже достала.

– Или ты немедленно идёшь и пишешь рапорт, либо найду другие основания для отстранения от службы, – прошипел Пенья. – Думаешь, не найду?

Линда подошла к столу. Губы искривила усмешка. Девушка упёрлась руками в стол, взглянув в глаза. От взгляда по спине пробежал холодок.

– Я напишу рапорт, сеньор капитан.

И вышла из кабинета.

Пенья переломил карандаш, незаметно оказавшийся в руке. Вот сучка! Пригрел же на груди жарараку⁶!

– Здорово, Андреич.

Жданович протянул ладонь высокому, худому, лет под семьдесят мужчине. Тот колдует с разобранным стволом. Андреич молча пожал руку и кивнул на стул. Следовательно пристроился за столом эксперта.

– Чего хотел, Юрок? – не отрываясь от ствола, спросил Андреич.

Во рту привычная сигарета. Старик дымит как паровоз.

– Да я по делу Исаевых.

– А-а, – он оторвался от пистолета, вытер ветошью руки и отправил окурок в урну с водой. – Что именно интересует?

– Всё, о чём не написал в заключении.

Лев Андреевич Айзенберг, или как многие зовут просто – Андреич, заслуженный эксперт-криминалист, уселся рядом со Ждановичем. На глаза старику попала распечатанная пачка. Тут же вытащил очередную сигарету, прикурил и с удовольствием затянулся.

– Сам-то что думаешь?

Жданович знает его характер. Ни за что не станет ничего говорить, пока не выслушает мнение собеседника. Он вздохнул, посмотрел в окно, выходящее во двор райотдела, и выложил сомнения.

Пока рассказывал, Андреич успел докурить сигарету и зажёл другую.

– Формально дело можно закрывать за отсутствием события преступления. Собаки разорвали. Несчастный случай, – эксперт затянулся. – Ну да не мне тебя учить. Хотя есть ещё кое-что.

Жданович напрягся, раз этот тёртый калач так говорит, значит, действительно что-то есть.

– Ну. Не тяни, Андреич.

Собачий труп на экспертизу, естественно, не отдавали. Старик сам посмотрел травмы. Судя по росту, следам на бампере, облицовке радиатора и крыле, животину бросили на джип. Если б бежала, удар пришёлся бы бампером по верхней части головы, как максимум. А если б животное ещё со страху пригнулось, то попала бы под колёса. Либо зацепило бы выступающими частями подвески. А так место удара примерно по средней линии тела. Голова разбита о фару. В черепе стёкла от фар. На разбитой правой фаре кровь.

Надо полагать, собаку швырнули с противоположной обочины дороги. Там Андреич обнаружил следы босой человеческой ноги сорок третьего размера. Интересно. Что за придурок ходит босой по лесу? Ночью! А сила? Пёс весит под пятьдесят кило.

Но самое интересное в другом. Среди собачьих эксперт обнаружил несколько следов, похожих на волчьи. Сделал снимки и слепки.

– Похожи на волчьи или волчьи? – уточнил Жданович.

⁶ Жарарака – одна из самых ядовитых змей Бразилии (прим. автора)

– Уверен, что волчьи, – затянулся сигареткой старик, – скорее всего, волк один. Может два. Но формально я такое заключение дать не могу. Хочешь, оформляй медико-биологическую экспертизу.

Жданович взял фотки. Посмотрел ближе, отодвинул от глаз. Что совой об пень. Следы как следы.

– Андреич, в чём разница-то?

– Вот смотри, след собаки. Кончики когтей крайних пальцев, – эксперт ткнул карандашом в один из снимков, – доходят почти до кончиков внутренних пальцев, откуда растут когти.

– Ага, – кивнул Жданович.

– Теперь смотри сюда, – старик взял у него другой снимок, – здесь кончики внешних пальцев, если не считать когтей, едва дотягивают до оснований внутренних пальцев. Волчий след как бы... более компактный. Это основное отличие от собачьего.

– Точно. Ну, Андреич, ты спец. А вдруг кто-то имитировал следы? Такое возможно?

– Я изучил под микроскопом отпечатки. Есть трещинки, морщинки. В общем, след живого существа, а не пластик или резина. Всего лишь мои догадки, но весьма вероятные.

В кювете и возле лесополосы, в пятидесяти метрах от дороги, обнаружены ещё два следа босой ноги. Тридцать шестого размера. На дороге много крови. Часть принадлежит Исаеву, часть его жене. Но было ещё одно пятно. Свиная кровь.

– Два человека ходят босыми ночью. И два волка. Здорово, – невесело усмехнулся Жданович. – Что об этом думаешь?

– Мыслию так, – старик вкусно затянулся. – Кто-то бросил собаку перед машиной. Исаев затормозил. На дороге лежал кто-то, немного политый свиной кровью. Исаев, естественно, вышел. Потом на него и жену напали волки или крупные псы. Он успел выстрелить один раз. Гильзу нашли одну, в пистолете пятнадцать патронов. В патроннике был шестнадцатый. А потом волки и кто-то, кто лежал на дороге, ушли, а бродячие собаки доделали своё дело.

Бред полный. Если бы не волки, вроде всё логично. О чём Жданович и сказал эксперту.

– Юрок, строить версии – твоя работа, – Андреич усмехнулся. – Может волки дрессированные. Или ручные. Из цирка или зоопарка. Не знаю, Юр. Вот всё что из этого получается. А там, решать тебе.

Жданович поблагодарил старика, пообещал самого дорогого вина. Эксперт выпивать не любит, но хорошее вино коллекционирует.

За окном шелестит дождь. Несмотря на мощные раскаты грома и слепящие молнии, так и не превратился в ливень и даже немного утих. Да ла Коста посмотрел в окно. Д нём из него видна рощица паранских сосен, а теперь непроглядная темень.

Оборотень-ягуар! Чушь полная! Но индейцы верят. Вряд ли Пенья стал бы обманывать хозяина. Не в его хара ктере. Капитан предан ему. Хотя, что Жуан может знать о преданности индейцев? Вот то-то.

Хорошо, предположим, только лишь предположим, что рассказ об оборотне – правда. Тогда, если Сержиу выжил, стал оборотнем. Хреново. Исаева нужно срочно найти. Бредовую версию пока в расчёт принимать не стоит.

Да ла Коста протянул руку к трубке со светящимся серо-синим экраном, набрал попискивающие клавиши. Ответа долго ждать не пришлось.

– Андре, мальчик мой, как дела? – ласково проговорил Жуан.

Выслушал, не перебивая.

– Хорошо. Как только Сержиу объявится, сразу же дай мне знать. В концерт лучше не звони.

Удостоверившись, что Снетко всё понял, поставил телефон на базу. Трубка пискнула. Экран загорелся мягким серо-синим светом.

Значит, Исаев исчез и уже неделю не объявлялся. Ни слуху, ни духу. Странно. Он же не бродяга беспризорный. Его должны искать. И «Солидарность», и полиция.

Снова взял трубку и набрал номер концерна. Ждал долго. Наконец, бодрый голос произнёс:

– Слушаю тебя, дружище. Если что-то срочное, говори быстрее. Я на совещании. Или позже позвони.

– Не так чтоб срочно, но важно, мой друг. По поводу Исаева... младшего.

Собеседник заинтересовался. Да ла Коста рассказал, что узнал от Снетко. Немного поколебавшись, не стал говорить об оборотне, но сказал, что Сержиу не просто порвал ягуар. Зверь был ручным и возможно когти смазали медленно действующим ядом. Что за яд неизвестно. У индейцев много разных штучек.

Жуана поблагодарили за крайне важную информацию.

Секунду помолчав, сказал, что просил Снетко не сообщать в концерн, если тот найдёт Исаева. Если Андре прослушивают, то доверие к да ла Косте пошатнётся.

Глава 8

Альберт вошёл в комнату с горящими факелами. Следом Ева. Новичок лежит на кровати, закинув ногу на ногу, и читает. Уже пять дней, как парень пришёл в себя.

– Как наш новый друг?

Сергей отложил книгу на столик рядом с кроватью, встал и пожал протянутую руку.

– Да так, – гость замялся и отвёл взгляд.

– Тебя что-то смущает? – как можно мягче спросил Альберт и пристально взглянул в тёмно-серые глаза.

Пациент поёжился. Переборщил с силой взгляда. Коженевский обвёл глазами помещение. Попытался поймать мысли Сергея. Не удалось. Интересно! Ева осталась у двери.

– Альберт, я себя отлично чувствую, но меня всё ещё держат здесь. Или вам... – он запнулся, – если вам нужен выкуп, назовите сумму.

Ни хрена себе! Во даёт! С такой реакцией сталкиваться не приходилось. Снова посмотрел парню в глаза. Не так жёстко. Тот взгляда не отвёл.

Коженевский отошёл от Исаева и, обойдя кровать, приблизился к столику, где рядом с книгой аккуратно стоят кружка и тарелка. Рядом вилка с ножом.

– Сергей, ты прекрасно прошёл период ремиссии...

«Господи, что я несу?» – появилась и тут же умчалась мысль.

Неуловимым движением схватил нож и метнул в Исаева, целя в горло:

– Лови.

Пациент легко поймал нож уже около шеи. Причём, за рукоятку.

– Видишь, какие у тебя навыки появились? – усмехнулся Коженевский.

Исаев посмотрел на нож, на Альберта и, наконец, сказал:

– Какие навыки? Я с детства айкидо занимаюсь.

– Хочешь меня убедить, что айкидошник может поймать неожиданно брошенный в него с расстояния четырёх метров нож? Не смешно. Ни один человек на это не способен. Присядем?

Альберт обошёл кровать и присел прямо на одеяло в белом больничном пододеяльнике. Сергей опустил рядом.

– Не буду ходить вокруг да около, ни к чему. Мы... не совсем люди. И, так получилось, ты теперь становишься одним из нас.

Кривая ухмылка исказило лицо новичка. Но от Коженевского не укрылась едва заметная бледность. И сердечко забилося быстро-быстро.

– Что значит «не совсем люди»?

– Тебя на охоте подрал ягуар.

– И чё? Какое..., – вспыхнул Исаев.

– Погоди, – выставил ладонь Альберт, – не перебивай. Это не совсем обычный ягуар. Оборотень. Шаман индейского племени. Так как ты выжил, тоже скоро станешь оборотнем. Тот был высшим. А поскольку его убил ты, тоже станешь высшим. Со временем, конечно. Мы плохо его знали, но то, что знаем, даёт основание предполагать...

– Стоп, стоп... – быстро перебил новичок и слегка отодвинулся. – Чё за хрень ты несёшь? Какой ещё, в пень, оборотень?

Коженевский слегка улыбнулся.

– Нет, Сергей. Это – не хрень. Это – правда, которую тебе пока трудно принять. Если хочешь, я сейчас расскажу о нас, а если тебе нужны доказательства...

Чтение в голову не лезет. Просто заняться больше нечем. Сергей уже час лежит на кровати, не пытаясь понять смысл прочитанного. Просто скользит глазами по буквам. Он уже в этом подземелье около двух недель. Чувствует себя превосходно. Появились новые звуки. Иногда слышно, как за стеной бегают мыши. Или крысы? Судя по топоту, крысы. Но так бывает не всегда. Зрение стало подводить. Пытался выяснить у пришедших медсестёр, что с ним. Девчонки отвечали, последствия болезни. Скоро всё пройдёт. Даже название выучил – вирус Гольфштейна-Бёрка.

Недавно брюнетка Саша принесла ужин. Чёрт, в этом подземелье не поймёшь, что сейчас – день или ночь! Ориентироваться приходится так: принесли завтрак, значит утро, обед – день. Ну а если ужин, то, естественно, вечер. Использованная посуда справа на столике, у изголовья кровати.

Удобств в камере, как Сергей назвал просторную комнату, нет. Медсёстры (уже всех знает по именам) приносят воду для умывания и ведро для естественных нужд. На вопрос, почему не переведут в нормальную палату, ответ – Альберт не разрешает. Так и говорят – Альберт. Не по имени-отчеству, не «доктор», а просто – Альберт. Странно. Кстати, главврач с тех пор больше не появлялся. Приходят только девчонки-медсёстры. Все как на подбор – стройные, красивые.

Мысль, не раз выползавшая из закоулков подсознания, снова всплыла на поверхность. Он – заложник. Хотя тоже бред. К заложникам не пускают красивых девчонок, судя по кинофильмам.

Тут только дошло, что ни разу не вспомнил о родителях, Ритке. Они наверно с ума сходят! Ладно, спокойно. Нужно срочно поговорить с главврачом. Что им от него надо? Болезнь уже прошла. Раны от когтей затянулись, даже шрамов практически не осталось. Лечат здесь, надо признать, великолепно. Хотя условия... н-да, ничего не понятно. Срочно нужен Коженевский.

Тяжёлая, обитая железом дверь открылась. Наверно Саша за посудой. Он поднял глаза. На пороге Альберт в отглаженном белоснежном медицинском халате. Отлично! На ловца и зверь бежит! Следом вошла Ева в коротком зелёном расклешённом платье и остановилась у двери.

Главврач протянул руку и справился о здоровье. Сергей отложил книгу, встал и пожал крепкую кисть. Поразительно горячую. Температура у него, что ли? Буркнул, мол, так себе.

– Тебя что-то смущает? – мягко спросил доктор.

Сергей наткнулся на его взгляд. Голубые глаза смотрят, словно в самую душу. Невольно поёжился. Главврач стал рассматривать комнату. Станный лёгкий холодок в районе лба. Сергей непроизвольно опустошил голову от мыслей, как на занятиях по дзэн. Спросил прямо, сколько им за него нужно денег.

У Альберта вытянулось лицо. Ева округлила синие глаза. Версия с заложником отпадает. Тогда совсем ничего не ясно.

Коженевский обогнул кровать. Холёная рука плавно, даже грациозно, опустилась на столик с посудой и книгой. Исаев как загипнотизированный наблюдает за движением. Оказывается, период ремиссии прошёл великолепно...

Резкий окрик «Лови!» вогнал в лёгкий транс. К горлу, кувыряясь, летит ножик, до этого лежащий на столике. Сергей лёгким движением схватил нож за рукоятку. Есть! Не зря столько лет ходит в до-дзё!

Голос Альберта вырвал из транса. Главврач восхитился новыми появившимися навыками.

Исаев взглянул на пойманный ножик, на Коженевского. Тоже мне новые! Они на тренировке часто во время разминки пытались увернуться от брошенных предметов, хоть и не с такого близкого расстояния. Сергей усмехнулся:

– И чё? Я с детства айкидо занимаюсь.

Альберт скептически на него посмотрел и заметил с лёгкой ехидцей, что ни один человек не способен поймать внезапно брошенный в него с четырёх шагов нож. Предложил присесть и, обойдя кровать, уселся. Даже не удосужился приподнять одеяло и простынь. Сергей, немного постояв, сел рядом.

А дальше этот тип понёс полнейшую муть. Будто порвавший Исаева ягуар – оборотень. Шаман местного индейского племени. Поскольку Сергей выжил, то скоро тоже станет одним из них. Оборотнем.

Сергей скривился, словно от зубной боли. Дурацкая шутка? Наткнулся на взгляд главврача. Тот совершенно серьёзен. Сердце быстро заколотилось. Блин, похоже, Альберт сумасшедший. Ещё этого не хватало. Вот влип. На лбу выступила холодная испарина. А что же Ева? Взглянул на девушку. Она что, ничего не понимает, что несёт Коженевский? Или заодно с главврачом? Они все сумасшедшие!

Альберт грустно улыбнулся и предложил доказать.

– Какие, на хрен, доказательства? – взвился Исаев.

И замолк. А почему, собственно, нет? Пусть попробуют, а мы посмеёмся.

– Ну давай. Удиви.

Лёгкая улыбка вновь коснулась тонких губ главврача. Обратился к до сих пор молчавшей Еве:

– Покажи ему.

– Почему не ты? – вздёрнула подбородок та.

Похоже, идея с доказательствами девчонке не понравилась. Ну-ну. Посмотрим.

– С каких это пор мы такие стеснительные? – хмыкнул Коженевский. – Тебя ему будет приятнее видеть в голом виде. Прости за тавтологию. Давай. Покажи нашему гостю...

Дошло не сразу. Что значит «в голом виде»? Прежде чем Сергей успел что-либо сказать, Ева взглянула синими с лисьим разрезом глазами, подошла ближе и стала медленно расстёгивать платье.

– Нет-нет, не нужно, – попытался возразить Исаев.

Но его никто не думает слушать. Когда Ева расстегнула пуговицы, оказалось, что под платьем у неё ничего нет. Сергей сглотнул. Ещё бы! У него уже давно не было женщины. Платье медленно падает на пол. Миг. Рыжая красавица резко переворачивается в воздухе. Он даже не разобрал, сальто это или что-то ещё. И тут стало не до аппетитных женских форм. Сергея янтарными глазами буравит палевая волчица. Зверюга облизнулась и, пройдя немного, встала около Альберта, не сводя глаз с Исаева. Чувствовать себя бифштексом, оказывается, жутко неприятно. Покосился на Альберта. Тот лишь улыбается. Погладил волчицу по голове.

– Достаточно, Эвся.

Миг. Едва заметный кульбит. Перед офигевшим Сергеем снова красивая, рыжеволосая молодая женщина. Лишь синие глаза лихорадочно блестят. Ева развернулась, подошла к брошенному на пол платью, медленно подняла и, не сводя с Исаева откровенного взгляда, оделась.

Повисло долгое молчание.

– Что скажешь?

Наткнулся на пронзительный взгляд Альберта, но промолчал. В горле пересохло. Голова пустая, мыслей ноль. Всё-таки древнее японское искусство помогает сохранить психику в порядке.

– О чём думаешь?

Вновь лёгкий холодок в районе лба. Странно. Откуда он тут? Сквозняков нет. Прокашлялся.

– Ни о чём.

– Разве такое возможно? Человек не может не думать.

Он вяло пожал плечами.

– Не может. Но я много лет занимаюсь спецпрактиками дзэн для остановки мыслей. Хорошо помогает в таких ситуациях и для мозга полезно.

Коженевский вопросительно взглянул на Еву. Та лишь пожала плечами:

– Что-то такое слышала.

Альберт снова посмотрел на Сергея:

– У тебя хорошо прошла первая фаза. Но это не всё. Завтра начинается полнолуние. У тебя наступит кризис. После этого ты станешь одним из нас. Эта ночь у тебя последняя. Завтрашней тебе будет... очень плохо.

Сердце сжала невидимая ледяная лапа. Глядя в каменный пол, Сергей тихо проговорил:

– Не хочу.

Коженевский положил руку на плечо:

– Знаю, брат. Увы, не мы это выбираем.

Убрал руку.

– Надо тебе всё рассказать. Я бы попросил Еву...

– Я согласна, – кокетливо воскликнула та.

Сергей взглянул на огневолосую красавицу-чудовище и поёжился.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул главврач, – но боюсь, она тебя изнасилует. После обращения у нас значительно повышается либидо. Придётся рассказывать мне. Эвся, будь добра, подожди у себя.

Ева недовольно поджала губки и вышла, послав от двери полный желания взгляд.

Альберт вошёл в темноту уютно обставленной спальни двухкомнатного блока. Шею тут же обвили тонкие руки. В губы впились горячие, влажные женские губы.

– Подожди, – с усилием отстранил девушку.

– Не издевайся, – простонала Эвся, – я чуть не свихнулась без тебя.

Спорить бесполезно, притянул её к себе, взял на руки...

– Странно всё это, – проговорил Альберт спустя достаточно долгое время, теребя рыжие волнистые волосы.

Оба немного утомились от любовного танца.

– Что странно, милый?

Эвся медленно выводит пальцами ему на груди только ей понятные узоры.

– Для меня не секрет ваши мысли. Я легко могу их прочесть, когда захочу. С ним этот номер не прошёл.

– Он же объяснил, у него нет мыслей...

– Похоже, он тебе нравится, – изобразил ревность Альберт.

– Что ты, Алик? Я только тебя люблю.

Это фамильярное «Алик» уже давно не коробит, но так его называть позволено в стае только Еве. Сам же часто зовёт её на польский манер – Эвся.

Ева сильнее прижалась упругим, горячим телом. Горячим в буквальном смысле. Температура тела оборотней не бывает ниже тридцати восьми.

– У каждого из нас есть какая-нибудь способность. А какая у него?

– Со временем узнаем, дорогой. Не торопись, – голос сонный.

Через минуту Эвся сладко спала. Рыжие волосы рассыпались по груди Альберта. А вот к главе клана оборотней Москвы, или как он любит себя называть, вожаку стаи, сон приходит не спешит. Не мигая, Альберт уставился в потолок. В голове пульсируют два вопроса. Как? Почему? Вся власть в стае держится не столько на силе, сколько на его способности читать мысли, предугадывать действия человека или оборотня. Все это знают и боятся. За четыреста лет не меньше десятка раз его пытались убить оборотни. Альберт сканирует мысли и чувства противника, иногда ощущает даже нервные импульсы в теле врага. Поэтому наперёд знает, что замышляет противник, какая будет атака. Это помогло стать вожаком. В поединке он убил предшественника, оборотня куда более сильного и опытного. Трижды пытались сместить его. Последний раз тридцать лет назад. Молодой и нахальный щенок решил занять место вожака. Он убил щенка. До дуэли. Из-за этого инцидента Коженевского едва не растерзали свои. Ибо это уже не дуэль. Убийство. Тогда с помощью Евы удалось вывернуться. Теперь в воздухе витает непонятная угроза. Скрытая и от того страшная. Не смог прочесть мысли мальчишки. Ну не может человек не думать так долго. Не может! Какая-то мысль обязана проскочить.

Попытался перехватить мысли Исаева. Ничего. Хотя сейчас Альберт его не видит. Такое почти всегда удаётся с людьми, а вот с оборотнями... Чтобы читать мысли вервольфа, его нужно видеть. Попробовал снова. Две эмоциональные вспышки – «не хочу!», «ненавижу!». Вожак удовлетворённо улыбнулся. Есть! Получилось!

Позднее снова попытался просканировать новичка. Тот осмысливает полученную информацию. Отлично!...

Когда у ещё молодого оборотня выявили этот дар, он пробовал читать мысли, не видя собеседника. С людьми удавалось почти всегда. С оборотнями – значительно реже. Долгие тренировки позволили постепенно усовершенствовать навык, но слишком медленно. Тогда он носил другое имя, и вот уже больше сотни лет пытается его забыть...

Вожак обязан поговорить с будущим собратом. Парень шокирован, отстранён. Сообразив, что классификация его сейчас вряд ли занимает, Альберт сначала рассказал, как становится оборотнем. Дальше – о физиологии и, уже в конце – о классификации.

В сельве Исаева атаковал оборотень. Но мальчишка смог убить такого с ильного вервольфа. Офигеть можно! Как?

О шамане местного племени известно мало. Он был высшим, и у парня есть шанс стать высшим вервольфом. В подземелье замаскированы видеокамеры с микрофоном. Раньше их не использовали, а теперь понаблюдаем. Скоро начнётся структурная перестройка организма. Если изменения продлятся две недели, Сергей станет низшим. Но это вряд ли. Он заразился от истинного, а среди истинных низших нет. Если три недели, станет обычным вервольфом. А вот если, не приведи Создатель, четыре, у парня все шансы стать высшим. Тогда у Коженевского появится ещё один конкурент в борьбе за власть.

Из десяти оборотней в пансионате высших четверо, включая вожака. Остальным до высшего не добраться.

В просторной камере подземелья бушует смерч по имени Сергей Исаев. Перевернул всё вверх дном. Барабанит в дверь, требует, чтоб выпустили. В конце концов, силы иссякли. Он сполз по двери на пол и застыл, тупо глядя перед собой.

Прошло около часа. Сергей пошевелился. В голову закрадываются бессвязные вялые мыслишки. Вновь знакомый холодок в районе лба. Быстро прервал поток мыслей и сосредоточился на ощущениях.

Подошёл к кровати, поднял с пола матрас с простынёй и бросил на постель. Небрежно расправил. Сверху кинул одеяло, что тоже валялось на полу. Факелы на стенах затрещали сильнее.

Лёг и закрыл глаза. Дикая вспышка ярости прошла. Он и не подозревал, что может так бушевать. Всегда спокоен, как дохлый лев, ну, если не считать инцидент с наркотой. Тогда реально испугался и потерял голову. Вот и сейчас. Только уже не страх, а дикая ярость.

Думать, думать и ещё раз думать.

Что-то странное с этим Альбертом. Будто обухом по темени, пришла догадка.

Несколько раз возникало ощущение, что Коженевский пытается залезть ему в мозг. В первый раз непроизвольно поставил блок, и случайно ляпнул про дзэн. Нет, нет! Отнюдь не случайно. Спонтанное, интуитивное и, главное – правильное действие! Так учат патриархи. Вот и сейчас, размышляя, непроизвольно защищается от попыток Альберта прочесть мысли. Ощущение сопровождается холодком в области лба. Ага. Значит, Коженевский снова пытается забраться ему под черепушку. Послал чётко выраженную мысль «не хочу!». Затем ещё одну – «ненавижу!».

Оборотни могут читать мысли? Интересно.

Пожалуй, правильно, что соврал главврачу.

Блин, о чём он думает?! Он же станет ЧУДОВИЩЕМ!

Нет!

Нельзя!

Не хочу!

Стоп, стоп! Главное успокоиться. Успокаивающее дзэнское дыхание. Вдох-выдох. До полного спокойствия. Итак, что имеем? Ева превратилась в волчицу, потом обратно в человека. Если это не глюки, то... даже страшно подумать, что «то».

Он слушал Альберта с пустой головой и отрешённым видом. Теперь время анализа информации.

Допустим, Альберт не соврал, и он, в самом деле, у оборотней.

Коженевский – поляк. Возраст – čtyреста тридцать два года. В тысяча восемьсот девяносто третьем году приехал в Россию. Руководит кланом оборотней Москвы и области. Вожак стаи. Еве, как отметил главврач, сто двадцать восемь лет. Называет девушку Эвсей.

В Московской области оборотней немного. В основном, все обитают здесь.

Существуют истинные оборотни и волкодлаки. Первые делятся на низших, обычных и высших. Потом, очевидно поняв, что новичку пока рано лезть в высокие материи рассказал о том, как появляются оборотни. Но Сергей решил вспомнить классификацию.

Истинный оборотень превращается в нормального зверя. В человеческом облике довольно красив и привлекателен для противоположного пола.

Волкодлак – уродливая помесь зверя с человеком. Из-за этого на людях появляются только для охоты. При трансформации больше похож на зверя, нежели на человека. В общем, урод уродом. Постоянно голоден. Себя не контролирует. Все волкодлаки – низшие. Истинные оборотни при обнаружении волкодлаков стараются их уничтожить. Причина – кровожадность, внешний вид и неконтролируемое превращение. Чтоб меньше было проблем с охотниками, лучше волкодлаков убивать при рождении. Кто такие охотники Альберт не объяснил.

Истинный оборотень сильнее волкодлака, особенно в боевой форме. Боевая форма, как пояснил Коженевский, это зверь, в кого перекидывается оборотень.

Снова лёгкий холодок в районе лба. Сергей закрываться не стал. Пусть считывает. Не нужно Алику знать, что он может закрываться от чтения мыслей.

Появляются оборотни двумя путями – рождение и заражение. Вожак рассказал про заражение, наиболее актуальная тема.

Если оборотень покусает или поцарапает человека, а жертва при этом не истечёт кровью и выживет, что бывает редко, несчастный становится оборотнем. От истинного – истинным, от волкодлака – волкодлаком. Если укусивший вервольф высший, есть шанс стать высшим. Сергей выжил.

В ближайшее полнолуние, следующей ночью, начнётся структурная перестройка организма. Продлится три-четыре недели, и он станет одним из них. Чудовищем!

Сейчас эта мысль не вызвала сильных отрицательных эмоций. И положительных тоже.

Он заразился, это и ёжику ясно. Напавший в сельве оборотень – истинный, высший и весьма сильный.

Значит, следующей ночью...

Снова накатила паника. Надо отвлечься. Что там Альберт говорил о высших и низших?

Низший не может контролировать превращение в зверя и обратно. В боевой форме – жгучая ненависть к людям. Непроизвольная трансформация в полнолуние и новолуние. Почти десять-двенадцать дней в месяц. На закате – в зверя, на рассвете – обратно в человека. То есть, если правильно понял, зимой низший оборотень находится в зверином теле дольше, чем летом. При сильной эмоциональной вспышке может превратиться в зверя и днём. Способен убить много людей сразу, так как себя не контролирует.

Среди истинных низшие не встречаются. Исключение – новичок. Он слишком чувствителен к эмоциональным вспышкам и фазам луны. Новообращённый какое-то время находится на некой грани между низшим и обычным.

Обычный оборотень может превращаться в зверя по собственному желанию. Но в пик крайних фаз луны тяжело контролирует превращение. Всего три-четыре дня в месяц. В это время возможна спонтанная трансформация даже при лёгкой эмоциональной вспышке. Но тут же способен перекинуться обратно в человека.

И, наконец, высший. Вервольф. Может превращаться когда угодно. В полнолуние и новолуние достаточно легко справляется с желанием трансформироваться. Просто в эти фазы становится раздражительным. Хотя вервольфом называют любого оборотня, кроме волкодлака, Альберт предпочитает так именовать только высших.

– Знаешь, Сергей, – сказал Коженевский на прощание, – в нашей жизни хватает плохого, но хорошего гораздо больше. Нам приходится убивать людей, чтобы жить. Но у нас довольно долгая, практически вечная жизнь. Тебе не нужно бояться болезней, эпидемий. Тебя они не коснутся. Тебе не повредят никакие яды, никакое оружие, разве что кроме ядерного. Мы легко регенерируем. Бойся только серебра. Металлического и его производных. Это единственное, что нас убивает.

Сегодня должны начаться необратимые изменения с телом. Как это будет? Больно?

Сергей меряет шагами помещение. Который час? По внутренним ощущениям скоро ужин. Но его не будет.

Чадающие факелы прекрасно освещают комнату. Посмотрел на пламя ближайшего. Жёлто-синеватые языки огня обволакивают головку светильника. Чёрный дым уходит куда-то вверх. Вентиляция?

Альберт посоветовал лечь спать. Какой там сон! Страшно? Прислушался к чувствам. Страшно. Прodelал успокаивающее дыхание. Помогло ненадолго. Тогда прямо на полу опустился на слегка расставленные колени и сел на пятки, в позицию сэй-дза. Сплетённые пальцы рук легли на низ живота. В точке тандэн, на три пальца ниже пупка, потеплело. Сосредоточился на ощущениях. Энергия пошла из тандэна по большому кругу назад к копчику, вверх по позвоночнику, по макушке, на лоб, по средней линии тела вниз. Круг замкнулся.

В тело тонкими ручейками потекла ки⁷, омывая каждую клеточку. Насытившись, встал, повернулся вокруг оси, махнув руками, как при броске на четыре стороны – сихо-нагэ. Резко выдохнул и прилёг на кровать. Теперь часа три точно не уснёт.

Ум – водная гладь в полный штиль. Сергей гипнотизирует тёмное пятно на белом сводчатом потолке. Выплыла полная луна. Тёмное облако медленно наползает на нижний край. От далёкого волчьего воя вздрогнул. Луна исчезла. Задремал всё-таки. Пить хочется. Поднявшись, сел на кровати. Кружка с водой рядом на столике. Протянул руку, взяв кружку, и медленно выпил. Немного воды стекло по подбородку на майку.

С лёгким стуком поставил кружку на место. Сердце бешено заколотилось. Начинается? Лучше прилечь. Уф! Успокоилось. Закинул руки за голову и снова стал смотреть в потолок.

Как там Марго? Родители? Ведь практически не вспоминал о них с тех пор, как попал сюда. Своя судьба занимала куда больше. Перед глазами возникло улыбающееся лицо Ритки... на фоне луны и медленно растаяло. Далёкий волчий вой в этот раз воспринялся как само собой разумеющееся. Полнолуние, волки, стая...

Он в стае...

Он – вожак стаи...

Холодный комок боли гранатой взорвался в солнечном сплетении. От неожиданности Сергей валится с кровати на пол. Холодный пот заливает глаза. Боль сводит желудок, кишки, вонзается в сердце.

Холодная боль...

Сладостная боль...

Уф! Отпустило. Сердце бешено колотится. До слуха доносится возня крыс за стеной. Резко поворачивает в ту сторону голову. Чётко различает биение трёх маленьких сердечек.

От света факелов больно глазам. В углу, в десяти шагах ползёт таракан. Напрягся и разглядел бусинки глаз. Боль заставила содрогнуться тело. Насекомое с громким топотом нырнуло в щель.

Острая боль в пальцах... О, Господи! Ногти удлиняются и закручиваются книзу, руки покрываются тёмными волосами. Боль исчезает. Руки – нормальные, человечески.

Сергей медленно поднялся с пола во весь рост. Началось.

Сладостная истома...

Ледяная вспышка в солнечном сплетении. Свет померк. Кажется, потерял сознание. Пол непривычно близко. Похоже, он на четвереньках. Что происходит? Поднял руку и замер, с удивлением и ужасом рассматривая когтистую лапу в чёрной шерсти. Тогда Сергей закричал. Из горла вырвался звериный рёв.

Замолчал. Восприятие изменилось. Новые звуки, запахи. Факелы погасли, но он прекрасно видит в темноте. Переполняет сила. Хочется подпрыгнуть. Мускулистое тело прекрасно слушается. Мощным прыжком перелетает в противоположный угол. Всккивает на каменное возвышение в центре. Лёгкая эйфория, хочется смеяться. Из горла вырывается радостный звериный рык.

Вспышка холодной, сладостной боли в солнечном сплетении...

Угол комнаты и полная темнота. Лежит весь в поту. Сердце готово выскочить из груди. Глаза потихоньку привыкают. Видит руки. Обычные человеческие руки...

⁷ **Ки** – жизненная энергия, сила. В Китае её называют «ци», в Индии – «прана», в славянской традиции – «жива» (прим. автора)

Опасения сбылись. Новичка корёжило почти месяц. Видеокамеры непрерывно ведут запись. Кто-то из стаи постоянно дежурит у монитора. Когда факелы в подземной камере гасли, и Сергей в изнеможении засыпал, кто-нибудь приносил новые. Когда приступы отступали, приносили воду и еду. К еде новичок притрагивался редко. Воды пил много. Потом новые приступы.

Спустя пару недель вместо обычной еды иногда приводили овцу или козу. Ягуар с остервенением набрасывался на добычу.

Альберт вошёл в комнату. У монитора дежурит Евгений.

– Ну? Как наш подопечный?

– Красавец, – Женька взлохматил рыжую непослушную шевелюру, – смотри.

В подземелье, размахивая в ярости хвостом, мечется чёрный ягуар.

– Видел уже, – отмахнулся Коженевский. – Вы все прямо от него в восторге.

– Да ладно тебе, – Женька улыбнулся. – Классно же. Волков среди нас много. Рысь есть, медведь. Но это все наши звери, русские. А тут пантера. Экзотика же.

– Пойду к нему, – Альберт вышел.

По дороге зашёл за Эвсей. Попросил прихватить больничный халат, и вместе пошли в подземелье.

В комнате, освещённой тускло чадающими факелами, в нос ударил едкий запах звериного пота, испражнений. Глухой рык. Из-за выступа в стене вышла, наклонив голову, пантера. Чёрная как уголь.

– Красавец, – выдохнула Эвся.

Альберт задавил вспыхнувшее раздражение.

– И ты туда же! Вы прям все от него без ума.

– Не ревнуй, Алик, – девушка засмеялась.

Коженевский подошёл к ягуару. Тот зарычал.

– Всё, Сергей, пора. Превращайся в человека.

Миг, и перед ним Сергей Исаев. В человеческом облике. По лицу парня текут слёзы.

Тяжело было первые две недели. Конечно, про две недели узнал потом, когда рассказали, что с ним происходило, и показали записи. Для Сергея же время то тянулось резиной, то несло как болид на «Формуле-1». Трансформация происходила произвольно. Сначала достаточно часто и в самые неподходящие моменты. Затем реже и дольше. Превращаясь в пантеру, плохо помнил, что с ним происходило в человеческом теле, но хорошо – что в зверином. И наоборот.

Когда лежал в беспамятстве, приносили воду и выливали в корыто. Приводили еду – козу или овцу. И тогда от дикого голода и жажды крови перекидывался в зверя, довольно урча, терзал горячую, свежую плоть.

Спустя две недели значительно полегчало. Вспомнился ледяной ком в солнечном сплетении и сладостная боль. Ещё через пару дней уже мог дольше находиться и в теле ягуара, и в человеческом. В памяти появляются проблески, что происходило, пока жил в облике зверя.

В это время, наверное, поняв, что Сергей себя более или менее контролирует, девчонки-медсёстры забрали корыто и принесли железную кружку, так как старую, керамическую, разбил в первый же день полнолуния. Уже видел, как в его тюрьму приводят блеющую овцу

или мекающую козу. Домашняя скотина, трясаясь от страха, забивалась в угол. Волны ужаса, исходившие от жертвы, возбуждали.

Наконец, произвольные превращения прекратились. Чувства всё ещё барахлят. То доносится «топот» тараканов за стеной. Крошечные лапки перестукивают по старому камню. Звук крысиных лапок иной. Доносится журчание крови в венах. Громко бьётся сердце, мешает спать. Хотя может бодрствовать несколько суток. Слышит голоса пациентов дома престарелых. Правда, слов не разобрать. Потом звуки вдруг пропадают. Полностью.

Зрение тоже чудит. Временами различаются мелкие трещинки в стене. В полной темноте видать как днём. То в освещённой комнате с трудом может разглядеть вытянутую ладонь, что вызывает панику. Потом привык. То же творится с обонянием и осязанием. Часто в нос ударяют всевозможные запахи, большей частью неприятные, но сносные. Иногда вообще ничего не чувствует. То ощущает малейшие колебания воздуха, лёжа под одеялом, то тело полностью теряет чувствительность, превращаясь в «деревяшку».

Однажды Сергей лежал и думал о Марго, родителях. Он теперь для них опасен. Находясь рядом, в любой момент может убить самых дорогих людей. Как быть? В районе лба появился лёгкий холодок. Мысли депрессивные, закрываться не стал.

Лежал, жалея себя и проклиная судьбу. Вспомнил эйфорию в теле зверя. Как это было? Ледяной ком в солнечном сплетении.

Встал с кровати. Попытался вызвать холод. В районе желудка защекоotalo. Чуть повыше... Нет. Не выходит.

Взял кружку с водой. Потрогал пальцем жидкость. Прохладная. Плеснул на солнечное сплетение. Попытался запомнить ощущения. Снова попробовал вызвать холод. Не получилось. Он так и ходит голышом. Одежда разлетелась в клочья после первого же превращения.

Зло сплюнул и с нахлынувшей яростью бросился на кровать. Время словно замедлилось. Ледяной ком возник неожиданно. Миг сладостной боли, и чёрные лапы мягко коснулись одеяла. Слегка самортизировав приземление, ягуар скользнул на пол. Рыкнул.

Как теперь обратно? Вспомнил. Попытался вызвать ощущение холода. Не получилось. Вызвал состояние ярости. Не вышло. Накатила паника. Миг, он снова человек. Стоит на четвереньках. Медленно поднялся. Итак, состояние ярости позволяет ему перекидываться...

Спустя несколько дней попытался ещё раз. Ярko представил ледяной ком в солнечном сплетении. Наконец-то. Долгожданный миг сладостной, желанной боли.

Шаги. Кто-то подходит к двери. Длинный прыжок в угол. Дверь открылась, вошёл Альберт. Следом Ева со свёртком в руках. Сергей вышел, наклонив голову, глухо зарычал.

Вожак попросил превратиться в человека.

Стало так плохо, что ледяной ком сам сгустился в знакомом месте. Зверь встал на задние лапы... Распрямился человек. Ева разглядывает с неподдельным интересом. Наплевать. Что-то защекоotalo кожу щёк. Сергей смахнул слёзы.

– Поздравляю, брат, теперь ты один из нас.

Он, что издевается? Взглянул в глаза Альберту. Не похоже.

– Одевайся, надо о многом поговорить.

Ева протянула свёрток. Исаев шагнул вперёд. В руках девушки длинный больничный халат. Путаясь, надел и подвязал поясом. Оборотни вышли, Сергей следом. Поднялись по винтовой лестнице из камня, по которой рядом вполне могут идти три человека.

Упёрлись в каменную стену. Альберт чем-то щёлкнул, и часть стены отъехала. Вышли в просторную залу. Метров тридцать в длину и пятнадцать в ширину с высоким, в два этажа, потолком. Окна на противоположной стороне зашторены тяжёлыми тёмно-зелёными портьерами.

Сергей осмотрелся. На стене, откуда вышли, висят пять щитов. Каждый с двумя перекрещивающимися мечами. Настоящие или сувениры? Проход в подземелье медленно закрылся

тяжёлым дубовым шкафом. В центре громадный круглый стол. Вокруг – стулья-кресла с высокими резными спинками. Один стул на небольшом возвышении, расположен так, что сидящий на нём видит перед собой дверь. За ним камин. Действующий или так, дань моде?

Вышли из залы. Ева отвела Исаева в душевую.

– Я бы с удовольствием потёрла тебе спинку, но от возбуждения ты можешь перекинуться в самый неподходящий момент, – девушка улыбнулась. – Подожду снаружи.

Ева принесла одежду, в чём он был на охоте. Всё постирано и аккуратно заштопано. Не спеша оделся. Девушка проводила в залу, откуда вышли сорок минут назад.

Сергей замер в дверях. За круглым столом девять человек. Мужчины и женщины. Все молодые, едва ли старше двадцати пяти. Женщины выглядят моложе мужчин. Альберт сидит на возвышающемся кресле. За его спиной потрескивает живой огонь. Выходит, камин действующий. Распущенные белые длинные волосы жоака оборотней Москвы сразу бросаются в глаза. Кресло справа пустует.

– Не бойся, проходи, – Ева легонько подтолкнула в спину, – занимай любое свободное место.

Девушка направилась к жоаку, присев по правую руку.

Ага, ясно! Это место занято. Обвёл собравшихся взглядом. Исаевский охотничий камуфляж не совсем уместен, хотя в дорогом чёрном костюме только Альберт. Остальные кто в чём – шорты, футболки, джинсы.

Подошёл к свободному креслу и уселся между Александрой и высоким стройным художавым шатеном в голубой полосатой рубашке, с серыми глазами и лёгким румянцем на щеках. Как ни странно, собравшиеся не проявили к нему особого любопытства. Взгляды бросают, но без явного интереса. С женщинами понятно. Они часто заходили в подземелье. Он их всех знает. А вот мужчин видит впервые. Не считая Альберта.

– Господа, – торжественно начал жоак. – К нашей стае присоединился новый брат. Все вы его уже знаете, но всё же представлю. Исаев Сергей Григорьевич. Боевая форма – чёрный ягуар. Для наших краёв экзотика. Способности пока не выявлены.

– В смысле? – не понял Сергей. – Какие способности?

– У каждого из нас, – отозвалась слева Александра, – есть какая-либо способность. Обычно одна, очень редко две. Альберт, например, – кивнула в сторону жоака, – читает мысли.

– Саша, – Коженевскому, по всей видимости, не понравилось, что перебили торжественную речь, – позволь я сам.

Девушка улыбнулась и замолчала...

Слух, зрение и обоняние резко обострились. Голос Альберта стал громоподобным. Сергей сжался. В нос ударили резкие запахи. Как оказалось, никто из присутствующих не пользуется парфюмерией.

Накатила паника. Под ложечкой возник знакомый холодок. Усилием воли не позволил ему дойти до ледяного пика. Превращения удалось избежать.

– Молодец, – тихо проговорил Альберт, – справился. Теперь то же самое проделай с органами чувств.

– Не получается, – прошептал Исаев.

– Расслабь. Попробуй на них не концентрироваться.

Попытался. Органы чувств пришли в норму. Вытер вспотевший лоб.

– Молодец, – повторил Альберт. – Сейчас твоё любое резкое эмоциональное возбуждение может привести к произвольной трансформации. Ты пока ещё низший. Займёмся твоей подготовкой. А пока представлю собравшихся.

При обращении к кому-либо из мужчин, тот приподнимался на стуле. Женщины лишь слегка кивали.

Начал Коженевский с себя. О нём Сергей кое-что уже знает. Боевая форма – серебристый волк. Возраст четыреста тридцать два года. Умеет читать мысли. Родился в Польше. Большую часть жизни прожил в Европе, в основном в Сербии, Румынии, Венгрии. Иногда заезжал в Германию и Британию. В Россию перебрался в 1893 году. С гордостью сообщил, что он – высший. Официальное занятие – главный врач в частном пансионате для престарелых, где они сейчас находятся.

Второй представил Еву, и дальше по кругу, против часовой стрелки.

Ева Боргова. Боевая форма – палевая волчица. Сто двадцать восемь лет. Родилась в Москве. Оборотнем сделал лично Альберт, когда ей было восемнадцать. Интересно как? Может соблазнить любого мужчину или женщину, в том числе оборотня. Хотя с ними сложнее. Совершенно неважно, смотрит на неё объект соблазнения или нет, рядом с ней или далеко. Сергей взглянул на Еву. Сексуальность из неё так и струится, охватывая невидимыми нитями. С трудом отвёл взгляд.

– Эвся, перестань! – раздражённо попросил Альберт.

Нахлынувшая нега нехотя отпустила. Ева по должности – зам главврача пансионата. Как позже оказалось, все присутствующие врачи. Так что насчёт медсестёр ошибся.

Следующим Альберт представил голубоглазого, низкорослого крепыша с совершенно лысой головой по имени Александр. На парне белая футболка с красной короной и того цвета надписью «Царь», а ниже «Просто Царь». Боевая форма – волк. Чувствует гибель оборотня, где бы тот не находился, и мысленным взором видит убийцу.

– Это он почувствовал смерть напавшего на тебя колдуна-индейца, – пояснил Альберт, – и помог тебя отследить.

Александрю двести двенадцать лет, родом из Харькова.

Очередь дошла до Александры. На девушке короткое красное платье, открывающие соблазнительные ножки. Боевая форма невысокой брюнетки с короткой стрижкой – волчица. Возраст пятьдесят лет. Из глухой деревушки в Тульской области. Лечит травами и личной энергетикой. Высшая.

Высокого, стройного, худощавого шатена справа от Сергея, Альберт назвал Виктором. Щёки мужчины заливают лёгкий румянец. Русые кучерявые волосы едва закрывают уши. Боевая форма не удивила разнообразием. Волк. А вот способности поразили. Виктор в боевой форме может проходить сквозь стены и другие преграды, и способен протащить с собой ещё одного оборотня или человека. Сто одиннадцать лет. Родился в Царском Селе в семье аристократов.

Пять оборотней, и все волки. И он один – ягуар. Ещё заметил, что оборотни сидят парами. Даже имена совпадают. Александр с Александрой, Виктор с Викторией. Наверняка Яна сидит с Яном. А вот с кем Елизавета? Рыжая лохматая шевелюра Лизы обалденно гармонирует с такой же рыжей и лохматой шевелюрой соседа. Аналога мужского имени Сергей не вспомнил.

Боевой формой Виктории, среднего роста блондинки, с прямыми чуть ниже плеч волосами оказалась рысь.

Хм, тоже кошка. Прекрасно! Не так скучно будет. Сергей улыбнулся. В районе лба похолодело. Взглянул на вожака и поймал ответную улыбку Коженевского. Ещё раз послал мысль о кошке и остановил внутренний диалог.

Вика может парализовать волю человека на расстоянии. Родилась где-то в Средней Азии. Возраст – двести два.

Рыжего, лохматого, конопатого соседа Лизы зовут Евгением. Вот и первая нестыковочка! Боевая форма – бурый медведь. Серые с зеленой глаза оборотня хитро прищурились, когда Сергей удивлённо взглянул на него. Парень среднего роста, весит едва ли килограмм семьдесят. А медведь – кило под четыреста. Вожак снова прочёл мысли.

– Тебя удивляет, что Женя превращается в зверя весом раз в пять больше его самого. Как и почему так происходит, не знаю. Ты ведь тоже обращаешься в ягуара весом под сотню кило. А Вика при трансформации теряет в весе раза в два, в три. Продолжим...

Женя тоже высший. Родом из Литвы. Шестидесят восемь лет.

Боевая форма Лизы разнообразием не отличается – волчица. Невысокого роста с изумрудно-зелёными глазами Елизавета обладает даром, сходным с Евиным – секс-гипноз. Легко наводит и снимает страсть с человека любого пола. Родилась в Омском уезде Акмолинской губернии сто сорок два года назад.

Низенького, полноватого с залысинами мужчину в полосатой футболке звать Семён. Волосы чуть с проседью, но выглядит не старше двадцати пяти. В компании оказался самым молодым, не считая Сергея. Сорок три года. Родился в Ельце. Боевая форма – волк. Может управлять животными и птицами. Высший.

Наконец, Яна. Чёрные, распущенные, длинные волосы крупной волной струятся по плечам. Серые глаза лукаво блестят. Лёгкое белое платье растёгнуто до уровня, что заставляет мужчин слегка косить глаза в глубокий вырез. Она тоже часто приходила к нему. Невысокого роста с тонкой талией и широкими бёдрами произвела сногшибательное впечатление. Говоря по правде, все женщины поражают красотой. Боевая форма разнообразием не отличается. Волчица. Вот способности впечатлили. Питается и поддерживает жизненные силы не только кровью и мясом, но и эманациями похоти мужчин. Круто! Тоже высшая. Родилась в Москве сто пятнадцать лет назад.

– Если есть вопросы, задавай? – закончил Альберт.

– Как вы... то есть мы питаемся?

– Ясно, ты голоден, – улыбнулся вожак. – Обычная пища для нас бесполезна. Мы можем питаться как люди, но это не насыщает. Свежее сырое мясо, – при этих словах голод усилился, – насыщает ненадолго. В твоей комнате живая овца. Ступай, пообедай. Начни с шеи. Там вкуснее, – и подмигнул.

Холод в солнечном сплетении усиливается. Вот-вот наступит опасный пик и трансформации не избежать, но уходить, не выяснив всё, не собирается.

– Сергей, – обратился конопатый сосед Лизы. Как его? Ах да, Евгений, – это нормально для новичка. Не комплексуй. Ступай, поешь и возвращайся.

– И не забудь сначала снять одежду, – донёлся голос Яны.

– Зачем? – прохрипел Сергей.

Холод под ложечкой усилился.

– Ты на грани трансформации, – пояснил Альберт. – При перекидывании вся одежда разлетится в клочья. Тебе придётся ходить в больничном халате, пока мы не принесём новую. Яна, помоги.

Сергей с трудом поднялся. Холодный ком набирает силу. Он из последних сил давит его, пытаясь вызвать ощущение тепла. С трудом, но получается.

– Я... сам...

Яна уже рядом.

– Ну да, сам. Знаем таких самцов. Сами они, – взяла под руку и повела к двери.

– Силён парень, – донёлся мужской голос на выходе из зала.

Пока шли к новому жилью, полегчало. Вместе с постиранной одеждой Ева дала электронный ключ от двухкомнатного блока. Сергея перевели на второй этаж, в крыло, куда пациентам, персоналу и посетителям хода нет. Жилой блок с двумя комнатами, с окнами в сад, отдельным санузлом и душевой с ванной.

Исаев приблизил карточку к датчику. Щелчок замка. Яна прошла с ним в комнату.

– Раздевайся. Обед в душе.

Девушка не сводит с него откровенного взгляда.

– Почему... в душе? – в горле пересохло от предвкушения обеда и вызывающего взгляда.

– Потому что здесь всё зальёшь кровью, а там быстро всё смоешь.

Комок под ложечкой достиг опасного ледяного уровня.

– Понятно, – просипел Сергей. – Ян... отвернись... пожалуйста.

– И не подумаю. Мне интересно, как ты перекидываешься.

И с ехидной улыбкой уселась на широкую двуспальную кровать.

Ну и хрен с ней. Сергей стал раздеваться. В солнечном сплетении нарастает ледяной ком. Чёрт, надо торопиться! Быстро скинул обувь, носки, остатки одежды. Миг... сладкая боль. Чёрные лапы подушечками касаются серого ворсистого ковра.

Едва слышный скрип. Яна поднялась с кровати. Повернул к ней уши. Тёплая ладонь коснулась головы.

– Какой красавец, – выдохнула девушка. – Пойдём, открою дверь.

Сергей благодарно рыкнул. В корнях зубов лёгкий зуд. Яна пошла вперёд и открыла дверь. Он метнулся в чёрный проём, слегка задев девушку мощным плечом. В углу тёмной душевой сжалась от ужаса и жалобно блеет овца. Бросок, зубы сомкнулись на горле, рывок. В следующее мгновение по телу побежали лёгкие серебристые пузырьки. Но сейчас это не важно. Ягуар стал рвать и, урча, поглощать свежее мясо.

Насытившись, зверь снова превратился в сидевшего на корточках человека. Стопы в луже овечьей крови. На правое плечо оседает кровавая пыль.

– Прими душ, – девушка через голову сняла платье, нижнего белья нет, от слова «совсем». – А я пока кровь смою.

Побежала вода. Яна быстро смыла кровь с Исаева и повернулась спиной. Завораживающий изгиб бедра, тонкая талия. Сергей коснулся точёного бархатистого плеча, прижался к девушке. Янка тихо застонала, почувствовав его желание...

Выскочили из ванной и бросились на кровать.

Через час бешеного, неистового танца любви девушка поднялась с постели.

– Давай уберёмся в душевой, я так ничего толком не успела, – она повернулась, изящная, невысокая, – всё из-за тебя, противный.

Тут до него дошло. Она же – девушка Семёна! Очевидно, что-то такое отобразилось у него на лице. Яна присела рядом и поладила по щеке.

– Не бойся, Сеня ревновать не будет. Мы свободная стая и можем любить, кого хотим, и когда хотим.

– Ага, свободная, – хмыкнул Сергей, – как в Маугли.

– Точно, – Яна чмокнула в губы, задержавшись чуть дольше. – Давай быстро уберёмся и пойдём. Нас ждут, – и направилась в ванную.

Глава 9

Багровый диск в лёгкой дымке медленно скатывается за кромку леса, что виднеется на той стороне небольшой деревушки. Рядом в кустах заливаются соловей. Иногда сквозь переливчатую трель слышен восторженный стук маленького сердечка.

Уже минут тридцать они с опушки леса разглядывают деревню. Первая охота Сергея. Первая – в новом состоянии. В новом облике. Уехали подальше от Москвы, под Архангельск. Как пояснил Альберт (ненавидит, когда называют Аликом, это разрешается только Еве), обучаться охоте лучше подальше от дома. Мало ли что. Да и охотиться там, где живёшь, без крайней нужды не стоит. Лучше конечно отправиться туда, где идёт война, но не получилось.

– Самое главное в охоте, – наставляет Альберт, – не столько наесться мяса, сколько получить жизненную силу. Поэтому, захочешь есть, ешь на здоровье. Но помни, основная сила в шее и в животе. Жизненная сила уходит через пять-десять секунд. Разрываешь горло или выгрызаешь живот. Особенно низ живота.

– Там, где тандэн? – усмехнулся Сергей.

– Не понял.

Объяснил, что в японских боевых искусствах так называют средоточие силы. Показал на себе.

– Да. Именно здесь, – кивнул Алик. – Можно и весь живот. Гораздо меньше силы в сердце, печени и селезёнке, но там она сохраняется до часа.

Исаев вновь оглядывает на деревушку. Полтора десятка дворов. В доме на отшибе живёт местная колдунья. Тётка, чья корова пасётся за оградой дома, действительно кое-что умеет.

– Слушай, а почему корова? – запоздало спросил Сергей. – Если её обнаружат с характерными ранами, на нас самих может начаться охота. Может лучше кабан или олень.

Альберт глядит на заходящее солнце. В глазах отражается отблеск оставшейся верхушки багрового диска.

– Дикие животные дают мало сил. Оленя хватает на три-четыре дня. Крупные хищники чуть больше. Мелкие – на день или два. От домашних сил больше. Корова, например, даёт питание недели на полторы. Помнишь, овцу? Её ты убил неправильно, но часть сил всё равно получил.

Сергей кивнул, вспомнив щекочущие пузырьки в крови. Альберт продолжил:

– Больше всего сил даёт человек, особенно противоположного пола. А ещё больше девственник или девственница.

Исаева покорило.

– Ничего не поделаешь, Сергей, – Альберт жёстко взглянул в глаза. – Теперь это твоя судьба. Чтобы жить и расти, тебе надо питаться. Для питания подходит любая теплокровная живность. Повысить уровень можно лишь за счёт человека. Иначе останешься низшим. Так вот, – в голосе прорезалась сталь, – человек даёт сил примерно на месяц, противоположного пола – на два. Если повезёт с девственницей или девственником, срок смело увеличивай в два, а то и в три раза.

– Слушай, чуть не забыл – Сергей смутился, – после обращения возрастает... либидо, а мы... это...

Альберт тихо рассмеялся.

– Не волнуйся, охота ненадолго компенсирует влечение. А в поезде проводницы, попутчицы, а мы крайне привлекательны для противоположного пола, – и подмигнул.

Солнце скрылось. Лишь узкая полоска неба озаряется тёмно-розовым. Слева серебрится серп молодого месяца.

– Пора, – шепнул Альберт.

Сергей посмотрел на старую, ухоженную хижину метрах в двухстах. Медленно разделся догола. Чуткий слух ловит стук сердца бурёнки. Так. Вызвать ощущение ледяного комка под ложечкой. Миг сладкой боли. Чёрные лапы мягко опираются на траву.

– Удачной охоты, Багира, – улыбнулся Альберт и потрепал по холке. – Я покараулю одежду.

Ягуар недовольно заворчал. Чёрная тень заскользила к деревне.

Азарт охоты подстёгивает. Кровь мощно течёт в жилах. Вот и добыча. Замер на несколько секунд. Ноздри трепещут. Пошевелил ушами. Корова жуёт траву и не чувствует опасности. Желанный запах свежайшего мяса, горячей тёплой крови. В зубах нарастающий зуд. Утолить дикий свербёж можно, лишь вонзив клыки в живое, горячее тело жертвы. В хижине работает телевизор. В сенях хозяйка разговаривает с посетительницей. Женщина просит вернуть беспутного мужа, ушедшего к разлучнице. Уточняет детали. Времени крайне мало.

До коровы метров двадцать. Сергей молниеносно преодолевает разделяющее пространство. Прыжок. Зубы вцепились в шею. Тёплая солоноватая кровь потекла по губам. Тело тут же вскипает знакомыми серебристыми пузырьками. Непередаваемые блаженные ощущения в отличие от «неправильно» убитой овцы. Бурёнка всё ещё бьётся в конвульсиях. Воздух с лёгким свистом и бульканьем вырывается через разорванную гортань. Прижал тушу к земле. Рывок сомкнутыми зубами в сторону. Кровь моментально залила траву и попала на лоснящуюся чёрную шкуру. Ягуар вцепился в сочную ляжку и отгрыз приличный кусок. Сырое мясо и кровь пьянят. Уставился на низ живота коровы, где гаснет биение жизни. В клыках снова засвербело.

– Ступай, – доносится голос колдуньи. – Мне ещё Зорьку надо загнать.

– Чё так поздно, Никитична?

– Да чё ей будет? Заговорённая она у меня, – похвасталась тётка.

Новая добыча. Желанная, вкусная. А сколько сил! Радость вырывается из горла глухим рыком. Ягуар приникает к земле. Запах тёплой крови убитой коровы щекочет ноздри. Сейчас подойдёт хозяйка.

Кто-то жёстко хватает за холку. От боли и неожиданности Исаев превращается в человека. Сбоку на корточках сидит Альберт. Сергей даже не почувствовал, как тот подкрался.

– Ты что удумал? – прошипел вожак. – Ну-ка бегом отсюда! – и подтолкнул Исаева.

Тот шагнул. Сухая ветка впиалась в голую пятку. Сергей охнул. Альберт заткнул ему рот ладонью.

– Перекидывайся, – прошипел Алик.

Судя по тому, что вожак в одежде, пришёл в человеческом облике.

Ягуар беззвучно помчался к лесу, пригибаясь к земле. Рядом, пригнувшись, бежит Альберт.

Достигли опушки, где осталась одежда.

– Одевайся.

– Слушай, – тихо проговорил Сергей, превратившись в человека, – а почему на мне крови нет? Когда был ягуаром, на меня попало много крови коровы. И тогда, когда я овцу... тоже я был весь в крови, а как стал человеком, крови не осталось.

Альберт приложил палец к губам.

– Быстро одевайся. Ночью звуки далеко разносятся. Расскажу по дороге. Уходим. Рысью! Когда бегом бесшумно удалялись от места охоты, Альберт поинтересовался:

– Ну, как ощущения?

– Обалденные, – довольно улыбнулся Сергей, удивляясь, что не задыхается от быстрого бега и может спокойно разговаривать. – Ещё раз назовёшь Багирой, морду набыю.

Альберт тихо рассмеялся.

– Не обижайся. В оригинале у Киплинга Багира – самец. В русском переводе и в мультфильме его почему-то сделали самкой. Так что не комплексуй, – и дружески хлопнул по спине.

– Ты обещал рассказать, – напомнил Исаев.

– Да ничего особенного. При трансформации одежда в клочья, и, соответственно, кровь вся стряхивается. Превращается в пыль и оседает на окружающие предметы, людей. На всё, что рядом.

Раздался женский крик. Причитания. Исаеву стало неуютно, что вожак тут же заметил.

– Ничего, привыкнешь. Давай поторопимся.

Некто из концерна взял телефонную трубку, нажал попискивающие клавиши.

– Алло! Андрей Михайлович? У меня для вас приятная новость. Единогласным решением совета директоров вы назначены генеральным директором компании «Альфа Лимитед».

Снетко рассыпался в благодарностях. Выразил сомнения, что если найдётся Сергей Исаев...

– Ничего страшного. Мы продолжаем поиски Сергея Григорьевича. Если объявится, предложим хорошую должность в концерне. Займёт место отца. Удачи.

Некто положил трубку. В массивную дверь постучали.

– Войдите.

В кабинет почти вбежал взъерошенный крепкий парень с короткой стрижкой. Пиджак чёрного костюма расстёгнут. Галстук сбился на бок.

– Шеф, только что сообщили. Исаева видели в Архангельске. Вчера сидел на московский рейс.

Некто вскочил.

– Что-о? В Архангельске?! Каким лешим его туда занесло?

Парень развёл руками.

– Не знаю, шеф.

– Федоскина ко мне. Срочно! – рявкнул Некто.

– Есть, шеф!

Парень пулей вылетел из кабинета.

Через пару минут в дверь снова постучали. Вошёл коренастый, неприметной наружности мужчина в сером костюме.

– Степан Фёдорыч, бери сколько нужно людей и срочно привези сюда Исаева. Если дома нет, поставь засаду в квартире. Установи наблюдение за домом и, – Некто секунду подумал, – за квартирой Снетко. Выполняй.

Лёгкий ветерок из распахнутого окна приятно холодит кожу, ласково касаясь тела. Тёплая августовская ночь. Лето кончается. Восемь вечера, а уже темно. Сколько он уже здесь? Восемнадцатого июня напал ягуар. Алик сказал, сюда его привезли двадцатого. Сегодня пятнадцатое августа. Почти два месяца. Большую часть времени провалялся без сознания.

Сергей всё ещё не может выходить из пансионата. Точнее, на улицу выходит, гуляет в саду. Но в Москву или даже в соседний городок не выпускают. Альберт считает, он пока опасен и для людей, и для стаи.

Нужно ещё раз поговорить с Коженевским. Покинул блок и, как был в шортах и футболке, направился к апартаментам Альберта.

Подошёл к двери жоака, постучал и, не спрашивая разрешения, потянул ручку двери. Странно. Электронный замок открыт. Ах, да! Блок Алика запирается на обычный, механический. Взору предстала эротичная сцена – Ева на коленях у жоака.

– Извините, что помешал, – в голосе ни капли раскаяния. – Альберт, мне надо в Москву.

Ева нехотя соскользнула с колен Алика.

– Что прям-таки срочно? Рано ещё.

– Всё равно уйду.

Коженевский помолчал.

– Хорошо, поехали. Я с тобой. И не спорь...

Тёмно-серый джип «шевроле» вырулил на Садовое кольцо. Остановились на перекрёстке, ожидая зелёный. По улицам шастают прохожие, туристы. Интересно, а это что? У некоторых прохожих под одеждой что-то светится багряным. Пригляделся. Очертания креста. В голову пришла интересная мысль. Надо проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.